

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2021

Том 21

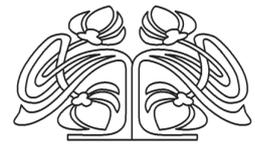
Выпуск 3

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Сиюхова А. М., Куева Э. М. Интерпретация теории «идеальных типов» М. Вебера применительно к эмпирическому социологическому исследованию 248

Кузьмина Е. В., Гончарова Н. В. Формы взаимодействия предприятий и учебно-образовательных структур при подготовке кадров для инновационных предприятий региона 254

Чурсина А. В. Подготовка кадров для наукоемких производств в системе непрерывного образования 263

Абдусаламова М. Ш. Формирование социального капитала политических партий и общественных организаций в регионе: основные направления и средства 269

Байнова М. С., Надточий Ю. Б., Петров А. В., Горьковая О. П., Стальмакова Е. Д. Актуальные вопросы политики обращения с отходами в России 274

Бессчетнова О. В. Проблема домашнего насилия в пандемию COVID-19: кто виноват и что делать? 283

Елютина М. Э., Неруш А. А. Структурные основания взаимодействий в онлайн-играх 289

Калиева Ж. А. Социальные функции молодежных объединений через призму мнения активистов 295

Политология

Вилков А. А. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью 303

Казakov А. А. Грани медиаобразования в трудах научной школы А. В. Федорова: политические аспекты 310

Кузьмин П. В., Халанская Л. Г. Развитие гражданского общества в Республике Крым после ее воссоединения с Россией 316

Санжаревский И. И., Кузнецова Е. А. Разделение властей и конституционная эволюция системы государственного управления в современной России 324

Зиятдинова Э. М., Фатыхова Д. Р. Специфика PR-деятельности российских органов местного самоуправления в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 331

Новикова Е. С., Крипак А. В. Некоторые вопросы взаимодействия России и Китая в Арктике 335

Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации 340

Шамаров П. В. Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН: политико-правовая корреляция и подобию 347

Слово молодым политологам

Самусевич А. В. Административное регулирование регионального электорального цикла в России: основные тенденции выборов глав регионов 2019–2020 гг. 354

Приложение

Хроника научной жизни

Никифоров Я. А., Немерюк Е. Е., Покатов Д. В., Романовская О. А., Темаев Т. В. Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика (отчет о конференции) 362

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rr.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 25.08.21.

Подписано в свет 31.08.21.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 111-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Siiukhova A. M., Kueva E. M.** Interpretation of M. Weber's theory of ideal types in application to empirical sociological research 248
- Kuzmina E. V., Goncharova N. V.** Forms of interaction between enterprises and educational structures in the training of personnel for regional innovative enterprises 254
- Chursina A. V.** Personnel training for high-tech industries in the system of lifelong education 263
- Abdusalamova M. Sh.** Formation of social capital of political parties and public organizations in the region: Main directions and means 269
- Baynova M. S., Nadtochiy Yu. B., Petrov A. V., Gorkovaya O. P., Stalmakova E. D.** Current issues of waste management policy in Russia 274
- Besschetnova O. V.** Family violence in COVID-19 pandemic: Who is guilty and what to do? 283
- Elutina M. E., Nerush A. A.** Structural foundation for interactions in online games 289
- Kaliyeva Zh. A.** Social functions of youth associations through the prism of the activists' opinion 295

Politology

- Vilkov A. A.** Perestroika in the USSR: Between the ideological concept and reality 303
- Kazakov A. A.** Media education facets within writings of A. V. Fedorov's scholarly group: Political dimension 310
- Kuzmin P. V., Khalanskaya L. G.** Development of civil society in the Republic of Crimea after its reconnection with Russia 316
- Sanzharevsky I. I., Kuznetsova E. A.** The separation of powers and constitutional evolution of the system of public administration in modern Russia 324
- Ziitdinova E. M., Fatikhova D. R.** Specifics of PR activities of Russian municipal bodies in the context of the spread of COVID-19 331
- Novikova E. S., Kripak A. V.** Some issues of cooperation between Russia and China in the Arctic 335
- Pashkovsky P. I.** Features of the foreign policy mechanism of the Russian Federation 340
- Shamarov P. V.** International peacekeeping and UN criminal justice: Political and legal correlation and similarity 347

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Samusevich A. V.** Administrative regulation of the regional electoral cycle in Russia: The main trends of regional heads elections in 2019–2020 354

Appendices

Chronicle of Scientific Life

- Nikiforov Ya. A., Nemeryuk E. E., Pokatov D. V., Romanovskaia O. A., Temaev T. V.** Modern society in conditions of social uncertainty: Theory and practice (Conference report) 362

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, Ph.D. политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

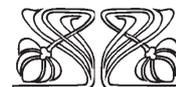
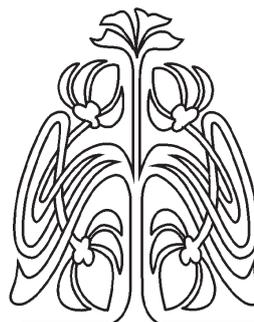
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

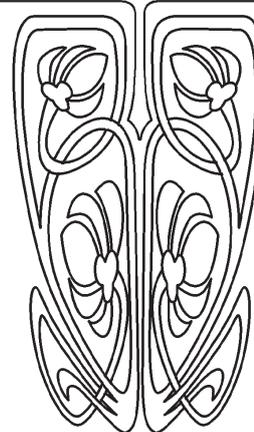
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, United Kingdom)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 248–253

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 248–253

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-248-253>

Научная статья

УДК 316.33

Интерпретация теории «идеальных типов» М. Вебера применительно к эмпирическому социологическому исследованию

А. М. Сиюхова[✉], Э. М. Куева

Майкопский государственный технологический университет, Россия, 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191

Сиюхова Аминет Магаметовна, доктор культурологии, профессор кафедры философии, социологии и педагогики, amins_i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-0925>

Куева Элла Мухамедовна, аспирант кафедры философии, социологии и педагогики, elka_kem@meta.ua, <https://orcid.org/0000-0001-9475-0803>

Аннотация. В статье анализируются проблемы интерпретации теории «идеальных типов» Макса Вебера в отношении эмпирических социологических исследований. Отмечается, что теория «идеальных типов» является эффективной для исследования системных качеств универсальных социокультурных институтов, локальных социальных групп и индивидуумов. Проводится дифференциация понятия «идеальный» в обыденном сознании и в научно-социологическом дискурсе, когда «идеальный» понимается как относящийся к сфере сознания независимо от причисления отраженного в сознании явления к положительным или отрицательным по отношению к личности и социуму. Рассматриваются примеры возможного применения теории М. Вебера для анализа современных социальных сфер здравоохранения и образования. Показано, что в условиях индустриального и постиндустриального общества одним из важных статусов в социальной структуре становится профессия, а типизирующим фактором профессионального сообщества является профессиональная культура. Научное оперирование категорией «идеального типа» в рамках эмпирического социологического исследования, касающееся определения уровня профессиональной культуры того или иного профессионального сообщества или личности, наиболее эффективно может реализовываться через метод моделирования, когда существенные качества исследуемого объекта структурируются посредством выстраивания графической модели.

Ключевые слова: Макс Вебер, теория «идеальных типов», инструментализация, эмпирические социологические исследования, социокультурные институты, профессиональная культура

Для цитирования: Сиюхова А. М., Куева Э. М. Интерпретация теории «идеальных типов» М. Вебера применительно к эмпирическому социологическому исследованию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 248–253. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-248-253>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Interpretation of M. Weber's theory of ideal types in application to empirical sociological research

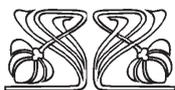
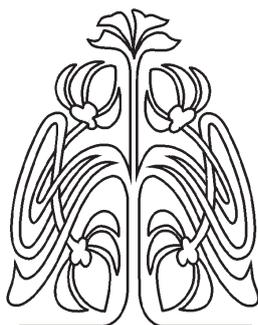
А. М. Siiukhova[✉], E. M. Kueva

Maikop State Technological University, 191 Pervomayskaya St., Maykop 385000, Russia

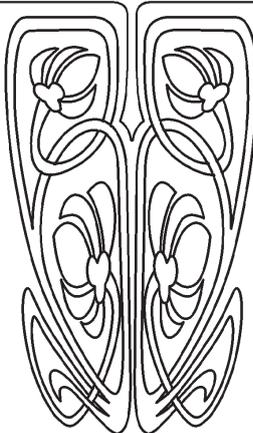
Aminet M. Siiukhova, amins_i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-0925>

Ella M. Kueva, elka_kem@meta.ua, <https://orcid.org/0000-0001-9475-0803>

© Сиюхова А. М., Куева Э. М., 2021

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article analyzes the problems of interpretation of Max Weber's theory of «ideal types» in empirical sociological studies. The theory of «ideal types» is effective for studying the systemic qualities of universal socio-cultural institutions, local social groups and individuals. The concept of «ideal» is differentiated in everyday consciousness and in scientific and sociological discourses. In sociology, the «ideal» is understood as referring to the sphere of consciousness, regardless of the positive or negative assessment of a social phenomenon. The examples of possible applications of Weber's theory for the analysis of modern social spheres of health care and education are shown. In the conditions of industrial and post-industrial society, one of the important statuses in the social structure is the profession, and the typifying factor of the professional community is the professional culture. The scientific operation of the ideal type category within the framework of an empirical sociological study of the professional community/personal cultural level of an individual will be most effectively implemented by means the modeling method, when the essential qualities of the object under study are structured in a graphical model.

Keywords: Max Weber, theory of «ideal types», instrumentalization, empirical sociological research, socio-cultural institutions, professional culture

For citation: Siiukhova A. M., Kueva E. M. Interpretation of M. Weber's theory of ideal types in application to empirical sociological research. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 248–253 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-248-253>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Социология представляется важной сферой научно-гуманитарного знания, имеющей сложную структуру с точки зрения многовариантности исследовательских подходов к изучаемому явлению, а также дифференцированности объектов и предметных областей для анализа. Богатое наследие мыслителей теоретической социологии, в число которых, безусловно, входит немецкий ученый рубежа XIX–XX вв. Макс Вебер, в стремительно меняющихся условиях социальной жизни современных людей получает новые возможности интерпретации и применения. В этой связи возникает проблема адаптации теоретических положений социологии к эмпирической реальности. Важно найти способы инструментализации теории, которые бы не исказили ее сути, но позволили более глубоко понять системные качества исследуемого объекта.

Одной из перспективных теорий для применения в эмпирических исследованиях является теория «идеальных типов» М. Вебера. Исследователь А. А. Кошелев приводит пример, когда данная теория часто используется в бизнес-процессах современности при моделировании оптимальной коммерческой цели, выступающей предметом сравнения с достигнутыми показателями в конкретный момент времени. Речь идет о бюджете фирмы или компании, принимающемся на долгосрочные перспективы и приобретающем символическое значение для корпорации¹. Если экономика как наука и как социальный институт может в обоснованных пределах опираться на веберовскую теорию «идеальных типов», то при анализе иных сфер общественной жизни данная теория может способствовать еще большей научной результативности.

По Веберу, «идеальный тип» – это категория, отражающая в форме теоретической конструкции интерес эпохи, т.е. значимый для социума фактор его существования и развития, способный выступать методологическим инструментом исследования социокультурной реальности. При этом, будучи теоретическим конструктом идеальный тип не является элементом эмпирического бытия и вследствие этого не может быть

истолкован посредством предметов и явлений вещного мира². Однако вне восприятия реального мира и системы социальных взаимодействий идеальный тип не может быть сконструирован, так как именно в системе общественного сознания идеальный тип того или иного социального явления формируется спонтанно, основываясь на интуитивном оценивании того или иного фактора социальной реальности в соответствии с ценностными установками культуры различного уровня бытования (национальной, региональной, этнической, профессиональной и пр.). Исследователь Г. С. Ицкович, осмысливая теоретические положения М. Вебера, интерпретирует понятие «идеальный тип» как мысленное усиление до крайнего предела черт какой-либо совокупности того или иного явления, что в реальной жизни принципиально невозможно³. Идеальное представление о социальном явлении в общественном сознании формируется как стереотип, некая упрощенная абстракция, которая при исследовательских манипуляциях представляется более функциональной, способствующей универсализации научного рассмотрения явлений в разнообразных дискурсах (историческом, культурном, социально-групповом и лично-индивидуальном).

Идеальный тип, рождаясь в коллективном сознании, латентно влияет на способы взаимодействия в границах социальной реальности, по поводу которой он возник. Для возможности его научной инструментализации идеальный тип должен получить некую коннотацию, словесное определение, наиболее полно отражающее его сущность, чтобы впоследствии им можно было оперировать как категорией. М. Вебер, глубоко анализирующий с культурно-исторических позиций жизнь общества, выделял идеальные типы наиболее значимых социокультурных сфер, среди которых такие институции и формы взаимодействия, как «религия», «церковь», «христианство», «городское хозяйство», «капитализм» и пр. Данные идеальные типы являются отражением наиболее значимых факторов социального устройства и развития западного общества, являющегося главной предметной областью ис-

следований Вебера, однако сегодня их перечень может быть продолжен значительно, исходя из изменения статуса устоявшихся институтов и появления новых форм институционального взаимодействия, возникших за прошедшее столетие (шоу-бизнес, массмедиа, киберсреда, спорт высоких достижений и пр.).

Существует некоторое противоречие в восприятии категории «идеальный тип» вследствие широкого употребления понятия «идеальный», в обыденном сознании означающего «лучший», «наиболее подходящий» и пр., в то время как в научно-социологическом и философском дискурсе «идеальный» понимается как относящийся к сфере сознания независимо от причисления отраженного в сознании явления к положительным или отрицательным по отношению к личности и социуму. В связи с этим Вебер полагал ошибкой видеть в идеальных типах конечную цель социокультурного развития. Главной функцией идеальных типов он считал быть средством социального познания⁴. Существующий смысловой зазор между идеальным типом как стереотипическим осмыслением социального явления и пониманием, каким оно должно быть для максимального удовлетворения общественных потребностей, дает импульс для дальнейшего социального развития.

Для примера рассмотрим конкретную сферу социокультурной жизни через призму идеальной типизации. Наиболее остро в общественном сознании сегодня воспринимаются состояния таких институций, как здравоохранение и образование. В период пандемических событий новой коронавирусной инфекции проявились многочисленные проблемы медицинской отрасли, сформировавшие идеальный тип современного здравоохранения как ущербного. Бесконечное реформирование системы российского образования в последние десятилетия также послужило основой для возникновения в коллективном сознании идеального типа нестабильного, деградирующего института. Следует признать, что и в медицине, и в образовании на практике не все так безнадежно плохо, но в идеальном типе этих явлений негативные характеристики преобладают. В этой связи существует необходимость глубокого научно-социологического осмысления совокупности отношений к проблемам в данных сферах на всех уровнях. В системе образования следует эмпирически, используя научные методы сбора социологической информации, выяснять оценки и потребности в среде учителей, учащихся и их родителей, руководства учебных заведений. В здравоохранении в первую очередь необходимо узнать отношение к проблемам у рядовых врачей и среднего медперсонала, пациентов и руководителей медучреждений. Представители высшего эшелона власти министерского уровня при принятии решений о реформировании отраслей должны опираться на научные основания, полученные в

ходе прикладных социологических исследований, инициированных как самими органами власти, так и не ангажированным научным сообществом.

Как видим, научный потенциал веберовской теории «идеальных типов» огромен в приложении к эмпирическим исследованиям современных социокультурных институтов. Однако, на наш взгляд, данная теория может с не меньшей эффективностью использоваться в прикладных исследованиях локальных социальных явлений группового и личностного уровней. Реальные и номинальные сообщества, являющиеся акторами общезначимого социального взаимодействия, могут представлять исследовательский интерес с точки зрения определения их статусности и качественного соответствия характеристик своему статусу. В данном контексте научное конструирование «идеального типа» той или иной общности становится эффективным инструментом для понимания сущности и проблем изучаемого социального объекта. Так, в условиях индустриального и постиндустриального общества одним из важных статусов в социальной структуре становится профессия, а типизирующим фактором профессионального сообщества является профессиональная культура.

Знакомство с научными публикациями на тему формирования профессиональной культуры подтверждает особую значимость в общественном сознании субъектов, составляющих структуру институтов, связанных с социальной сферой (образование, государственная служба, реклама и связи с общественностью и пр.). Наибольшее число исследований затрагивает проблему профессиональной культуры учителя, показывая пути достижения должного уровня профессионализации преподавателей конкретных учебных дисциплин, либо социальных педагогов в системе их подготовки в вузе. Исследователь Л. А. Аухадеева, рассматривающая проблему профессиональной культуры с позиций педагогической науки, пишет о том, что «в среде современного учительства имеет место несоответствие между объективными профессиональными требованиями к педагогической культуре учителя и, в частности, к его коммуникативной компетентности и стихийным характером ее формирования в процессе профессиональной подготовки»⁵. Интерпретацией данного положения в свете социологии и теории «идеальных типов» может быть суждение о том, что существует некий эталон профессиональной культуры педагога, сформированный длительным развитием социокультурного института образования, и есть «идеальный тип» современного педагога, который указывает на определенную институциональную дисфункциональность, показателем чего является коммуникативная некомпетентность значительного числа современных преподавателей. Реальный уровень такой дисфункции можно выявить социологическими

методиками, определив соответствие «идеального типа» в коллективном сознании с эмпирически зафиксированными оценками статусных и ролевых характеристик педагогических сообществ, коллективов и конкретных преподавателей, с тем чтобы посредством педагогических практик скорректировать профессиональную подготовку специалистов в нужном направлении.

Установление информационного общества актуализировало важность коммуникационных компетенций в профессиях, связанных с социальной сферой и управлением. В связи с этим в общественном сознании формируется амбивалентная структура, основанная на типизации социальных отношений, содержащая эталонный образ представителя определенного профессионального сообщества в совокупности с идеальным типом, включающим как соответствующие эталону качества, так и противоречащие им. В исследовании А. Е. Улуновой приводится пример качественного описания эталонного типа профессиональной культуры государственного управленца, который должен обладать системой научно-теоретических знаний в сфере управления и теории культуры общения, уметь осуществлять коммуникативную деятельность с представителями всех уровней власти и людьми, находящимися вне сферы управления во всем многообразии форм служебного общения, на основе уважения человеческого достоинства, общих этических принципов и лишь свойственных служебному общению правил делового этикета, регламентирующих внешние проявления взаимоотношений между людьми⁶. Автор анализирует роль коммуникативной деятельности в системе профессиональной культуры государственного служащего на основе деятельностного, дидактического, компетентностного, акмеологического, психологического подходов. Однако в системе психолого-педагогической парадигмы затруднительно дать оценку реальным качествам действующих управленцев, при том что в коллективном сознании отношение к чиновни-

кам традиционно негативное, а характеристики идеального типа бюрократа включают такие способы отношений с гражданами, как проволочки, отписки, коррупционность, семейственность и пр.

Однако существуют примеры других общественно значимых профессиональных сообществ, когда идеальный тип и эталонная модель различаются в минимальной степени. Так, например, в предпринятом нами в 2019 г. исследовании, направленном на определение уровня профессиональной культуры служащих МЧС, посредством проведенного социологического опроса в форме анкетирования в группе служащих поисково-спасательного отряда (ПСО) МЧС по Республике Адыгея (23 человека) и среди населения г. Майкоп (315 человек) была выстроена графическая модель эталонной структуры личности спасателя и модель идеального типа служащего МЧС в коллективном сознании обывателей. Условно эталонная модель личности спасателя была построена на основе опроса самих спасателей, профессиональная подготовка которых предполагает знание о необходимых качествах и компетенциях для соответствия исполняемой должности. Респондентам было предложено указать наиболее важные личностные характеристики, которые должны быть свойственны служащим поисково-спасательных отрядов. Полученные ответы были сгруппированы в обобщенные категории: профессиональная подготовка, физическая подготовка, волевые характеристики, интеллектуальный потенциал, морально-этические характеристики. Посредством математического подсчета была определена долевая часть каждой характеристики и выстроена интегративная модель личности спасателя графически в виде круговой диаграммы. Вследствие того, что респонденты были разделены на две категории по критерию стажа работы (до 5 лет и более 5 лет), было получено две диаграммы, позволившие сравнить динамику изменения отношения к профессиональному эталону в процессе службы (рис. 1, 2)⁷.

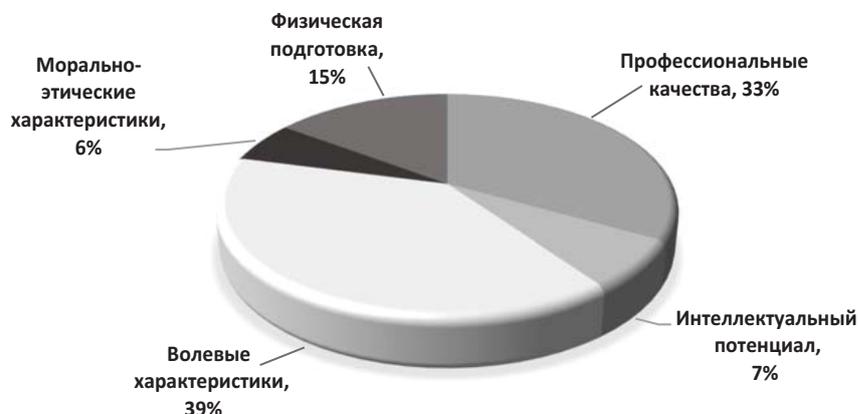

Рис. 1. Интегративная модель личности спасателя, по результатам опроса старшей возрастной группы ПСО

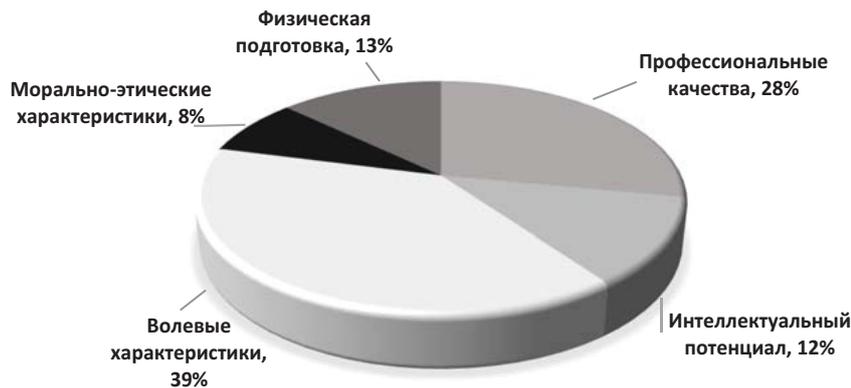

Рис. 2. Интегративная модель личности спасателя, по результатам опроса младшей возрастной группы ПСО

Из сравнения данных диаграмм видно, что эталон личности спасателя имеет несколько подвижную структуру. Так, осознание важности профессиональной подготовки увеличивается с годами службы за счет небольшого сужения сегментов интеллектуального потенциала и морально-этических качеств. Однако в системном отношении эталон вполне устойчив.

Модель идеального типа работника службы спасения была сформирована из результатов опроса гражданских лиц, которые в своем большинстве либо воочию наблюдали за действиями спасателей, либо узнавали об их деятельности из средств массовой коммуникации, информирующих о раз-

личного рода катастрофах, чрезвычайных происшествиях и пр. Было выяснено, что большинство респондентов (около 50%) высоко оценивают деятельность спасателей, достаточная доля опрошенных затруднились с ответом (около 30%), меньшая часть (менее 20%) низко оценили работу спасательных служб. Для определения типизированного образа спасателя опрашиваемым также было предложено перечислить качества, присущие работникам спасательных служб. Все ответы были аналогично сгруппированы по категориям, вычислены долевые показатели каждого качества, на основании чего была выстроена графическая модель идеального типа спасателя (рис. 3).

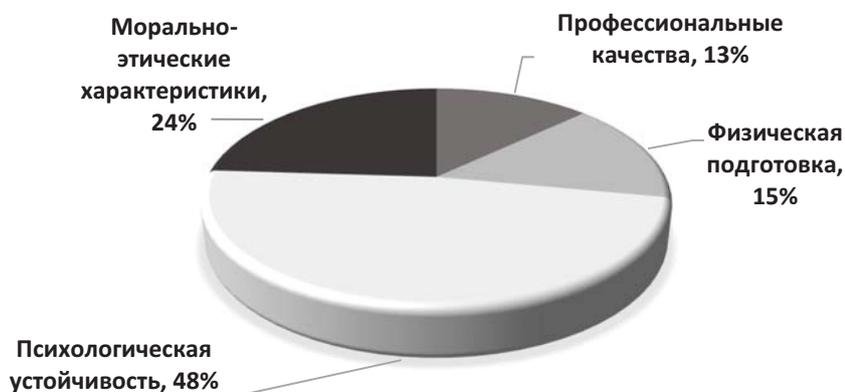

Рис. 3. Модель идеального типа работника служб спасения

При сравнении моделей условного эталона и образа идеального типа работника служб спасения можно видеть, что идеальный тип отличается от эталона более простой усредненной структурой. Категории «волевые качества» и «интеллектуальный потенциал» объединяются в обобщенное понятие или стереотип «психологическая устойчивость». Простые обыватели видят в спасателях больше доброты, сострадания, самоотверженности, чем сами спасатели. При этом гражданские респонденты меньше придают значения

профессиональной подготовке спасателей в силу незнания ее специфики. Сравнение полученных данных диаграмм выявило незначительную разницу между должными по эталонным нормативам и присутствующими в идеальном типе личностно-профессиональными качествами работников, что свидетельствует о высоком уровне профессиональной культуры спасателей и наличии доверия к ним гражданского населения.

Проведенное нами исследование показало, что научное оперирование категорией идеаль-

ного типа при выполнении эмпирических социологических изысканий наиболее эффективно может реализовываться через метод моделирования, когда сущностные качества исследуемого объекта структурируются посредством выстраивания графической модели, которая может выглядеть как диаграмма, таблица или схема. При этом следует согласиться с замечанием И. Н. Свириденко о том, что реальность никогда не может полностью соответствовать модели, но последняя необходима для понимания и объяснения этой действительности и составляющих ее элементов⁸.

Кратко проанализировав вопрос интерпретации теории «идеальных типов» М. Вебера применительно к эмпирическому социологическому исследованию, предлагаем акцентировать внимание на следующих положениях: 1) необходимо дифференцировать значение понятия «идеальный» в отношении обыденного сознания (как характеристики лучшего, эталонного) и научной теории «идеальных типов» Вебера, где идеальный тип есть теоретический конструкт социального явления безотносительно положительной или отрицательной его оценки; 2) для инструментализации категории «идеальный тип» по отношению к конкретному социальному явлению необходимо объективировать ее посредством коннотации; 3) теория «идеальных типов» может применяться как к анализу общезначимых социальных институтов, так и к локальным социально-групповым и личностно-индивидуальным объектам; 4) научное оперирование категорией «идеального типа» в рамках эмпирического социологического исследования наиболее эффективно может реализовываться через метод моделирования, когда сущностные качества исследуемого объекта структурируются посредством выстраивания графической модели. Таким образом, веберовская теория «идеальных типов» может являться методологическим основанием для проведения

социологических исследований прикладного характера, результаты которых в свою очередь могут лечь в основу теоретических обобщений универсального уровня.

Примечания

- ¹ См.: Кошелев А. А. Идентификация социальной реальности в концепциях М. Вебера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 9–11.
- ² См.: Манахова И. А. Макс Вебер об университете, науке, образовании в контексте теории «идеальных типов» // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2004. № 1 (25). С. 39–41.
- ³ См.: Ицкович Г. С. Теория «идеальных типов» М. Вебера и проблема «нарративных субстанций» в философии Ф. Анкерсмита // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Философия. 2020. № 2 (52). С. 266–272.
- ⁴ См.: Свириденко И. Н. Моделирование как метод социально-гуманитарных наук на примере теории идеальных типов М. Вебера // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2008. № 1 (51). С. 10–15.
- ⁵ Аухадеева Л. А. Коммуникативная культура как компонент общей и профессионально-педагогической культуры учителя // Вестник Казанского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (5). С. 100.
- ⁶ См.: Улунова А. Е. Культура профессионального общения государственных служащих как культура профессиональной группы и культура личности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (25). С. 231–238.
- ⁷ См.: Куева Э. М. Социокультурная идентичность работников службы спасения в современных условиях региона // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2 (41). С. 129–143. <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-12014>
- ⁸ См.: Свириденко И. Н. Указ. соч. С. 13.

Поступила в редакцию 17.05.2021, после рецензирования 24.05.2021, принята к публикации 28.05.2021
 Received 17.05.2021, revised 24.05.2021, accepted 28.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 254–262

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 254–262

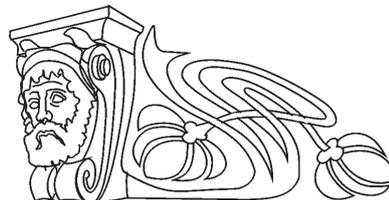
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-254-262>

Научная статья

УДК 316.334.23

Формы взаимодействия предприятий и учебно-образовательных структур при подготовке кадров для инновационных предприятий региона

Е. В. Кузьмина[✉], Н. В. Гончарова

Ульяновский государственный университет, Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42

Кузьмина Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии, lenastar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0498-9034>

Гончарова Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии, nata_gonch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6958-9701>

Аннотация. В статье рассмотрены сложившиеся в регионе образовательные практики и формы взаимодействия предприятий, вузов, ссузов, образовательных центров и других структур в процессе подготовки кадров для инновационных предприятий Ульяновской области. Названа проблема недостаточной подготовленности выпускников и отмечена необходимость постдипломного обучения в соответствии с условиями инновационного производства. Обозначены в связи с этим некоторые различия в подходах новых производств и предприятий, существующих с советской поры. В частности, речь идет о развитии различных внутрикорпоративных программ переподготовки и повышения квалификации, в том числе на базе собственных образовательных центров. При этом подобные форматы взаимодействия не лишены противоречий и существенно отличаются для рабочих и специалистов, для выпускников вузов и ссузов. В целом, развитие инновационного сектора в экономике предъявляет новые требования к подготовке кадров, готовности системы образования учитывать постоянно меняющиеся запросы предприятий, связанные с применением новых технологий и выпуском новых продуктов. Подчеркивается роль неинституционализированных форм обучения сотрудников, их желание непрерывно совершенствоваться, развиваться, умение самостоятельно искать и получать новые знания в постоянно меняющихся условиях. В этой связи важной становится способность к самообучению, в том числе с привлечением сетевых образовательных порталов. Акцентируются важность ранней ориентации детей на изучение технических дисциплин и роль детских технопарков, совместных школьных классов с инновационными предприятиями, значение межрегиональных центров компетенций для среднего специального образования.

Ключевые слова: подготовка кадров, инновационные предприятия, взаимодействия предприятий и образовательных структур

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Особенности стратегий занятости молодежи в регионах с развивающимися инновационными кластерами (на примере Ульяновской области)» № 18-411-730012).

Для цитирования: Кузьмина Е. В., Гончарова Н. В. Формы взаимодействия предприятий и учебно-образовательных структур при подготовке кадров для инновационных предприятий региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 254–262. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-254-262>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Forms of interaction between enterprises and educational structures in the training of personnel for regional innovative enterprises

E. V. Kuzmina[✉], N. V. Goncharova

Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia

Elena V. Kuzmina, lenastar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0498-9034>

Natalia V. Goncharova, nata_gonch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6958-9701>

Abstract. The article discusses educational practices and forms of interaction among enterprises, universities, colleges, educational centers and other structures in the process of training for innovative enterprises of Ulyanovsk region. In this regard, some differences in the approaches of new industries and enterprises that have existed since the Soviet era are indicated. In particular, this concerns the development of various intracorporate retraining and advanced training programs, including their own educational centers. At the same time, such formats are not devoid of

the contradictions and are different for workers and specialists, for universities' and colleges' graduates. In general, the development of innovation sector poses new requirements for training and readiness of the education system to take into account the constantly changing demands of enterprises with new technologies and new products. On the other hand, the role of non-institutional forms of training of employees, their desire to improve, develop and the ability to independently search for and receive new knowledge in constantly changing conditions are emphasized. In this regard, the ability to self-study, including the involvement of online educational portals was highlighted. The importance of the early orientation of children to study technical disciplines and the role of children's technology parks, joint school classes with innovative enterprises, and the importance of interregional competence centers for secondary special education was emphasized.

Keywords: personnel training, innovative enterprises, interaction of enterprises and educational structures

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "Features of youth employment strategies in regions with developing innovation clusters (on the example of the Ulyanovsk region)" No. 18-411-730012).

For citation: Kuzmina E. V., Goncharova N. V. Forms of interaction between enterprises and educational structures in the training of personnel for regional innovative enterprises. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 254–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-254-262>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Задачи формирования и развития кадрового потенциала для реализации инновационной политики, стимулирования инновационной активности молодежи в настоящее время стоят в приоритетах развития экономики и приобретают все большую актуальность. Речь идет как о крупных современных компаниях, делающих ставку на автоматизацию и компьютеризацию производства, так и малом и среднем инновационном предпринимательстве, базирующемся на передовых наукоемких технологиях. В основу развития Ульяновской области сегодня также заложена идея формирования индустриальных и промышленных зон, развития инновационного технологического предпринимательства. В 2018 г. регион вошел в первую десятку рейтинга субъектов инновационной деятельности. А в первом полугодии 2020 г. Ульяновская область заняла первое место среди регионов России по темпам роста инвестиционной активности¹. В регионе развивается портовая особая экономическая зона, реализуется ряд крупных инновационных проектов. Часть из них сосредоточена на крупных традиционных предприятиях авиационной, машиностроительной отрасли, где в настоящее время внедряются инновационные системы и технологии. Кроме того, формируется сектор новых промышленных предприятий, компаний, действующих в том числе с привлечением иностранного капитала, использующих наряду с современными технологиями новые формы кадровой политики, системы мотиваций участия в инновациях. Большая часть из них сосредоточена в Промышленной зоне «Заволжье». Там же, на базе Ульяновского нанотехнологического центра, расположены и высокотехнологичные компании региона. Наряду с этим среди перспективных направлений дальнейшего развития инновационной экономики руководство области называет проектный офис национальной технологической инициативы (НТИ) «Технокампус 2.0 – Технологическая долина 2.0 – Сантор», на базе которого будут сформированы инжиниринговые центры и опытные производства.

Учебные заведения региона, в свою очередь, также ставят задачу повышения уровня адаптив-

ности выпускников к глобальным экономическим процессам, расширения интеллектуального кругозора молодых специалистов, обеспечения востребованности на рынке труда, формирования фундамента для развития личностных и профессиональных компетенций.

В этой связи возникает вопрос, насколько меняются формы взаимодействия учебных заведений и предприятий в вопросах подготовки кадров для инновационной сферы.

В данной статье будут рассмотрены сложившиеся в регионе образовательные практики и формы взаимодействия предприятий, вузов, ссузов, образовательных центров и прочих структур в процессе подготовки кадров для инновационных предприятий Ульяновской области. В рамках исследования были использованы методы количественного и качественного анализа. В частности, проведены экспертные интервью со специалистами региональных органов власти, отвечающими за реализацию программ инновационного развития региона, руководящими работниками промышленных предприятий, представителями вузов и ссузов, ведущих подготовку по изучаемым направлениям (N = 15), интервью со специалистами инновационного кластера региона, в том числе ответственными за работу с персоналом (N = 55). Кроме того, в статье использованы данные анкетного опроса молодежи в возрасте от 18 до 35 лет (N = 1507), работающей на крупных, средних и мелких предприятиях, в том числе расположенных в инновационных парках области.

Вопросы взаимодействия учебных заведений и предприятий в процессе подготовки молодых специалистов традиционно находятся в фокусе внимания исследователей. В качестве основной фиксируется проблема необходимости дополнительной образовательной подготовки выпускника после окончания учебного заведения в соответствии с условиями конкретного производства. Например, Е. Савицкая в своей статье «Формы взаимодействия вузов и предприятий» пишет: «...на недостаток практических навыков у выпускников указали 91% работодателей»². Эту проблему в качестве ключевой отметили и большинство

экспертов, принявших участие в исследовании. Фактически, по их утверждению, выпускников приходится «доучивать» непосредственно на рабочем месте. Причем, по данным нашего исследования, между выпускниками ссузов и вузов, как отмечают некоторые эксперты, есть существенная разница: *С ссуза он выходит все-таки более-менее уже с какими-то профессиональными компетенциями, он руками уже многое умеет делать, то с вуза, как правило, больше все-таки теоретики выходят, поэтому работодатели понимают, что им нужно еще этого специалиста, так скажем, доделывать...* (представитель Агентства развития человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области).

Как показывает анализ интервью, предприятия, созданные еще в советский период, и новые, открывшиеся в регионе за последние десять лет, решают данную проблему, используя разные подходы. На так называемых традиционных производствах, а это в том числе и крупные градообразующие предприятия ООО «Ульяновский автомобильный завод», АО «Авиастар СП», действует сохранившаяся как советское наследие дополнительно оплачиваемая система наставничества. Новые же предприятия, возникшие в регионе в последние десятилетия (многие из них входят в крупные международные компании, транснациональные корпорации, построенные с участием иностранного капитала) практикуют несколько иной подход. Они также организуют процесс «доучивания» будущего сотрудника, но делают это в своей внутренней (внутрикорпоративной) выстроенной системе и собственных центрах обучения. Это связано, в первую очередь, с тем, что подобные производства обладают, как правило, уникальными технологиями и не заинтересованы в том, чтобы их раскрывать, даже для потенциальных соискателей. Во-вторых, они стараются избежать снижения себестоимости труда специалиста или рабочего, производительность которого станет снижаться, если он будет отвлекаться на обучение нового работника. В-третьих, кроме освоения профессиональных компетенций, на таких внутренних курсах, тренингах происходит «погружение» в корпоративную культуру компании, ознакомление с ее философией, миссией, принципами работы.

Собственно, это подтверждают и результаты анкетного опроса. Например, почти все опрошенные работники промышленных предприятий Промышленной зоны «Заволжье» в той или иной форме за время работы становились участниками внутрифирменных образовательных программ (в первую очередь, курсов повышения квалификации). Только 23% ответили, что никогда не принимали в них участия. Однако в интервью работники предприятий говорили о том, что обучение касается в основном ввода в эксплуатацию новых программ и оборудования.

На подобных предприятиях тоже есть свои системы стажировки и наставничества. Но проходят они несколько иначе, чем на «традиционных» производствах, существующих с советской поры. Так, программы обучения для предприятий, входящих в ТНК, разрабатываются централизованно, указания и методики по их проведению приходят из центрального офиса компании. Например, на одном из предприятий инновационного кластера подобная практика осуществляется следующим образом. К стажеру прикрепляют наставника на определенном участке, который и обучает его работе на конкретном оборудовании непосредственно на производстве. Претенденту на вакантное место выдается так называемая стажировочная тетрадь, которая, по словам экспертов, отражает предназначенную для освоения программу и предполагает еще и сдачу экзамена по итогам обучения.

Кроме того, в эту программу входят различные тренинги, касающиеся непосредственно его профессиональной деятельности, и тренинги, которые про вообще компанию... рассказывают про все сегменты, в которых [предприятие] работает, про историю компании, про культуру компании, философию компании (менеджер по персоналу инновационного предприятия).

В то же время необходимо отметить, что для соискателей на вакантные места на подобных производствах обычно действует двухуровневая система тестирований, и на них, особенно в момент открытия предприятия, существует определенный, часто весьма высокий конкурс. Также к соискателям по рабочим специальностям выдвигается в качестве требования минимальный пороговый уровень образования, как правило, не ниже среднего профессионального (технического профиля), причем знания по определенным предметам тестируются. В силу того что трудоустройство на подобном предприятии считается престижным, нередко случаи поступления на вакантные места для рабочих специалистов с высшим образованием. Собственно, данные анкетного опроса подтвердили высокий уровень образования работников. Более 20% респондентов с высшим образованием занимают рабочие должности, а на некоторых предприятиях эта цифра еще выше (например, на ДМГ-МОРИ таковых уже 35%). В целом 70% опрошенных на предприятиях Промышленной зоны «Заволжье» имеют высшее образование. Приоритет в приеме на работу выпускников вузов в кадровых службах предприятий объясняют не столько уровнем их практической подготовки (которая может совершенствоваться уже на рабочем месте), сколько общекультурными компетенциями: *Чтобы у человека какая-то система мышления была, по крайней мере, определенный уровень интеллекта, уровень культуры* (эксперт, менеджер по персоналу). Именно в выпускниках вуза видится

потенциал дальнейшего освоения новой техники, технологий, корпоративных норм и ценностей, навыков языковой коммуникации и т.д.³

Кроме того, на подобных предприятиях существует практика обучения всех линейных менеджеров тому, как осуществлять отбор персонала, отвечающего требованиям компании. Им представляются инструменты, с помощью которых можно определить набор компетенций, необходимый для конкретной должности или рабочего места. Кроме профессиональных компетенций менеджеры по кадрово-организационной работе на таких производствах могут обращать внимание при отборе соискателей и на уровень мотивации будущих работников. В ряде случаев они ведут речь о *недостаточной замотивированности людей, которые приходят. Они не всегда готовы, например, к напряженной, целеустремленной работе* (менеджер по персоналу инновационного предприятия). Подобные компании пропагандируют в качестве основного принципа работы с персоналом развитие сотрудника: *...мы должны ориентироваться на то, что мы хотим растить сотрудника. Компания дает возможность реально из оператора становиться инженером, занимать достаточно высокие позиции* (менеджер по персоналу инновационного предприятия). А это, в свою очередь, опять-таки связано с процессами обучения внутри самой компании.

Причем стремление к внутреннему, внутрикорпоративному развитию сотрудников и обучению работников, в том числе и путем постепенного повышения компетенций для рабочих специальностей и, соответственно, роста с позиции рабочего, оператора до инженера или руководящего состава, как показали результаты исследования, не является единичной практикой. Об этом свидетельствуют и другие исследования по близкой тематике⁴.

Подобные практики характерны для инновационных производств, созданных на средства иностранных компаний или входящих в ТНК. Приведем в этой связи слова другого респондента: *У нас повышают людей в должностях, то есть у нас очень много ребят, кто из цеха сборки ушли на инженерные должности, на должности технологов... У нас есть движение на самом деле, у нас люди стараются ... Если они хотят повышения в должности, то со временем это все равно будет* (менеджер по персоналу инновационного предприятия).

Еще одно требование, которое выдвигают к своим работникам специалисты и менеджеры по работе с персоналом новых инновационных компаний, – это стремление все время обучаться чему-то новому (так называемая быстрая обучаемость), широкий кругозор: *И поскольку требования меняются, жизнь убыстряется, у нас меняется там технология, у нас новые продукты постоянно, потому что рынок этого требует,*

... что-то усовершенствуется, поэтому люди должны все время обучаться, иначе просто они не смогут работать (менеджер по персоналу инновационного предприятия). При этом обучаемость выпускников вуза оценивается выше, чем тех, у кого есть только среднее профессиональное образование.

Рассмотрим более детально, в каких формах осуществляются практики образования и повышения компетенций. Так, например, на одном из инновационных предприятий, по словам эксперта, *очень серьезно поставлено обучение сотрудников, проводятся семинары различные, различное обучение, так скажем, в других городах, в учебных центрах* (специалист по персоналу инновационного предприятия). Причем на каждого сотрудника выделяется определенный бюджет, и он сам (отдельно или с группами других работников) может выбирать интересующие его курсы или другие формы подготовки, повышения квалификации. Это может быть как индивидуальное, так и групповое обучение. Практикуются обучающие поездки не только в другие города, в основном в столицу, но и (особенно на начальном этапе запуска производства) даже за границу, где расположены другие заводы данной компании или группы компаний. Как уже было сказано, сотрудники обучаются индивидуально или целыми группами. Кроме того, происходит процесс обучения, проведения тренингов непосредственно на предприятии. При этом или приглашаются отдельные, в том числе широко известные специалисты, тренеры, или заключаются контракты с обучающими центрами. Помимо этого, существуют практики совместного обучения языку (английскому), и здесь уже речь идет о сотрудничестве с языковыми школами для взрослых.

Однако в интервью сами же работники предприятий говорили о том, что обучающие мероприятия не всегда носят системный характер и существенно отличаются для рабочих и специалистов. Так, первые проходят обучение даже в случае небольших производственных изменений. Например, на одном из заводов упаковщиков целую неделю обучали *вместо 24 пакетов складывать по 28 пакетов* (жен., контролер качества). Для специалистов возможность повысить квалификацию предоставляется на основе индивидуальных запросов.

Если обратиться к основным формам взаимодействия по линии вуз – предприятие, то ими являются следующие: совместное с работодателями формирование рабочих планов и программ, организация производственной практики и дипломного проектирования на базе определенных предприятий, целевая подготовка студентов по их заказу, а также «использование кадрового и научно-технического потенциала организационного партнера в учебном процессе, в том числе путем создания базовых кафедр»⁵.

По данным экспертов, принявших участие в исследовании, для максимального приближения знаний и умений выпускников к требованиям работодателей как инновационные, так и условно традиционные предприятия в процессе взаимодействия с вузами создают кафедры непосредственно на производствах. Они формируют и внедряют специальные, профильные программы обучения для этих конкретных предприятий или даже создают целые центры. Не только крупнейшие предприятия Ульяновска, работающие уже десятилетия, но и новые, инновационные запустили подобные образовательные программы в ведущих вузах города (например, базовая кафедра «Технологии интернета вещей» УлГТУ, организованная совместно с «РуГаджет» – резидентом Ульяновского Наноцентра, или базовая кафедра цифровых технологий авиационного производства УлГУ на АО «Авиастар-СП», работающая в сфере инновационных технологий, материаловедения, автоматизации, цифровизации технологических процессов).

В создании совместных кафедр участвуют не только отечественные производства и структуры, но предприятия, возникшие в регионе в результате прихода зарубежных инвесторов, созданные с участием иностранного капитала. Так, в качестве примера можно привести компанию Vestas (ООО «Вестас Мэньюфэкчуринг РУС»), которая работает в сфере возобновляемой энергетики, занимается запуском ветропарков и имеет свой корпоративный университет. При этом в УлГТУ с 2017 г. стала действовать кафедра «Ветроэнергетические системы и комплексы».

С приходом сюда новых производителей автокомпонентов, это, допустим, пришел и производитель машин, Токата и еще несколько компаний, которые тоже пришли сюда [в регион]. И у нас сейчас с ними запрос на формирование совместных образовательных программ... как пример, DMGMORI – это ведущий в мире производитель станков, немецко-японский концерн, открылся недавно [эксперт имеет в виду Центр компетенций станкостроительного кластера ДМГ МОРИ в УлГТУ. – Авт.] (представитель АНО ДО «Центр кластерного развития Ульяновской области»).

При этом часть экспертов утверждают, что в корпоративной культуре подобных иностранных предприятий заложены нормы и требования относительно активного включения в процесс подготовки своих будущих кадров. К примеру, DMG MORI в рамках взаимодействия с Ульяновским государственным техническим университетом предоставил учебному заведению станки с числовым программным управлением, чтобы студенты профильных специальностей могли осваивать работу на них. Для вуза и его студентов это является несомненным преимуществом, так как в процессе обучения будет задействовано современное, инновационное оборудование.

Однако во взаимодействии по линии вуз – предприятие, особенно если оно входит в группу компаний или является частью ТНК, обнаруживаются и отдельные сложности. Так, представитель руководства одного из вузов считает, что сотрудничество в плане инновационных и научных разработок может быть затруднено в силу зависимости от централизованных решений руководства компании: *«Ту же самую науку с ними практически невозможно делать, внедрять какие-то там новые технологии, ... потому что это прерогатива главного офиса этих компаний, как вы сами понимаете, а эти на перифериях, они воплощают то, что, собственно, указано...»*

Кроме подобных форм сотрудничества, в качестве ответа на современные вызовы и требования времени появляются принципиально новые специальности в вузах. В качестве примера стоит отметить «Инноватику», подготовка по которой стала вестись сразу в двух университетах Ульяновска. Однако и здесь не обходится без определенных проблемных моментов. Так, представитель руководства ведущего университета города считает, что у абитуриентов в силу ее новизны нет четких представлений об этой специальности, и это снижает ее востребованность.

Помимо создания кафедр от вузов на всех ведущих предприятиях региона и разработки совместных программ, остаются и практикуются другие, уже ставшие традиционными формы. Так, отдельные крупные предприятия сотрудничают с вузами в рамках программ повышения квалификации сотрудников.

Наряду с привычными формами сотрудничества предприятий с вузами и ссузами по повышению квалификации, подобная же работа ведется по переквалификации работников. Еще одно направление взаимодействия – получение второго высшего образования; такие возможности также предоставляются сотрудникам, организация сама заключает договор с вузом и оплачивает обучение. Например, на момент проведения исследования *порядка 270 человек Ульяновский механический завод направил в Ульяновский технический университет на переподготовку и получение второго высшего образования – это довольно-таки большая цифра и говорит о том, что наши предприятия, они, в принципе, заинтересованы в том, чтобы развивать своих специалистов, повышать их квалификацию* (представитель департамента промышленности Министерства промышленности, жилищно-коммунального комплекса и транспорта Ульяновской области).

Специалисты подчеркивают, что речь скорее следует вести не об отдельных формах взаимодействия (по линии предприятие – вуз или другое учебное заведение), а о складывающихся или уже сложившихся кластерах, в которые помимо самих производств входят и научно-исследовательские структуры, собственно занимающиеся разработ-

кой инноваций (действующие как подразделения внутри вузов города, так и в качестве самостоятельных организаций), центров по подготовке и переподготовке кадров и пр. Причем одни эксперты делают акцент на том, что подобный кластер включает в себя инновационные производства и исследовательские структуры, другие же добавляют в него еще и учебные центры, учебные учреждения – вузы и ссузы.

Целый ряд экспертов в качестве примера сложившегося в регионе кластера приводят тот, который связан с альтернативными возобновляемыми источниками энергетики, в частности с ветроэнергетикой. Так, в Ульяновской области был запущен ветропарк, в 2018 г. введен в эксплуатацию первый из запланированных и в ближайшее время предусмотрено строительство еще нескольких. В тот же год состоялось открытие первой очереди производства компонентов для него (композитных лопастей ветрогенераторов). И в дальнейшем, чтобы закрыть потребность в новых кадрах, занятых в этой принципиально новой для страны и региона отрасли, при техническом университете открылась кафедра ветроэнергетики.

Экспертов в ходе проведения интервью спрашивали в том числе и о том, какие специалисты, компетенции сейчас наиболее востребованы. Многие из них полагают, что наибольший спрос присутствует на технических специалистах. При этом часть из них рассматривали проблему глубже, имея в виду не только подготовку кадров этого профиля в вузах и ссузах, но и раннее ориентирование школьников на изучение технических дисциплин, в том числе и в формате дополнительного образования⁶. Здесь следует упомянуть такую структуру, как детский технопарк «Кванториум» (подразделение Центра кластерного развития Ульяновской области, которое предполагает организацию встреч с детьми, популяризацию новых технических направлений: робототехника, нанотехнологии, IT и пр., представляет собой «высокотехнологичную площадку дополнительного образования» для детей в возрасте от 5 до 18 лет и является частью федеральной сети в регионе⁷). В этой связи часть представителей экспертного сообщества отмечали важность такого проекта, как «Технокампус 2.0»⁸, который назывался в качестве необходимого элемента кластера: включал и сам технопарк, и школу для детей, будущих технологических предпринимателей. Необходимо отметить важность поддержки подобных инициатив на уровне местных властей. Так, с февраля 2019 г. в Ульяновском регионе стартовал Год изобретательства и инноваций, инициированный и поддержанный губернатором.

Интересен и другой опыт взаимодействия предприятий с учебными заведениями. Если ранее представители производств были ориентированы в основном на работу со студентами или

выпускниками школ, то *сейчас уже они берут под свое шефство школы и создают свои классы, допустим, «Марс» – у них есть «Марсианский» класс... две школы таких, где они уже со школьной скамьи отбирают себе учеников. Говорят: «Да, мы готовы вас брать»* (представитель департамента промышленности Министерства промышленности, жилищно-коммунального комплекса и транспорта Ульяновской области). Такие молодые юноши и девушки поступают затем по целевому набору в высшие или средние профессиональные учебные заведения и в перспективе имеют гарантированную возможность трудоустройства на данном предприятии. Причем речь идет не о производствах, работающих с советской поры, а о созданных относительно недавно, инновационных, в том числе и входящих в иностранные транснациональные компании.

Что же касается взаимодействия с ссузами, то в этой связи необходимо упомянуть значимость деятельности Межрегионального центра компетенций. По словам эксперта, который его возглавляет, идея создания появилась еще в 2015–2016 гг., когда на федеральном уровне были введены гранты, дающие возможность открытия в регионе подобных инновационных образовательных учреждений. Эксперт связывает это, прежде всего, с тем, что *Российская Федерация вступила в движение World Skills, и тот уровень среднего профессионального образования, который был в Российской Федерации, он, конечно, не отвечал требованиям, которые предъявляет вот это движение. И требовалось, чтобы все те международные стандарты, которые включают в себя задания на чемпионатах World Skills, плавно перешли в образовательную деятельность...* (представитель Межрегионального центра компетенций). Из семи таких, открывшихся на тот момент в России межрегиональных центров один из них базировался в Ульяновске, на территории Ульяновского авиационного колледжа. Выбор данного учебного заведения был не случаен, так как Ульяновская область была заявлена в качестве авиационной столицы (поскольку является крупным центром российского гражданского авиастроения).

Указанный центр ведет работу сразу по нескольким направлениям. Так, в 2018 г. он стал победителем гранта по организации сетевой инновационной площадки образовательных учреждений Ульяновской области в сфере транспорта и логистики, т. е. речь идет о налаживании связей, сетевых взаимодействий между учреждениями в регионе. Кроме того, центр входит в сеть образовательных учреждений той же направленности, действующей по всей России. На период проведения исследования их было 104 из 36 регионов Российской Федерации⁹. Благодаря такому взаимодействию в рамках сети уже национального масштаба происходит обмен опытом

между образовательными учреждениями, в том числе и с теми, которые признаны ведущими в своей области в нашей стране.

И, наконец, еще одно направление – выстраивание партнерских отношений с предприятиями, в основном автотранспортными. Но в качестве главного партнера выступает АО «Авиастар-СП», которое является базовым предприятием и оказывает в том числе и материальную помощь данному образовательному центру. Также сотрудничество проводится и с другим крупнейшим производством в регионе – Ульяновским автомобильным заводом. Кроме того, указанный центр играет ведущую роль в проекте «Молодые профессионалы» (World Skills Russia Ульяновск). Целый ряд экспертов отмечали, что в современных условиях постоянной смены технологий также регулярно обновляются и требования к обучению кадров и к их компетенциям. Так, руководитель центра следующим образом высказалась по данной проблеме: *...жизнь значительно быстрее развивается, технологии меняются, буквально, там даже не десятилетие требуется, а несколько лет для того, чтобы технологии поменялись, и новые производства появлялись. Поэтому понятно, что нам успеть за технологическим развитием очень сложно и очень трудно, но нужно находить новые формы взаимодействия, с теми же самыми производствами для того, чтобы наши студенты знакомились со всеми этими новшествами... если кадры останутся старые, а технологии придут новые, то ничего не получится.*

Похожие требования, только уже относительно вузов, можно встретить и у других авторов, которые пишут на близкие темы: «В современных условиях главной задачей высшей школы является подготовка специалистов нового поколения, обладающих актуальными знаниями и навыками, способных оперативно принимать решения в быстро меняющейся обстановке», – указывает в своей статье «Проблемы взаимодействия вузов и предприятий» Т. Платонова¹⁰.

При этом, по данным анкетного опроса студентов вузов и ссузов, они сами достаточно высоко оценивают свой инновационный потенциал, описывая себя как людей, готовых все время учиться, развиваться, при этом быть готовыми к риску и творческому подходу к делу. Однако реализуется в студенческие годы этот потенциал не столь активно. Личный опыт участия в инновационных проектах (разработка, внедрение) есть только у 8,5% опрошенных студентов. Более того, результаты нашего исследования фиксируют наличие противоречия между потребностью региона в новых кадрах для промышленных предприятий и планами и мотивациями молодежи¹¹. Она не готова идти работать на завод и предпочитает либо госслужбу, либо работу в коммерческих бизнес-структурах. Все большую актуальность для молодежи приобретает сегодня рост значимо-

сти личных усилий и накопления человеческого капитала. Именно через призму этих категорий молодые смотрят и на свои образовательные и трудовые стратегии.

Еще одним немаловажным фактором, помогающим работодателям оценивать или подбирать потенциальных кандидатов, и в то же время форматом, включающим и некоторые образовательные практики, является проведение конкурсов, и не только в рамках движения World Skills Russia, но и инициированных на региональном уровне. Отдельные эксперты называют подобные формы «нетрадиционным трудоустройством». В качестве примера можно привести конкурс «Зажигаем звезды». Его организатором стало АНО «Агентство кадровых решений» при поддержке Агентства по развитию человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области. Данный конкурсный проект стал площадкой живого общения между молодежью и работодателями. Представители предприятий получали возможность давать задания и формулировать вопросы для конкурса, которые касались решения и производственных, и творческих, и логистических, и прочих задач (участвовать могли и студенты вузов, а в один из годов проведения – ссузов). Для работодателей это предоставило возможность отбора претендентов по нужным им параметрам, для молодежи – непосредственного контакта с представителями предприятий, который мог продолжиться для них или просто приглашением на экскурсию на производство или даже оплачиваемой стажировкой. Но и обычные, традиционные формы взаимодействия, такие как ярмарки вакансий, постепенно включают в себя новые формы, например, стенды с вакансиями только от инновационных предприятий, которые сочетаются со встречами в самих учебных заведениях со специалистами новых производств. Например, менеджеры компании «Бриджстоун» стремились наладить сотрудничество напрямую со студентами Ульяновского электромеханического колледжа, организовывали встречи на базе ссуза.

Еще один формат взаимодействия (как образовательного, так и касающегося обмена опытом), на значимость которого в основном указывали молодые специалисты и начальники отделов, лабораторий на современных инновационных производствах, а также сотрудники Ульяновского нанотехнологического центра ULNANOTECH, – это «профессиональные тусовки», конференции, семинары и другие формы подобных мероприятий. Причем часть из них проводится профессиональным сообществом и различными ассоциациями, а часть инициируется и самими предприятиями инновационного кластера, при этом некоторые организуются как международные.

Не так давно проходила конференция DMG MORI, где приглашались и поставщики, и потребители их продукции, то есть приезжали

представители из Германии, из других стран, ... международная конференция... Чем примечательна эта конференция – тем, что проходят пленарные заседания и включает работу секции по различным направлениям машиностроения, авиастроения, станкостроения, изготовления комплектующих, очень интересно (представитель департамента промышленности Министерства промышленности, жилищно-коммунального комплекса и транспорта Ульяновской области).

Кроме того, эксперты, представлявшие компании-резиденты Ульяновского нанотехнологического центра, подчеркивали значимость такой структуры, как Сколково (особенно те, которые являлись ее резидентами), и развитой ее сети взаимодействий в самых разных форматах. Молодые специалисты и разработчики инноваций отмечали, что им важно быть в курсе современных разработок, технологий и т. д., потому что любые тенденции в отрасли должны отслеживаться.

Еще одна ключевая идея, высказанная и даже не раз подчеркнутая совершенно разными экспертами, связана с тем, что многие предприятия, особенно включающие исследовательские структуры как одно из важных условий, предъявляемых к своим сотрудникам, называют способность и желание непрерывно совершенствоваться, развиваться, уметь самостоятельно искать и получать новые знания в постоянно меняющихся условиях. В этой связи возрастает роль самообучения, в том числе и с использованием интернет-технологий. *Нужно постоянно самообразовываться, то есть не останавливаться ни на мгновение, нужно постоянно впитывать информацию, очень много информации постоянно выходит...* (представитель лаборатории исследований и разработок – резидента Нанотехнологического центра). *То есть саморазвитие... когда ты готов поглотить материал, впитывать в себя как губка...* (руководитель проектов Нанотехнологического центра).

Данное условие, в свою очередь, как уж было сказано выше, предъявляет новые требования к подготовке кадров, готовности в системе образования как регулярно вводить новые стандарты, так и учитывать постоянно меняющиеся запросы предприятий, связанные, в свою очередь, с применением новых технологий и выпуском новых продуктов.

С другой стороны, все это позволяет говорить о том, что в настоящее время возрастает роль неинституционализированных форм обучения. Поэтому становятся важны не только взаимодействия по линии предприятие – вуз или другое учебное заведение или центр, но и сотрудник – обучающие порталы и пр. Ряд экспертов подчеркивали значение не владения определенными компетенциями, а наличия широкого кругозора и стремления все время обучаться новому, способности к самообучению: *Вот учиться – это не значит, мыслить в рамках одной специальности, вообще*

иметь кругозор и понимать, что нужно брать, а что – не нужно (руководитель проектов Нанотехнологического центра).

Итак, были рассмотрены как традиционные, давно сложившиеся формы взаимодействия вузов и ссузов с предприятиями, так и некоторые различия между ними в плане подготовки кадров в процессе доведения их компетенций до необходимого уровня. Молодые инновационные предприятия на уровне головных офисов разрабатывают не только комплексы требований к претендентам на вакантное место, но также практикуют их обучение внутри собственных внутрикорпоративных центров и даже иногда в корпоративных университетах. В условиях развития инновационных производств взаимоотношения с вузами охватывают не столько сферу распределительных отношений в процессе воспроизводства рабочей силы (содействии трудоустройству выпускников, их профессиональному и социальному самоопределению), сколько вопросы подготовки специалистов под требования предприятий, а также освоение работниками их норм и ценностей. В этой связи возникает проблема организации учебного процесса в соответствии с требованиями инновационных предприятий, новых производств, происходящих технологических изменений. Также акцентировано значение не только институционализированных и давно привычных форм подготовки и переподготовки работников в учебных заведениях и центрах, но и роль самообучения, в том числе с привлечением сетевых образовательных порталов.

Примечания

1. См.: Сотрудничать с лидером // Российская газета. Спецвыпуск № 33 (7496). URL: <https://rg.ru/2018/02/14/reg-pfo/ulianovskaia-oblast-voshla-v-desiatku-regionov-liderov-dlia-investorov.html>; Ульяновская области – один из лидеров России по инвестиционной активности // Media73 : Нацпроекты 73. URL: <https://media73.ru/2020/ulyanovskaya-oblast-odin-iz-liderov-rossii-po-investitsionnoy-aktivnosti> (дата обращения: 24.04.21).
2. Савицкая Е. Формы взаимодействия вузов и предприятий // Россия : тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 14 / под ред. В. И. Герасимова. М. : ИНИОН РАН, 2019. Ч. 1. С. 713.
3. См.: Лукьянова Е. Роль профессиональных компетенций в трудовых стратегиях работников инновационных предприятий // Трудовые ценности молодежи инновационного региона / Андреева Ю. В., Гончарова Н. В., Елкина О. А., Кремнева Н. Ю., Лукьянова Е. Л. Ульяновск : Изд-во Ульяновск. гос. ун-та, 2020. С. 9–42.
4. См.: Кузьмина (Старкова) Е. В. Нематериальные факторы повышения привлекательности рабочих профессий для молодежи в оценке экспертов // Симбирский научный вестник. 2018. № 2 (32). С. 98–105.
5. Сюпова М., Бондаренко Н. Основные формы взаимодействия вузов и предприятий // Электронное

- научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2014. Т. 5, № 4. С. 113–114. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_5_163.pdf (дата обращения: 22.04.2020).
6. См.: Кузьмина (Старкова) Е. В. Оценка экспертами мер и мероприятий повышения привлекательности для молодежи мест трудоустройства по рабочим профессиям // Симбирский научный вестник. 2017. № 1 (27). С. 101–108.
 7. Подробно см.: Кванториум : детский технопарк. URL: <https://infanoj.ru/ulyanovsk/catalog/item/220/> (дата обращения: 10.03.2021).
 8. Основной идеей Технокампуса заявлена «максимальная концентрация образовательных, научных, исследовательских и бизнес-ресурсов с целью эффективной реализации инновационных проектов и технологических стартапов» (АТР : Ульяновский регион. URL: <https://atr73.ru/технокампус-2-0/> (дата обращения: 26.03.2021)).
 9. Стоит отметить, что помимо федеральных ресурсов значительный вклад в создание Межрегионального центра компетенций был внесен уже на месте, в качестве привлечения региональных средств.
 10. Платонова Т. О. Проблемы взаимодействия вузов и предприятий. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/26603/1/notv_2013_149.pdf (дата обращения: 22.04.2020).
 11. См.: Гончарова Н. Предпринимательские ценности инновационной экономики // Трудовые ценности молодежи инновационного региона / Андреева Ю. В., Гончарова Н. В., Елкина О. А., Кремнева Н. Ю., Лукьянова Е. Л. Ульяновск : Изд-во Ульяновск. гос. ун-та, 2020. С. 65–76.

Поступила в редакцию 13.05.2021, после рецензирования 20.05.2021, принята к публикации 28.05.2021
Received 13.05.2021, revised 20.05.2021, accepted 28.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 263–268
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 263–268
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-263-268>

Научная статья
УДК 316.422

Подготовка кадров для наукоемких производств в системе непрерывного образования

А. В. Чурсина

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Чурсина Анна Вадимовна, младший научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры, anna.chiursina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6972-5320>

Аннотация. Система высшего образования в настоящее время не отвечает запросам работодателя. Поэтому все более актуальной становится концепция непрерывного образования. Одним из аспектов такого образования является корпоративный университет, который не только дает необходимые знания для работы в конкретной компании, но и повышает общекультурные навыки. В статье на основе экспертных интервью (N = 100), проведенных в 2017–2019 гг., рассматривается, как наукоемкие производства готовы участвовать в подготовке кадров для того, чтобы иметь хорошо подготовленных сотрудников и получать экономическую прибыль. Внимание также обращено на современное состояние системы профессионального образования. Изучается мнение экспертов о корпоративном образовании, а также о базовых кафедрах в вузах как одной из форм такого образования. В ходе интервью также интерес был направлен на эффективность курсов повышения квалификации. Внимание уделяется проблемам недостаточного уровня профессиональных компетенций, с которыми сталкиваются работодатели, и возможностям их преодоления. Эксперты высказали мнение об изменениях, которые они хотели бы видеть в системе профессионального образования. Были рассмотрены возможные варианты развития профессиональной подготовки кадров для непрерывного образования. В статье уделяется внимание взаимодействию институтов непрерывного образования и наукоемких производств, которое поможет преодолеть разрыв между системой образования и реальным производством.

Ключевые слова: наукоемкие производства, высшее образование, корпоративное образование, непрерывное образование, подготовка кадров, Россия

Для цитирования: Чурсина А. В. Подготовка кадров для наукоемких производств в системе непрерывного образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 263–268. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-263-268>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Personnel training for high-tech industries in the system of lifelong education

A. V. Chursina

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, korpus 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia

Anna V. Chursina, anna.chiursina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6972-5320>

Abstract. At present the higher education system does not meet the employer's requests. Therefore, the concept of lifelong education is becoming more and more relevant. One of the aspects of such education is a corporate university which not only provides the necessary knowledge to work for a particular company, but also improves general cultural skills. On the basis of expert interviews (N = 100) conducted in 2017–2019, it was considered as high-tech industries are ready to participate in personnel training in order to have well-trained employees and receive economic profit. Attention is also drawn to the current state of the professional education system. The experts' opinion on the corporate education, as well as on the basic university departments as one of the forms of such education is pondered upon. The interview is also focused on the effectiveness of continuing education courses. Attention is paid to the problems of insufficient level of professional competencies facing the employers and the possibilities of overcoming them. The experts expressed their opinion on the changes that they would like to see in the professional education system. Possible options for the development of professional training for lifelong education were considered. The article focuses on the interaction between lifelong education institutions and high-tech industries which will help bridge the gap between the education system and real production.

Keywords: high-tech industries, higher education, corporate education, lifelong education, personnel training, Russia

For citation: Chursina A. V. Personnel training for high-tech industries in the system of lifelong education. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 263–268 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-263-268>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современная система образования сталкивается с вызовами общества и вынуждена решать те вопросы, которые ранее перед педагогами не стояли.

Речь идет о формировании у обучающихся не только интересов и знаний, но и навыков их адаптации под постоянно меняющиеся требования рынка труда. Данные навыки сейчас должны развиваться у обучающихся любого возраста, особенно в старших классах и в рамках профессиональной подготовки. Вообще, сейчас все более актуальной становится концепция *lifelong learning*, или концепция непрерывного образования.

Обратившись к словарю, видим, что «непрерывное образование – образование на протяжении всей жизни, которое обеспечивается единством и целостностью системы образования, созданием условий для самообразования и всестороннего развития личности, совокупностью преемственных, согласованных, дифференцированных образовательных программ различных ступеней и уровней, гарантирующих гражданам реализацию права на образование и предоставляющие возможность получать общеобразовательную и профессиональную подготовку, переподготовку, повышать квалификацию на протяжении всей жизни»¹.

Еще в 1972 г. в докладе комиссии Эдгарда Фора «Учиться быть»² прозвучала концепция непрерывного образования, где рассматривались два понятия: «образование на протяжении всей жизни» и «обучающееся общество», причем первое было названо ключевым для образовательной политики развитых и развивающихся стран. Однако активно развиваться данная концепция стала только в середине 1980-х гг. Основная идея – каждый человек на протяжении своей жизни должен иметь доступ к образованию.

Непрерывное образование существует в двух направлениях: ширина и длина. Образование длиною в жизнь (*life long learning*) означает, что человек может получать образования вне зависимости от периода его жизни. Его можно подразделить по целевой группе обучающихся: детское, молодежное, взрослое, пожилое. Образование шириною в жизнь (*lifewide learning*) обозначает, что люди всех социальных групп имеют доступ к освоению новых форм образования. Речь идет не только о передаче профессиональных умений и навыков, но и предполагает общекультурное развитие и воспитание. Самообразование в данной категории является основной формой деятельности.

На данный момент государственная система профессионального образования не в состоянии отвечать всем потребностям быстро меняющегося рынка, поэтому начинает активно развиваться система корпоративного дополнительного про-

фессионального образования. Данный институт закрывает тот разрыв в навыках и знаниях, который существует между вузом/ссузом и работой. Также корпоративный институт погружает сотрудника в свою корпоративную культуру.

Корпоративное образование начало формироваться в 20–30-х гг. XX в. на Западе изначально как профессиональная система обучения (бизнес-школы), основанная на практике. Ключевой задачей стала не только передача знания, но и обучение, в основном с помощью кейсов, практическим навыкам сотрудников. Тогда и появилась новая группа преподавателей – тренеры или коучи. Задача корпоративного университета не сводится к повышению квалификации. В таком случае удобнее и дешевле воспользоваться услугами тренинговых центров или вузов. Корпоративный университет имеет более широкий спектр задач: повысить конкурентоспособность организации, а также корпоративный дух сотрудников, помочь в реализации стратегии компании.

Если говорить о непрерывном образовании сотрудников компаний, то именно корпоративное образование можно считать наиболее эффективным методом повышения квалификации персонала. Так, с помощью корпоративных институтов образования сотрудник может получить те самые необходимые навыки адаптации к непрерывно меняющимся условиям и потребностям работы на определенном предприятии.

Именно корпоративное образование позволяет компаниям инвестировать средства в своих же сотрудников, так как повышение квалификации своих, проверенных уже сотрудников является более надежным и выгодным вложением, чем наем новых специалистов. Е. Е. Журавлева подразделяет корпоративное образование на два этапа: базовое, которое дается новым сотрудникам, и периодические мероприятия по повышению квалификации сотрудников компании³. Именно путем образования корпоративного университета компания может подготовить специалиста, соответствующего корпоративной культуре, стратегическим задачам компании.

Как уже говорилось выше, выделяются два этапа корпоративного образования сотрудников. Первый этап подразумевает обучение деловой этике, которая поднимает престиж компании и укрепляет корпоративную культуру, а также обучение тайм-менеджменту, психологические тренинги, направленные на развитие умений нестандартно действовать, умений взаимодействовать в коллективе и умение разрешать конфликты и спорные ситуации. Вторым этапом является уже узкоспециализированным. Сюда включаются бизнес-тренинги, тематические семинары, узкотематические курсы повышения квалификации.

Некоторые исследователи считают, что среди применяемых технологий обучения в корпоративном образовании наиболее востребована дистанционная форма. Частные предприятия таким образом минимизируют затраты на обучение сотрудников: сотрудник не полностью выходит из рабочего процесса, компания не несет производственных убытков, нет издержек, связанных с командированием сотрудника к месту обучения. Сотрудники, используя такую форму обучения, могут повышать квалификацию без отрыва от основной работы. В основном (68%) обучение проходит на рабочем месте⁴.

Система корпоративного образования позволяет быстрее реагировать на меняющиеся условия рынка, быстрее внедрять инновационные проекты и быстрее получать результаты, чем традиционная система высшего образования.

В декабре 2020 г. Президент РФ объявил 2021-й Годом науки и техники⁵. Сейчас становятся особенно актуальными проведенные в рамках мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Непрерывное образование и наукоемкие производства: институты и практики взаимодействия» с 2017 по 2019 г. экспертные интервью (N = 100) среди руководителей инновационных наукоемких производств, вузов и НИИ, маркетологов научной продукции и топ-менеджеров, основателей успешных стартапов международного уровня, патентных адвокатов и судей с большим опытом работы, представителей региональных и федеральных органов управления, в непосредственной компетенции которых находятся вопросы инновационного развития регионов и страны в целом.

В интервью эксперты неоднократно невысоко оценивали современную систему профессионального образования, однако встречались и единичные мнения, что российское образование дает фундаментально подготовленного и всесторонне развитого специалиста.

...у нас прекрасное образование, оно основные сферы все охватывает. Университеты хорошо работают, тут какого-то особого мнения у меня нет про образование, они решают свою задачу в той степени, в которой должны решать (Интервью 32, Тюменская область).

Притом каждый эксперт отметил технические вузы, которыми может гордиться страна. Среди них были МАИ, МЭИ, МГТУ, МГУ, МИФИ, МФТИ – те вузы, которые славятся своими выпускниками как в нашей стране, так и за рубежом.

Недовольство экспертов системой образования складывалось из двух составляющих: во-первых, это недостаточный уровень знаний, как общих, так и профессиональных; во-вторых, отсутствие практики во время обучения (неумение применить свои знания на производстве).

Некоторые опрошенные отмечают, что трудности возникают из-за того, что в России отказались от классической советской высшей школы и перешли на Болонскую систему. Таким образом, образовательные учреждения ушли от системы, когда будущий специалист сначала получал базовую естественнонаучную платформу, а на нее накладывал узкоспециализированные знания.

...Мы пытаемся всеми силами отказаться от советской системы подготовки, хотим работать по международным стандартам. Старую Советскую систему пытаемся натянуть на Болонский стандарт. Получается, что пятилетняя программа подготовки инженеров сжимается до 4-х лет и не получается специализации на выходе, не получается инженеров в широком смысле слова, которые понимают всю глубину процессов, протекающих в оборудовании (Интервью 54, Томская область).

Особенно эксперты уделяли внимание теоретическому характеру подготовки молодых кадров. Технологии производства, информационные технологии претерпевают постоянные изменения, а большинство вузовских преподавателей практически не работают на производстве, а если и работали, то уже давно и не владеют современными средствами производства. Переход на новые стандарты подразумевают более практическую подготовку студентов, однако в реальности образование в России все также строится на теории.

Так вот проблема состоит в том, что многие преподаватели, которые преподают на старших курсах и готовят вот этих инженеров – финишная такая подготовка инженеров – они последние 5, 10, 15 даже 20 лет не работали в реальной промышленности. Они готовят студентов, сами не понимая, какие технологии являются сегодня передовыми, востребованными (Интервью 18, г. Санкт-Петербург).

Подготовка кадров осуществляется, в основном, в области теоретических знаний, причём по устаревшим методикам. Система образования работает в отрыве от производства (Интервью 4, г. Москва).

Эксперты оптимистично оценивают систему корпоративного образования как наиболее перспективную форму. Отмечается, что подготовка кадров в таких учебных центрах является самой эффективной и качественной, так как организация готовит кадры непосредственно для самого себя и под те технологии, которые применяются прямо сейчас на производстве.

Существенным минусом корпоративного образования является его высокая стоимость, и поэтому такой вид образования могут позволить только крупные компании. Особенно экспертами отмечается успех корпоративного образования (как экономического, так и образовательный) в

коллаборации с крупными вузами. К тому же, в отличие от вузов, корпоративные университеты готовы применять новые методы обучения, например дистанционные формы.

Вообще все формы корпоративного обучения хороши и будут развиваться, и по-хорошему они должны прийти на смену магистратур, в которых неизвестно чему учат (Интервью 67, Москва).

Корпоративные университеты есть, но их очень мало, такое могут позволить себе только крупные компании, которые понимают какие-то тренды, совместно с вузами работают. ... Есть еще момент, сейчас мы этим занимаемся, бизнес не до конца понимает свою роль в образовании, который должен сказать, чему должны научить его будущего работника. Было бы правильно дать знать вузам, чему учить людей, кто нужен бизнесу (Интервью 31, Тюменская область).

Было выявлено, что эксперты считают базовые кафедры в вузах одной из форм корпоративного образования. Таким образом, может быть нивелирован разрыв в знаниях между вузом и работой, поскольку работодатель видит наиболее одаренных студентов и готовит «под себя» молодого специалиста не после окончания вуза, а уже на старших курсах. Получает выгоду от такого образования и студент, потому что приобретает не только теоретические знания, но и практические навыки, а также может подрабатывать в компании. В процессе обучения он может поработать на разных этапах производства и понять, с чем в дальнейшем хочет работать. Однако стоит упомянуть о рисках организации, связанных с затратами на обучение предполагаемого будущего сотрудника, вложении в человеческий капитал, ведь студент может впоследствии найти и другую работу и не вернуть компании вложенные в него средства.

Базовые кафедры – это новая форма взаимодействия вузов с бизнесом (Интервью 1, г. Москва).

У нас есть базовые кафедры на заводе практически по всем выпускающим и там занятия проходят (Интервью 56, Ярославская область).

Базовые кафедры в компаниях стали невыгодными. Подготовка в течение двух лет на базе компании обходится ей в 2 млн. руб. на человека. А эти переобученные молодые люди потом могут уйти в Шлюмберже или иную конкурирующую фирму (Интервью 61, г. Москва).

Иметь собственные корпоративные курсы повышения квалификации могут позволить себе только крупные предприятия. Поэтому чаще всего предприятия отправляют своих сотрудников на курсы повышения квалификации в своем же городе, отмечая, что это экономически более выгодно, чем отправлять сотрудников в другие города. В основном, представители наукоемких предприятий заключают контракты с вузами, но

им важно, чтобы сотрудники не формально, ради «корочки», проходили данные курсы, а приобретали новые знания и опыт. Эксперты обращали внимание на то, что чаще отдается предпочтение курсам, направленным не на изучение новых технологий, а на навыки организации производства или личностные навыки.

Курсы повышения квалификации у нас есть. Учебу регулярно для сотрудников проводим – и для своих, и для сторонних. Для своих устраиваем и по их специальности, и по общей компетенции, причем иногда с организацией конференции. На нее приглашаем видных ученых. Отсылать своих в другие города – это дорого (Интервью 43, Омская область).

У нашего предприятия есть специальные договора с московскими вузами о повышении квалификации сотрудников. В частности, с Бауманкой. Ее преподаватели читают циклы лекций для специалистов завода. Есть также совместные договора о разработке новой техники. Вузовские специалисты проводят что-то типа семинаров, а когда у сотрудников появляются вопросы, то начинается неформальное общение (Интервью 30, г. Москва).

Курсы повышения квалификации необычайно важны, особенно для работников, занятых в инноватике. Если после окончания вуза прошло три года и не повышалась квалификация, наступает резкий спад участия людей в инновационной деятельности. Это у кого 3 года прошло. Среди тех, у кого прошло 4 или 5 лет, практически никого в инноватике нет. Поэтому курсовая форма образования необычайно важна, но она у нас вообще сведена практически на нет (Интервью 7, Тюменская область).

Большие компании переобучаются, но скорее не технологиям, а культуре производства и навыкам его организации (Интервью 29, г. Москва).

Эксперты единодушно выражали желание в изменениях системы профессионального образования. Отмечалось, что необходимо изменить подготовку кадров на практико-ориентированную и не только учитывать нынешние потребности рынка и организаций, но и ориентироваться на будущее. Делается акцент на взаимодействии компаний и вузов в рамках подготовки будущих кадров, особенно на старших курсах. Эксперты отмечают, что стоит вернуться к опыту Советского Союза, где была введена система наставничества. И внедрено это может быть разными способами: как наставник уже на производстве, так и наставник с производства у студента вуза.

На последних этапах обучения необходимо сужение специализации и прохождение практики непосредственно на рабочих местах (Интервью 58, Республика Татарстан).

Нужно четко понимать потребность предприятий, которые в регионе работают. ... В

вузе не могут учесть всех нюансов, там дают базовые знания. Было бы здорово, если бы была возможность развития и прикладного образования под конкретные задачи (Интервью 34, Тюменская область).

Университет в Сколково предполагает изменение стандартов обучения: два года общее образование, а потом два года практики (Интервью 7, Тюменская область).

Студентов с 3 курса прикрепляют к наставнику, 1–2 раза в неделю он должен быть на практике (Интервью 55, Томская область).

В современном российском обществе, несмотря на то что официально провозглашается равенство и доступность образования, существует множество социальных, экономических и географических барьеров, чтобы получить высшее образование, а следовательно, возникают проблемы с продвижением по социальной лестнице. Именно непрерывное образование становится своеобразной «таблеткой» от этой проблемы.

Роль непрерывного образования в развитии инновационных процессов становится ключевой. Возникает объективная необходимость постоянной учебы персонала и повышения его квалификации исходя из потребностей наукоемких производств и меняющейся конъюнктуры рынков. В ходе проведенного исследования показано, что взаимодействие наукоемких предприятий с институтами непрерывного образования носит многоплановый характер.

Система высшего профессионального образования, которая на сегодняшний день является основным поставщиком кадров для наукоемких производств, достаточно трудно поддается реформированию в соответствии с задачами сегодняшнего дня. За редкими исключениями (к которым относятся ведущие научно-исследовательские университеты и ряд отраслевых учебных заведений) вузы начинают проигрывать более рыночно-ориентированным разработчикам и провайдером образовательных услуг.

В ходе исследования были выявлены следующие аспекты взаимодействия наукоемких предприятий с институтами непрерывного образования.

Для начала, это наиболее известные практики на предприятии, которые также регулируются федеральными государственными стандартами высшего образования. Хотя предприятия заинтересованы в подготовке будущих специалистов, во время исследования эксперты неоднократно акцентировали внимание на бюрократизме современной системы высшего образования и отмечали, что опытные специалисты не готовы тратить время на заполнение всех требуемых вузом бумаг.

Другой формой взаимодействия является корпоративное образование, которое может быть

организовано как в очном, так и в дистанционном формате. Чаще всего корпоративный университет является одним из подразделений компании. Содержание обучения полностью ориентируется на потребности компании. Происходит сдвиг в пользу дистанционного образования, которое активно вводят крупные корпорации с множеством филиалов на территории России. Зачастую, чтобы не проходить процедуры лицензирования и аккредитации, корпоративные университеты выдают собственные (негосударственные) сертификаты о повышении квалификации. Стоит отметить, что эффективность такого образования намного выше вузовского, так как происходит обучение или наиболее перспективных работников, которые уже имеют базу в виде знаний и профессионального опыта, или новичков, чтобы дотянуть до уровня компетентности, требуемой на предприятии. В обоих случаях предприятие в течение полугода получает увеличение прибыли за счет повышения эффективности сотрудника.

Корпоративное обучение как процесс передачи профессиональных знаний, навыков сотрудникам является важным средством достижения стратегических целей предприятий: основа повышения профессионализма, повышение эффективности работы и, как следствие, повышение доходов. В современных условиях конкурентоспособнее будет та организация, где обучение сотрудников более качественное. Корпоративное обучение делает акцент на практической компоненте, имеет много профилей и много уровней учебных программ.

Третья форма взаимодействия – базовые кафедры в вузах. Существует два типа взаимодействия: когда в вуз приходят специалисты непосредственно с производства и когда преподаватели вуза проходят стажировку на предприятии. Первый тип, по мнению экспертов, чаще реализуется. Однако зачастую возникают проблемы с адаптацией специалиста к учебному процессу вуза, а в особенности – с бюрократизмом системы, где велико количество отчетов и прочей бумажной волокиты. Имеется тенденция сокращения числа базовых кафедр из-за разницы в восприятии учебного процесса со стороны вуза и производства.

Несомненно, что будущее за наукоемкими технологиями. Ни одна современная, высоко развитая страна не может обойтись без больших инвестиций в науку. Только на наукоемком производстве можно построить здоровую экономическую систему. Но в то же время с высокотехнологичными устройствами связано много сопутствующих проблем различного характера, одна из которых – недостаточный уровень образования работников. Требуется обратить особое внимание не только на подготовку высококлассных специалистов в сугубо технической сфере,

но и на развитие личностных навыков, которые окажут влияние на эффективность рабочего процесса. Важно также обратить внимание на несовершенство формальных институтов, которое тормозит развитие образовательного процесса. Сейчас большинство университетов теряют шанс на участие в непрерывном образовании, которое является ключевым для инновационной экономики.

Примечания

- ¹ Словарь согласованных терминов и определений в области образования государств-участников Содружества Независимых Государств / науч. ред. Н. А. Селезнева. М. : НИТУ «МИСиС», 2012. С. 55.
- ² См.: *Faure E., Herrera F., Kaddoura A.-R., Lopes H.,*

Petrovsky A. V., Rahnema M., Ward F. C. Learning to be. The world of Education Today and Tomorrow. Paris : UNESCO, 1972. P. 182–222.

- ³ См.: *Журавлева Е. Е.* Корпоративное образование в системе дополнительного профессионального образования // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. 2006. № 3 (4). С. 75–78.
- ⁴ См.: *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Электронное образование и развитие инновационной экономики России // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. 2011. № 4. С. 67.
- ⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации № 812 от 25.12.2020 г. «О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012250002> (дата обращения; 22.03.2021).

Поступила в редакцию 29.03.2021, после рецензирования 31.05.2021, принята к публикации 03.06.2021
Received 29.03.2021, revised 31.05.2021, accepted 03.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 269–273

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 269–273

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-269-273>

Научная статья
УДК 316.42+329.7

Формирование социального капитала политических партий и общественных организаций в регионе: основные направления и средства

М. Ш. Абдусаламова

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Абдусаламова Медина Шахрутдиновна, преподаватель кафедры «Частное и публичное право», seidova.medina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3368-9372>

Аннотация. На основе проведенного сравнения взглядов современных зарубежных и российских социологов разработана структурная и факторная операционализация понятия «социальный капитал политических партий и общественных организаций». Сделан вывод о том, что для накопления социального капитала в регионе имеются материальные и культурные ресурсы. Но еще необходимы регулятивные меры (законодательные, информационно-образовательные), чтобы усилить социальное взаимодействие политических партий и общественных организаций со структурами власти и с представителями регионального социума.

Ключевые слова: социальный капитал, политические партии, общественные организации, региональный социум, социальное взаимодействие

Для цитирования: Абдусаламова М. Ш. Формирование социального капитала политических партий и общественных организаций в регионе: основные направления и средства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 269–273. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-269-273>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formation of social capital of political parties and public organizations in the region: Main directions and means

M. Sh. Abdusalamova

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Medina Sh. Abdusalamova, seidova.medina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3368-9372>

Abstract. On the basis of the comparison of modern foreign and Russian sociologists's views, a structural and factorial operationalization of the concept of "social capital of political parties and public organizations" is developed. The material and cultural resources are available for the accumulation of social capital in the region. But regulatory measures (legislative, information and educational) are still needed to strengthen the social interaction between political parties and public organizations and the government structures representing regional society.

Keywords: social capital, political parties, public organizations, regional society, social interaction

For citation: Abdusalamova M. Sh. Formation of social capital of political parties and public organizations in the region: Main directions and means. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 269–273 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-269-273>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Происходящие изменения в социально-политических отношениях требуют изучения социальных аспектов взаимодействия таких участников, как политические партии и общественные организации. Важной является проблема накопления ими социального капитала в аспекте социального взаимодействия с представителями социума, с одной стороны, и с институтом власти, с другой. От сущности и возможностей применения этого социального капитала зависит и процесс формирования гражданского общества.

В методологии социологического исследования важное место занимает анализ основных понятий, главным методом которого является составление аналитической операционализации по предмету исследования. Как известно, такая аналитическая операционализация основных понятий включает две части: структурную и факторную.

Можно, таким образом, представить структурную и факторную операционализацию основного понятия «социальный капитал политических

партий и общественных организаций» как основного понятия исследования, с учетом специфики воздействия региональных условий на процесс формирования этого капитала.

Структурная операционализация включает следующее:

1) социальные связи или сети для обмена информацией и взаимодействия индивидов;

2) социальные нормы, принятые в социуме и регулирующие взаимодействие на принципе взаимной компенсации затраченных усилий и равной отдачи от них;

3) доверие к социальным и политическим институтам, общественным деятелям и руководителям, организациям (вертикальный уровень) и к представителям окружающего социума на личностном уровне (горизонтальный уровень).

Факторная операционализация включает три группы факторов:

1) объективные факторы:

– социально-экономические (уровни экономического развития в регионах);

– социально-коммуникационные (информатизация и информированность представителей разных слоев социума);

– социально-политические (социальная активность и деятельность политических партий, общественных организаций, граждан);

2) субъективные факторы – общественно-психологические (отношение к институтам власти, государства);

3) факторы социального взаимодействия: направленность и интенсивность социальных взаимодействий – от отношений социального партнерства до социального недовольства и попыток протестного поведения граждан.

В методологии любого исследования далее необходимо сформулировать общую цель и определить задачи, т.е. частные цели, которые позволяют достичь намеченного результата.

В отношении к предмету исследования общую цель надо сформулировать как определение механизмов и возможностей регулирования деятельности политических партий и общественных организаций, что происходит при формировании их социального капитала и влияет на формирование социального капитала всего региона. При этом, в соответствии с проведенной структурной операционализацией основного понятия, задачей исследования должно быть определение сущности и содержания социального доверия, на котором строится дальнейшее социальное взаимодействие.

Социологическая сущность и содержание социального доверия представлены впервые в научной литературе в развернутой форме в новой книге известного представителя современной социологической мысли П. Штомпки. Автор раскрывает роль доверия как фундаментального фактора общественной жизни, в частности повседневной¹.

На первом, или психологическом уровне, означающем доверие человека к себе и к социальному окружению, доверие выражается как особая и общечеловеческая черта, которая обеспечивает чувство безопасности индивида (т.е. уверенность в своем социальном окружении и в стабильности окружающего мира). Противоположностью доверия являются неопределенность и страх.

Второй уровень доверия определяется условно как социально-психологический, или групповой. При этом доверие проявляется в сфере межличностных взаимодействий и отношений людей, и прежде всего в таких социальных группах, как трудовой коллектив, семья, круг друзей. Доверие выступает и в качестве ресурса межличностного взаимодействия, и в качестве принципа конструирования, и в качестве особого вида социальных отношений.

Третий уровень – это непосредственно социальный уровень доверия. Доверие проявляется в масштабах социальных организаций, институтов и всего общества. Сущность доверия на этом уровне рассматривается по ряду оснований:

– в качестве предпосылки социального порядка в обществе;

– в качестве структурного компонента социального капитала, который, согласно концепции П. Бурдьё, состоит из двух элементов: социальные отношения, которые позволяют людям получать доступ к ресурсам, находящимся в собственности других людей, а также количество и качество названных ресурсов².

В современной российской социологии социальное доверие также является предметом исследования многих специалистов. Укажем наиболее важные, на наш взгляд, направления и работы исследования этого предмета, которые имеют отношение к социальному капиталу. Это – исследования границ политического доверия (П. М. Козырева, А. И. Смирнов)³, исследование процесса и методов формирования доверия (А. П. Мальцева)⁴, связь доверия и социального капитала с оценкой уровня жизни индивида (А. А. Миронова)⁵. Есть опыт исследования межличностного и институционального доверия в качестве показателей развития гражданского общества в разных регионах – субъектах РФ (С. Г. Максимова, А. Г. Морковкина)⁶. Следует обратить внимание и на недавнее исследование факторов формирования доверия и недоверия (Е. В. Реутов), где определяются социокультурные, социоструктурные, экономические, криминологические и социально-психологические факторы⁷.

Следующая задача исследования накопления социального капитала политических партий и общественных организаций – это выявление того, как юридически обеспечиваются образцы социального поведения, соответствующего формированию основ гражданского общества в

стране. Но в современном российском обществе пока нет опыта настоящего демократического управления. Поэтому и трудно ожидать отчетливого и стабильного отношения к демократическим ценностям. Во многих обществах для представителей различных слоев социума наиболее важные демократические ценности – это, прежде всего, закон, порядок, справедливый суд. Для большинства людей серьезной угрозой являются беззаконие, отсутствие порядка и справедливой судебной системы. Причинами снижения социального доверия становятся неоправданные ожидания, вызванные расхождениями между ценностными ориентациями, интересами, запросами граждан и деятельностью властных субъектов.

Согласно ст. 30 Конституции РФ (в редакции 2020 г.), свобода деятельности общественных объединений гарантируется⁸.

В настоящее время деятельность общественных объединений регулируют Федеральные законы «Об общественных объединениях» (от 19 мая 1998 г.) и «О некоммерческих организациях» (от 12 января 1996 г.).

И еще одна задача, имеющая важное значение для исследования социального капитала партий и общественных организаций в регионе, – это возможности реализации информационной политики в направлении создания социального взаимодействия партий, общественных организаций с представителями регионального социума.

Информационно-методическое обеспечение проявляется в информировании широких слоев современного российского общества о функционировании общественных объединений, и это является важным направлением процесса создания единого информационного пространства, относящегося к деятельности общественных объединений.

На примере информационно-методического обеспечения общественной деятельности детей и подростков можно охарактеризовать принципы и методы информационно-методического обеспечения деятельности политических партий и общественных организаций. Это обеспечение представляет собой часть процесса информатизации общества, который можно рассматривать как один из определяющих факторов развития общественного устройства. Информационное обеспечение работы с детьми и молодежью заключается в способностях и возможностях субъектов социального взаимодействия влиять на поведение и деятельность детей и подростков с помощью информации.

Фактором развития детских общественных объединений является обеспечение их участников социально значимой информацией и навыками использования ее возможностей в приоритетных сферах жизнедеятельности детей и подростков. Информационно-методическое обеспечение в широком смысле – это комплекс социально-пе-

дагогических преобразований, связанных с насыщением образовательных систем информационной продукцией, средствами и технологиями; в узком – данное обеспечение включает внедрение информационной продукции и педагогических технологий, базирующихся на них, в деятельность детских общественных объединений⁹.

Информационные процессы воздействуют на развитие коммуникаций названных участников и развитие отдельных регионов. В соответствии с этим современные социальные отношения все устойчивее выражаются в новом измерении информационного пространства, что обусловлено ростом доступа массовой аудитории к современным средствам коммуникации (в Интернете – различные социальные сети, в смартфонах – общение по скайпу, по Viber и др.). Эти возможности увеличиваются с каждым годом.

Формирование информационного пространства оказывает свое воздействие на институционализацию норм, стандартов, кодексов, проявляющихся во внутренней и внешней политике. В этом проявляются такие функции массовых коммуникаций, как распространение информации об изменении социальных правил, норм, стандартов, ценностей и передача культурных ценностей¹⁰.

Изучение существующей практики информационно-методической поддержки общественных объединений свидетельствует о том, что уже апробированы эффективные элементы системы такой поддержки. Существуют и выполняются программы, поддерживаемые государством на федеральном и региональном уровне. Среди них наиболее развитыми и известными можно назвать:

- программы, созданные различными СМИ;
- программы, направленные на создание своих информационных ресурсов и в дальнейшем обеспечивающие поддержку общественных организаций в соответствии с социальной политикой.

Цели программы реализуются в процессе решения ее задач, к которым относятся:

- создание эффективного механизма подключения общественных организаций к деятельности СМИ;
- осуществление общественного контроля исполнения решений законодательной, судебной и исполнительной власти всех уровней в определенной сфере социальной политики.

Особое место при реализации таких программ занимает Интернет как многостороннее и стабильное средство коммуникаций с любыми и разными представителями социума.

Коммуникация на основе Интернета вышла на новый уровень своего развития и стала необходима также всем участникам социальных взаимодействий. Доступность и распространение информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) – необходимое условие демократизации современного общества, самоорганизации людей, развития гражданских инициатив.

Но «демократизирующий» эффект таких характеристик Интернета, как легкость распространения информации, интерактивность, положительное отсутствие контроля, действует по-разному. Эти же характеристики могут влиять прямо противоположно, если их использовать для незаконного проведения предвыборных кампаний, лоббирования, распространения экстремистских идей.

Рост и распространение информационных ресурсов населения способствует более массовому участию граждан в принятии решений. Но развитие активных интернет-форм политического взаимодействия не всегда приводит к повышению только политических возможностей граждан. Структуры власти также получают больше информации о мнениях, социальных интересах, запросах населения. Сейчас нельзя еще определенно утверждать, каким образом развитие интернет-технологий будет воздействовать на политические процессы, но уже возможно предположить, что могут измениться многие представления о демократическом управлении.

Информационные технологии, в том числе Интернет, осваиваются прежде всего молодым поколением (до 30 лет и немного старше). Важную роль играют материальные возможности и образовательный уровень. Основная часть аудитории Интернета – это люди с высшим или незаконченным высшим образованием.

Это очень важно для выбора политическими партиями целевой аудитории и формирования долгосрочной поведенческой стратегии, которые затем сыграют роли социальной базы и институционального поведения партии в социуме.

Через содержательное наполнение интернет-ресурсов хорошо прослеживаются коммуникативные стратегии политических партий. Эффект влияния на пользователей Интернета зависит от наличия интерактивного инструментария и профессионализма при работе с веб-сайтами. К основным характеристикам эффективного сайта относятся функциональность, информативность, поддержка и актуализация данных, современный дизайн, этичность, использование интерактивных компонентов, обратная связь с пользователями, постоянное обновление. Глобальная сеть становится важной составляющей социальных и политических коммуникаций, которые образуют информационную среду деятельности политических партий и их лидеров. Интернет используется политическими партиями в качестве реального интерактивного канала связи с населением, а также инструмента влияния на электорат.

Современные информационно-коммуникативные технологии Интернета могут стать основой оптимального диалога, который является одним из главных принципов информационного взаимодействия в политике.

Сайт политической партии при рациональном использовании может обеспечить реализацию таких функций партии, как социализация и мобилизация, артикуляция и агрегация. Партии рискуют частично утратить эти функции, если не развивают свою коммуникативную политику в Интернете, и становятся только формальным посредником между гражданским обществом и властью. Но сайт партии может служить эффективным инструментом предвыборной борьбы, если выполняет такие функции, как убеждение, распространение информации, укрепление бренда, сбор средств, партийное строительство, экономия затрат, создание партийных сообществ¹¹.

Обратимся к некоторым региональным документам, в которых зафиксировано информационное обеспечение деятельности политических партий и общественных организаций.

В Пензенской области это обеспечение зафиксировано Законом «О гарантиях равенства политических партий, представленных в Законодательном Собрании Пензенской области, при освещении их деятельности региональными телеканалом и радиоканалом (с изменениями на 3 апреля 2014 г.)»¹².

В ст. 3 описаны общие принципы освещения деятельности политических партий, представленных в Законодательном Собрании Пензенской области региональными телеканалом и радиоканалом. К ним относятся:

1) распространение информации о деятельности каждой из указанных политических партий в равном объеме;

2) публичность государственного контроля в освещении деятельности указанных политических партий;

3) творческая независимость и профессиональная самостоятельность редакций региональных телеканала и радиоканала при освещении деятельности указанных политических партий, в том числе самостоятельное определение способов, форм и оснований такого освещения;

4) всестороннее и объективное информирование телезрителей и радиослушателей о деятельности указанных политических партий.

В ст. 4 определены требования, предъявляемые к освещению деятельности политических партий, представленных в Законодательном Собрании Пензенской области, региональным телеканалом и радиоканалом.

Эти требования предусматривают размещение информации о деятельности:

1) указанной политической партии, ее руководящих и иных органов и структурных подразделений, в том числе в других субъектах Российской Федерации;

2) членов руководящих органов указанной политической партии и руководящих органов ее структурных подразделений, в том числе в других субъектах Российской Федерации;

3) депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, входящих во фракцию, образованную указанной политической партией (пункт в редакции, введенной в действие с 1 января 2013 г. Законом Пензенской области от 27 февраля 2012 г. № 2212-ЗПО).

Как видим, коммуникационные возможности Интернета играют значительную роль в социальном взаимодействии. При целевом использовании они будут способствовать деятельности партий и общественных организаций как социальных институтов в региональном социуме и кратковременному усилению социальной активности регионального социума в ситуациях, когда возникают неожиданные события и социально-политические проблемы. И можно предполагать, что для накопления социального капитала политических партий и общественных организаций имеются материальные и культурные ресурсы, хотя и различные в зависимости от социально-экономической и политической ситуации в регионе. Но еще нужны регулятивные меры (законодательные, информационно-образовательные), чтобы усилить социальное взаимодействие политических партий и общественных организаций со структурами власти и с представителями регионального социума.

Поэтому возможно предложить рекомендации, которые могут быть включены в региональную информационную политику с целью регулирования процесса формирования политического капитала партий и общественных организаций в регионе:

– разработка форм и возможностей для проведения онлайн-регистрации в партию или общественную организацию;

– разработка и включение в сайт системы для поиска единомышленников по территориальному, социальному, конфессиональному и другим признакам;

– распространение регулярных информационных сообщений от партий или общественных организаций по темам, интересующим участников или лиц, поддерживающих эти партии и организации;

– разработка и включение в структуру сайта чатов, форумов, блогов руководителей партий или общественных организаций;

– проведение онлайн-опросов, круглых столов, вебинаров для пользователей Интернета, поддерживающих деятельность партии или общественной организации;

– организация на сайте интернет-магазина, не только распространяющего литературу о деятельности партии или организации, но и организующего подписку на периодику, где чаще освещается деятельность этой партии или организации;

– разработка и включение в структуру сайта специального раздела, доступного для пользователей Интернета, для контактов сторонников партии или организации;

– включение в структуру сайта ссылки, с помощью которой пользователь Интернета при необходимости обращения может перейти на страницу руководителя или представителя, обратиться к нему со своим вопросом или предложением.

Примечания

- 1 См.: Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
- 2 См.: Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 485.
- 3 См.: Козырева П. М., Смирнов А. И. О границах политического доверия // Власть. 2014. № 5. С. 8–10.
- 4 См.: Мальцева А. П. Полноценное доверие: проблема, методика формирования // Власть. 2014. № 7. С. 115–119.
- 5 См.: Миронова А. А. Доверие, социальный капитал и субъективное благополучие индивида // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 44–52.
- 6 См.: Максимова С. Г., Морковкина А. Г. Межличностное и институциональное доверие как показатели формирования гражданского общества в различных по социально-экономическому развитию субъектах Российской Федерации // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 9. С. 184–191.
- 7 См.: Реутов Е. В. Факторы формирования социального доверия и недоверия в современном российском обществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, вып. 1. С. 12–20. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-1-12-20>
- 8 См.: Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 г. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 21.02.2021).
- 9 См.: Хомутова К. В. Информационно-методическое обеспечение деятельности детских общественных объединений. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2436 (дата обращения: 01.03.2021).
- 10 См.: Сеидов Ш. Г. Информационные процессы и их значение в политической жизни // Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф. 15–16 января 2011 г. Пенза; Прага: НИЦ «Социосфера», 2011. С.20.
- 11 Там же.
- 12 См.: Закон «О гарантиях равенства политических партий, представленных в Законодательном Собрании Пензенской области, при освещении их деятельности региональными телеканалом и радиоканалом (с изменениями на 3 апреля 2014 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/949112767> (дата обращения: 01.03.2021).

Поступила в редакцию 18.03.2021, после рецензирования 27.05.2021, принята к публикации 31.05.2021
 Received 18.03.2021, revised 27.05.2021, accepted 31.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 274–282

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 274–282

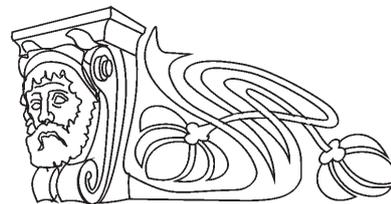
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-274-282>

Научная статья

УДК 628.4.032

Актуальные вопросы политики обращения с отходами в России

М. С. Байнова¹✉, Ю. Б. Надточий¹, А. В. Петров²,
О. П. Горьковская², Е. Д. Стальмакова²

¹Университет «Синергия», Россия, 125190, г. Москва, Ленинградский просп., д. 80

²Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Байнова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, mbainova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2789-4596>

Надточий Юлия Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Yflnjxbq-7e@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8880-4131>

Петров Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии, petroval4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9127-2209>

Горьковская Ольга Павловна, магистрант факультета социологии, ogorkovaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0366-8028>

Стальмакова Евгения Дмитриевна, магистрант факультета социологии, evgenia.stalmakova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9675-121X>

Аннотация. В условиях современного развития общества, появления такого тренда современной цифровой эпохи, как «зеленая» экономика, вопросы обращения с отходами приобретают особую значимость. Личный опыт и участие в различных акциях по раздельному сбору отходов показывают двоякое положение дел: с одной стороны, есть лица, заинтересованные в сортировке отходов, а с другой стороны, раздельный сбор отходов еще прочно не вошел в сознание жителей России. Пандемия COVID-19 выдвинула другие приоритеты безопасной утилизации, и раздельный сбор ушел на второй план. Поэтому актуальным является поиск вариантов стимулирования раздельного сбора мусора, в том числе экономических методов, социальной рекламы, что позволило бы изменить экологическое сознание населения России. В статье представлены итоги раздельного сбора мусора по регионам России в 2020 г., которые показывают пока слабое обеспечение раздельного сбора в большинстве регионов. Авторы приводят результаты различных опросов населения России, которые также констатируют недостаточную готовность населения к раздельному сбору, но интерес к экологичности в сфере отходов растет. По результатам авторского социологического опроса студенческой молодежи Москвы и Санкт-Петербурга, сортировка отходов – это основной вид экологической деятельности среди молодежи. Также молодежь заинтересована в избегании опасных для экологии товаров, в волонтерской деятельности. В среде образованной молодежи существует устойчивый тренд на формирование экологического сознания, что может способствовать внедрению раздельного сбора и других направлений экологического обращения с отходами.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, экология, сбор, сортировка, переработка, стимуляция раздельной сортировки

Для цитирования: Байнова М. С., Надточий Ю. Б., Петров А. В., Горьковская О. П., Стальмакова Е. Д. Актуальные вопросы политики обращения с отходами в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 274–282. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-274-282>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Current issues of waste management policy in Russia

M. S. Baynova¹✉, Yu. B. Nadtochiy¹, A. V. Petrov², O. P. Gorkovskaya², E. D. Stalmakova²

¹ Synergy university, 80 Lenigradsky Ave., Moscow 125190, Russia

² St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Maria S. Baynova, mbainova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2789-4596>

Yuliya B. Nadtochiy, Yflnjxbq-7e@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8880-4131>

Alexander V. Petrov, petroval4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9127-2209>

Olga P. Gorkovskaya, ogorkovaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0366-8028>

Evgenia D. Stalmakova, evgenia.stalmakova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9675-121X>

Abstract. In the conditions of modern social development and the emergence of such a trend of the modern digital era as the “green” economy, the issues of waste management are of particular importance. Personal experience and participation in various activities for separate waste collection show a twofold state of affairs: on the one hand, there are parties interested in sorting out the waste and, on the other hand, separate waste collection has not yet firmly entered the consciousness of Russian people. The COVID-19 pandemic put forward other priorities for safe disposal, and separate utilization took a back seat. Therefore, it is urgent to find the ways to encourage separate garbage collection, including economic methods, social advertising which would change the environmental consciousness of the Russian population.

Keywords: solid municipal waste, ecology, collection, sorting, recycling, stimulation of separate sorting

For citation: Baynova M. S., Nadtochiy Yu. B., Petrov A. V., Gorkovaya O. P., Stalmakova E. D. Current issues of waste management policy in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 274–282 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-274-282>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одним из препятствий для распространения технологий в области охраны окружающей среды и рационального природопользования стала ментальная неготовность разных социальных групп и сообществ к участию в организации раздельного сбора отходов. Именно социальное восприятие раздельного сбора мусора в России можно назвать основной проблемой реализации природоохранных мероприятий. Причем это проблемы не только нашей страны, подобная ситуация с общественным сознанием складывается в большей части современных государств. Модели организации раздельного сбора бытовых отходов смогли быть эффективно применены в разных странах только тогда, когда само общество их поддержало и включилось в активную природоохранную деятельность.

Способ борьбы с «мусорной» проблемой найден давно, еще в последней трети XX в. – это организация раздельного сбора отходов. Технически данная деятельность не представляет значительных сложностей. Однако сложности появляются, когда технологии раздельного сбора мусора пытаются внедрить в конкретных локальных сообществах, регионах, странах. В этой связи особую важность приобретают меры по изменению представлений людей о возможности и перспективности раздельного сбора отходов. Исследования социального восприятия раздельного сбора бытовых отходов приобретают особую значимость. Актуальным является поиск вариантов стимулирования раздельного сбора мусора, в том числе экономических методов, социальной рекламы, что позволило бы изменить экологическое сознание населения России, сформировать позитивное социальное восприятие раздельного сбора мусора.

Методы экономического стимулирования и поддержки делового климата в сфере твердых коммунальных отходов (ТКО) являются одним из направлений деятельности органов власти различных уровней.

Стоит отметить стимулирование интереса к раздельному сбору отходов у населения в период пандемии¹.

Обзор исследований

Международный опыт стимулирования сортировки отходов является важным источником формирования концептуальных подходов к выработке современной стратегии на уровне отдельной страны.

Системы раздельного сбора отходов в 28 странах Европейского союза подробно описаны с учетом различных рекомендаций по улучшению системы раздельной сортировки твердых коммунальных отходов в специальном исследовании². Так, основными системами придомового сбора твердых коммунальных отходов, применяемыми в странах Евросоюза, являются системы с шестью, пятью, четырьмя и тремя контейнерами/мешками с различными видами вторсырья, которые включены в придомовой сбор. Однако по-прежнему в некоторых странах остаются и системы с двумя (контейнер и остаточные отходы) и одним (сбор несортируемых отходов) контейнером. В большинстве стран Евросоюза макулатура, стекло, пластик и металл собираются в рамках системы придомового сбора отходов.

В некоторых странах ЕС (Австрия, Германия, Швеция, Бельгия, Нидерланды, Дания и др.) выделяют три основных положения при решении проблемы управления отходами:

- переработка и повторное использование (вторсырье);
- использование как вторичных энергетических ресурсов (при отсутствии возможности повторного использования и переработки);
- захоронение на полигонах (при невозможности реализовать первые два пункта).

Отечественные исследования в области раздельной сортировки отходов посвящены вопросам психолого-педагогических и социальных аспектов, связанных с отношением

населения к экологическим проблемам (Ivashova V. A. et al.³, Надточий Ю. Б.⁴).

Экологическое сознание рассматривается российскими авторами как часть образа жизни с 1990-х гг. Роль экологической этики подчеркивается в образовании. Исследования в разных регионах показывают недостаточность формирования экологического сознания и пассивность молодежи. Однако общество развивается, и более поздние исследования показывают интерес молодежи к экологии, особенно в месте своего проживания. Но при этом отмечается недостаточный уровень участия в экологических мероприятиях. Поэтому актуальные социологические исследования позволяют оценить, насколько молодежь понимает необходимость изменения жизни и готова к изменению сознания.

В настоящее время также отмечается и психологическая неготовность к раздельной сортировке отходов: сложность с пониманием разных правил их сортировки (подготовка мусора к сортировке, например, разные виды пластика присутствуют в одной пластиковой бутылке, которые впоследствии перерабатываются по-разному, и др.), разные представления у людей о сортировке (внутреннее принятие – непринятие), сложность с обучением правильной сортировке отходов (необходимо разбираться с разными контейнерами и их назначением) и др.

В России в основном пока только «приучают» жителей к наличию/появлению разных контейнеров и рассматривают решение проблемы маркировки продукции. Решение проблемы сортировки связано с разработкой и внедрением целостной программы в области обращения с отходами как со стороны населения, так и со стороны государства на разных уровнях (законодательном, исполнительном). Государство должно стать главным участником в вопросе формирования экологической культуры, в том числе и культуры обращения с бытовыми отходами.

В российской практике пропаганды раздельного сбора мусора основной упор сделан на информационные кампании, на проведение различных акций, связанных с уборкой актуальных свалок, очисткой замусоренных рек, озер, лесов и иных природных территорий⁵.

В целом в России накопленный опыт сортировки ТКО показывает результативность использования концепции «Ноль отходов»⁶:

- найти альтернативу (refuse);
- сократить потребление (reduce);
- использовать повторно (reuse);
- перерабатывать (recycle);
- сократить количество пищевых отходов (rot);
- выбирать экологичные товары и услуги (react).

Внедрение раздельного сбора отходов в регионах России

По данным Министерства природопользования, в 71 из 84 субъектов РФ реализован частичный переход на раздельный сбор отходов⁷. Информация о 71 регионе передается со ссылкой на Российского экологического оператора (РЭО), но на его сайте новостей нет. Председатель комитета Государственной думы по экологии и охране окружающей среды В. Бурматов указывает, что только в Москве и Московской области реализуется раздельный сбор ТКО в полном объеме⁸. Представители РЭО говорят также о Республике Коми, Псковской, Вологодской, Костромской и Ярославской областях⁹. Представитель Общероссийского народного фронта (ОНФ) А. Коган по результатам мониторинга контейнерных площадок с мая по декабрь 2020 г. приводит данные о наличии контейнеров для раздельного сбора¹⁰. Доля площадок с раздельным сбором отходов (РСО) зависит от региона, но можно отметить довольно низкую вовлеченность жителей в раздельный сбор ТКО в целом, даже при наличии контейнеров для РСО, кроме Москвы, Московской и Ярославской областей. (Из указанных РЭО лидеров Коми, Псковская, Костромская области в мониторинг не попали. В Вологодской области доля контейнеров с РСО невелика и снижается при увеличении числа обследований.) Данные мониторинга ОНФ в настоящее время дают наиболее приближенные к действительности сведения о раздельном сборе по регионам¹¹. Регионы не дают пока отчеты по раздельному сбору отходов, только внедряют территориальные схемы, поэтому только результаты личного наблюдения показывают, внедряется ли раздельный сбор на практике.

Регионами со стабильной долей контейнеров РСО можно назвать: Москву (84–89%), Московскую область (66–69%), Ярославскую область (60–64%), Татарстан (49–56%), Тверскую (33–36%), Пензенскую (31–38%), Ростовскую область (27–28%). Также высокий процент площадок с контейнерами РСО в Мордовии (39–45%), Пермском крае (37–40%), Ханты-Мансийском АО (39–42%) и Севастополе (38–48%), но доля обследований относительно всех площадок невелика.

Таким образом, Москва является лидером по внедрению раздельного сбора отходов. Рассмотрим представленные городом данные.

С 1 января 2020 г. в Москве реализуется программа раздельного сбора бытовых отходов с помощью двух контейнеров. По данным портала mos.ru¹², в 2020 г. количество собранных отходов для переработки распределяется по кварталам следующим образом (таблица).

Сбор бытовых отходов на переработку в Москве после внедрения новой системы раздельного сбора

Квартал	Количество собранных отходов для переработки, тыс. т
1-й	216
2-й	413
3-й	Более 600
4-й	855

В Москве не представлена статистика РСО за 2019 г., но в комментариях к данным упоминается, что за год собрано в полтора раза больше, а за первый квартал – на 70% больше¹³. Данные можно объяснить тем, что в 2019 г. собираемость сортированных отходов росла. В 2020 г. первый квартал выглядит несколько предпочтительнее остальных, что можно объяснить влиянием пандемии. Хотя благодаря пандемии объем бытовых отходов должен расти, но ограничения на передвижения также делают менее доступными контейнеры раздельного сбора. Представители регионального оператора Москвы «Эколайн» положительно оценили прошедший год и также считают, что в период пандемии «на самоизоляции генерация отходов перешла в жилой сектор, их объем вырос примерно на 15%, к осени 2020 г. количество “пригодных к переработке компонентов” в баках для вторсырья у компании выросло на 40% в сравнении с началом года»¹⁴.

На официальном сайте компании «Эколайн» указано об утилизации 700 тыс. т отходов в год. Компания обслуживает два округа, САО и ЦАО. Другие компании не публикуют данных. Но если экстраполировать цифры Эколайна, то очень примерный подсчет указывает, что 855 тыс. т – это порядка 20% городских отходов. Здесь сложно разделить именно бытовые и коммунальные или другие виды отходов жилищно-коммунального хозяйства, но все же это достаточно высокий процент. Москва – крупнейший мегаполис России и основной производитель мусора, и здесь проблеме раздельного сбора необходимо уделять много внимания. Но пока статистика не дает исчерпывающей информации по раздельному сбору в столице, методикам подсчета и реальным показателям.

По Московской области более подробной статистики тоже нет, есть лишь информация Главного управления социальных коммуникаций Московской области, что в 2020 г. на вторичную переработку в Подмоскovie отправили свыше 2 млн т отсортированного мусора¹⁵. Но как подсчитывались отходы – сведений нет. В Ярославской области, которая по всем отзывам находится на третьем месте по развитию раздельного сбора отходов, цифры существенно меньше – собрано

20 тыс. т вторсырья¹⁶, но оценить также сложно, поскольку нет общего объема. Поэтому методика подсчета ОНФ пока дает наиболее понятное представление о вторичном сборе отходов по регионам. Конечно, это объясняется подготовительным этапом, и переход на раздельный сбор должен быть организован в 2022 г., но вопрос статистики остается открытым.

На сайте Росстата пока не появилась статистика по отходам за 2020 г. Статистика за предыдущие года по городским поселениям показывает преобладание захоронения¹⁷.

Опросы населения

В настоящее время проводится много различных опросов, посвященных изучению мнений о готовности граждан к сортировке ТКО. Рассмотрим результаты некоторых всероссийских опросов: проведенного Аналитическим центром НАФИ (август 2019 г., опрошено 1600 человек в 150 населенных пунктах в 52 регионах России; возраст 18 лет и старше), опроса ВЦИОМ-Спутника (декабрь 2018 г., опрошено 1600 респондентов старше 18 лет; метод: телефонное интервью) и опроса, проведенного Левада-Центром (март 2020 г., опрошено 1624 человек в 137 населенных пунктах в 50 субъектах РФ; возраст от 18 лет и старше; метод: личное интервью).

Так, по результатам опросов, всего 14% россиян ведут раздельный сбор мусора дома, 12% сдают в утилизацию опасный мусор – батарейки, аккумуляторы и сберегающие лампы, и более половины участников опроса (57% респондентов, которые не имеют представления о существовании контейнеров для раздельного сбора мусора) готовы к раздельному сбору мусора при условии наличия специальных контейнеров возле их дома. При этом отмечается, что чаще других экологичное поведение демонстрируют люди с высоким уровнем дохода и занимающие руководящие должности (НАФИ)¹⁸.

Однако, по результатам другого опроса, проведенного немного ранее, каждый четвертый житель России сортирует бытовой мусор (27%), треть (33%) сдают опасный мусор в специальные пункты приема и 47% респондентов заявляли о том, что при возможности хотели бы начать сортировку бытовых отходов (ВЦИОМ)¹⁹.

Результаты опроса 2020 г. о готовности населения сортировать мусор для дальнейшей переработки показали, что регулярно сортируют мусор 34% опрошенных, время от времени – 25%, редко – 12% и никогда – 30% россиян. И 73% участников опроса указали на свою готовность сортировать мусор у себя дома для его дальнейшей переработки, если баки для раздельного сбора будут находиться рядом с домом²⁰.

Также респонденты указывают на ряд причин, по которым они не сортируют или не готовы сортировать отходы у себя дома. Основными из них являются «отсутствие смысла сортировки бытовых отходов» (29%) и «нехватка времени на сортировку мусора» (27%)²¹.

Можно сделать вывод, что сортировке отходов препятствуют слабая организация системы раздельного сбора (что соотносится с приведенными данными по регионам) и недостаточное понимание со стороны населения. Но бытовые отходы возникают на основе приобретенных товаров и упаковки. Кроме органов власти и населения в проблеме отходов есть и третья сторона – предприниматели.

Исследования, проведенные в марте 2021 г. исследовательским холдингом «Ромир» (приняли участие 1500 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, проживающих во всех типах городов во всех федеральных округах), показали, что отношение россиян к экологии изменяется в лучшую сторону. 88% жителей нашей страны (из них почти половина (45%) выразили полную поддержку, а 43% – частичную) ста-

ли бы поддерживать раздельный сбор отходов (для сравнения: 73% готовы были поддержать, по данным опросов Ромира в 2019 г.) (рис. 1)²².

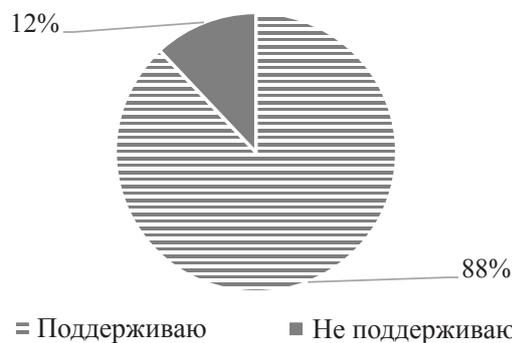

Рис. 1. Отношение к идее раздельного сбора мусора

Но поддерживать – еще не значит осуществлять определенные действия, т.е. сортировать отходы: 88% готовы поддержать раздельную сортировку отходов, но при этом 52% его не сортируют (рис. 2).

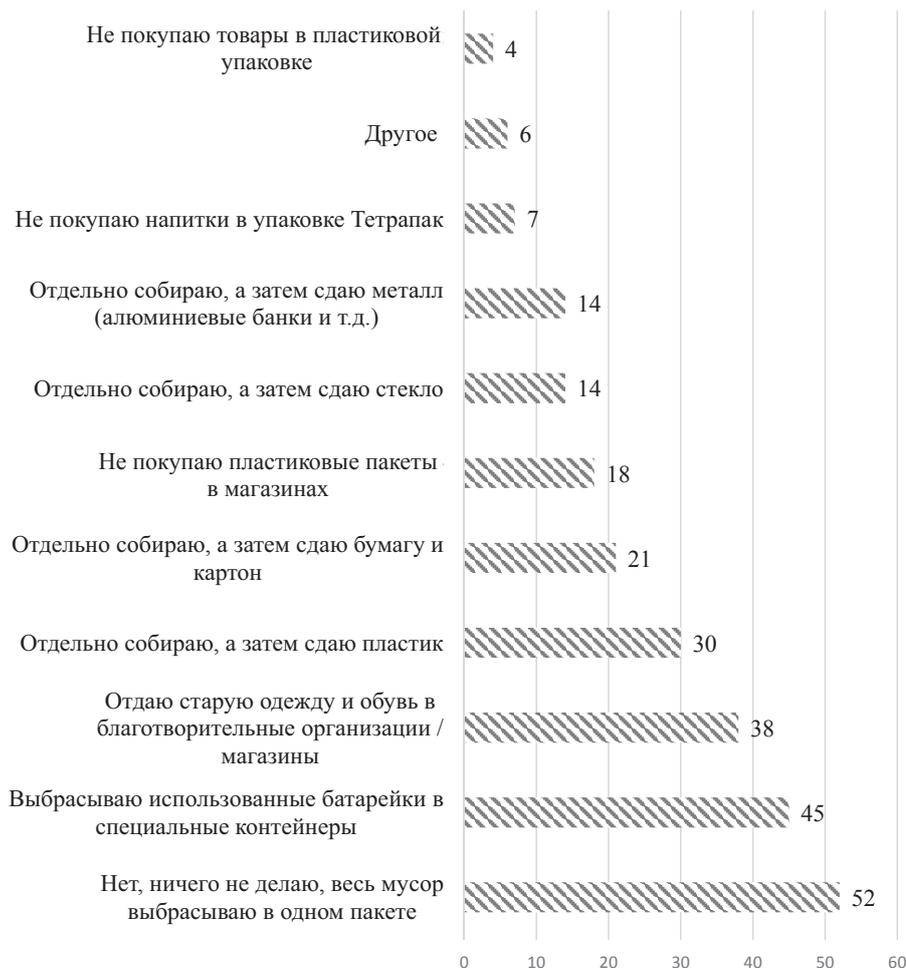

Рис. 2. Действия россиян для раздельного сбора отходов и улучшения экологической ситуации в целом (несколько вариантов ответов, % от опрошенных)

Результаты опросов, несмотря на некоторые противоречия, показывают, что количество участников раздельного сбора растет, но в настоящее время является незначительным. Большинство населения России не сортирует мусор постоянно.

Молодежь о сортировке отходов

Исследование позиции молодого поколения относительно сортировки отходов проводилось в течение двух лет. В Санкт-Петербурге в 2018 г. отдельно проводился опрос студентов СПбГУ. Выборка квотная, 341 чел., возраст 18–28 лет (средний возраст – 21 год); из них 226 женщин и 115 мужчин; 63% опрошенных обучаются на общественно-гуманитарных направлениях, 37% – на естественно-технических²³.

В 2019 г. опрос проводился среди основных университетов Санкт-Петербурга. Из 86 чел. по выборке большинство, 43%, – студенты СПбГЭТУ ЛЭТИ, также в опросе участвовали студенты из

НИУ ВШЭ СПб. – 17,4%, СПбГУТ – 9,3%, Университета ИТМО – 8,1%, СЗИУ РАНХиГС – 5,8%, Горного университета – 5,8% и СПбПУ – 3,5%. Возраст респондентов – от 17 до 27 лет (средний возраст – 20 лет); 32 мужчины и 54 женщины. Большинство опрошенных, 62,8%, обучаются на естественно-технических направлениях, 37,2% – на общественно-гуманитарных, из общего числа 77,9% респондентов являются студентами бакалавриата (рис. 3)²⁴.

Большинство студентов указало в качестве районов своего проживания Невский, Московский, Выборгский и Калининский. Наименьшее число опрошенных проживает в Адмиралтейском, Фрунзенском и Петродворцовом районах. Так как в ходе исследования 2018 г. были опрошены только студенты СПбГУ, то наиболее часто называемые респондентами районы проживания несколько отличаются от представленных в исследовании 2019 г., в основном совпадая с местами общежитий университета (Петродворцовый и Василеостровский районы).

Рис. 3. Экологическая деятельность респондентов из Санкт-Петербурга, % от опрошенных

Значительное количество товаров, обеспечивающих жизнедеятельность человека, в процессе производства и использования наносят непоправимый вред окружающей среде. Данные, полученные в ходе исследования, показывают, что подавляющее большинство обучающихся на общественно-гуманитарном направлении (62,5%) избегают покупок товаров, наносящих урон природе, что несколько ниже, чем среди представителей естественно-технических направлений (48,1%). Примерно равное количество респондентов заявили о

готовности реализовывать данную природо-защитную практику в будущем – 21,9 и 24,1% соответственно.

Отдельный блок вопросов анкеты был посвящен готовности респондентов к сокращению потребления конкретных видов ресурсов, т. е. к «зеленому» потреблению. В этой связи интересны данные по каждому из конкретных видов ресурсов: экономия электроэнергии и топлива, сокращение потребления продуктов питания, одежды и обуви, косметики и средств личной гигиены, электроники (рис. 4).

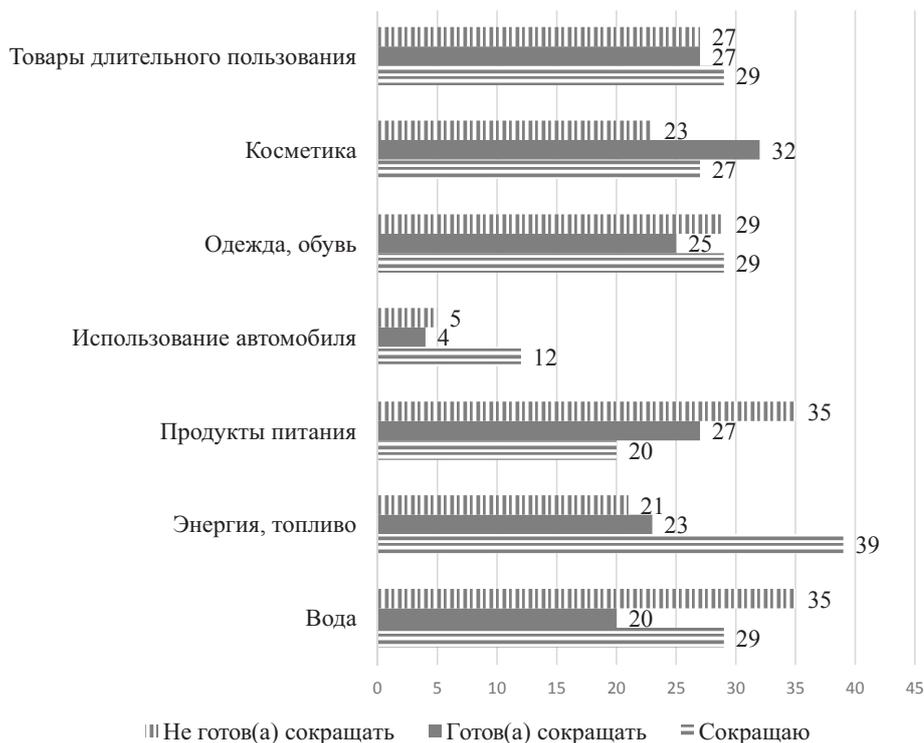

Рис. 4. Сокращение потребления респондентами из Санкт-Петербурга, % от опрошенных

В опросе жителей столицы 2020 г. приняли участие 347 студентов. Отбор респондентов проводился через участников научного студенческого кружка РГСУ, которые привлекали в качестве участников студентов из своих вузов²⁵.

Среди опрошенных 43,5% мужчин, 56,5% женщин; 26,2% респондентов обучаются на естественно-технических направлениях, 73,8% – на общественно-гуманитарных. Возрастная структура: 17–29 лет, средний возраст – 19 лет.

Распределение по месту жительства в Москве респондентов следующее. Существенная часть проживают в Северо-Восточном административном округе, где расположен РГСУ. Также респонденты проживают в Восточном округе, где расположен один из корпусов РГСУ, в Западном, Юго-Западном, где расположены другие крупные вузы Москвы, Юго-Восточном – спальном районе. Меньше опрошенных проживают в Центральном округе и Троицком и Новомосковском округах, где небольшая численность населения.

Большинство респондентов пока не являются активными участниками экологических проектов. Исключением стала сортировка мусора, это пока самая привлекательная природоохранная деятельность. Мусор сортируют (и вообще поддерживают подобную идею) 45,2% респондентов. Также интерес проявляется к участию в развитии «зеленого» потребления, что выражается в сокращении покупок, которые могут нанести вред окружающей среде, – 20,5%. Около четверти респондентов не сортируют мусор и не

выбирают покупки, но вполне настроены на подобное поведение. Собственно, подобные «зеленые» настроения уже стали проявляться с начала 2020 г., когда, по сообщениям СМИ, молодежь активизировала свое участие в раздельном сборе мусора, прежде всего такого опасного, как пластик и батарейки, как в Москве, так и в Санкт-Петербурге (рис. 5).

На вопрос о сокращении потребления товаров, которые могут нанести вред окружающей среде, а также природных ресурсов в Москве ответы показали, что в целом сокращают потребление по экологическим соображениям от 20 до 30% респондентов, в том числе по таким ресурсам, к экономии которых призывают уже довольно давно, – это вода и электроэнергия. В целом же свыше 50% респондентов, и из них более половины владельцев автомобилей, не сокращают потребление и не готовы его сокращать по экологическим причинам.

Какие же факторы могут способствовать сокращению потребления природных ресурсов? Большинство респондентов указывают на экономию денежных средств как возможную причину сокращения потребления. Кроме того, и это главное, забота об окружающей среде и личные убеждения могут быть стимулом для сокращения потребления для 39,5 и 36,6% соответственно, избыточность ресурсов – для 12,5%, ради одобрения окружающих – 4,5%, следование модным тенденциям – 4,0%, в знак протеста – 3,1%. И 17,5% не знают или не готовы сокращать потребление ни при каких условиях.

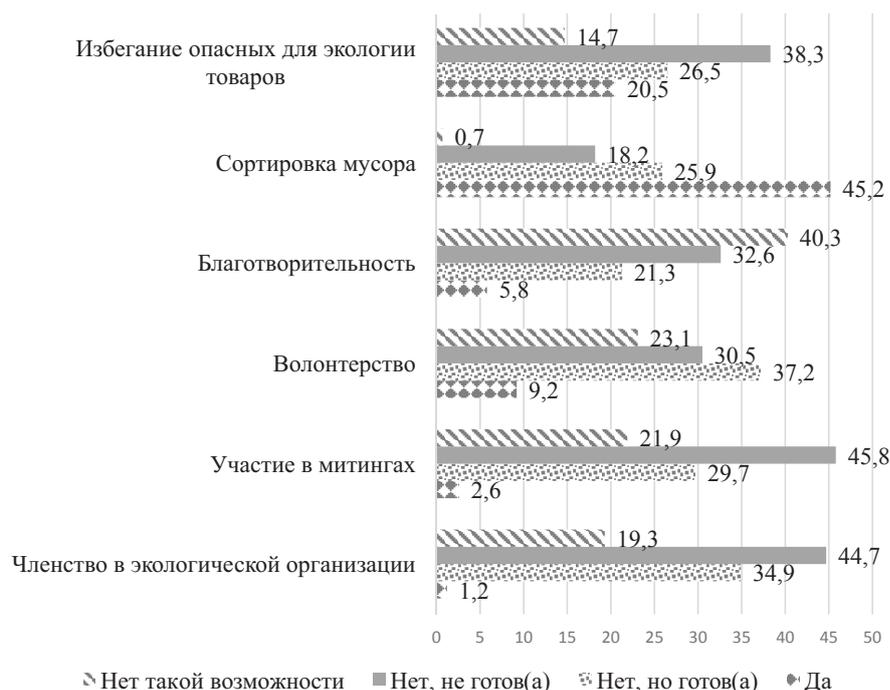

Рис. 5. Экологическая деятельность респондентов из Москвы, % от опрошенных

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что возможности для формирования экологического сознания в российских мегаполисах, таких как Москва и Санкт-Петербург, пока лишь сокращаются под воздействием традиционных и в связи с появлением новых факторов, из которых основными являются, безусловно, экономические – глобальное распространение ценностей «общества потребления», увеличение дифференциации по уровню доходов, сохранение застойной бедности; и социальные – распространение социальной апатии и неверия, в том числе и прежде всего среди образованной молодежи, в возможности общества и государства решить экологические проблемы в обозримом будущем. Однако результаты исследования также показали, что в среде образованной молодежи обоих мегаполисов за последнее десятилетие появилась устойчивая социальная группа, у которой сформировались ценности и паттерны и уже вполне четко проявляется экологическое сознание. Для представителей данной социальной группы наиболее приемлемыми действиями становятся экологическое волонтерство, приобщение к практикам «зеленого» потребления, социальная поддержка этического бизнеса, активная политическая позиция по поводу эффективности мер государственного экологического регулирования. Все это является основой для формирования и устойчивого воспроизводства структуры экологической культуры образованной молодежи. Появление подобной группы экологически сознательных людей среди представителей образованной молодежи российских мегаполисов может как способствовать созданию

эффективных систем экологического контроля в отечественных государственных и бизнес-структурах, так и содействовать разработке и эффективной реализации социальных программ управления экологическими рисками. Ведь и в государственных организациях, и в бизнес-структурах все более значимую роль будут играть, да и уже играют, представители нового поколения образованной молодежи, которая постепенно приходит на смену существующему экологически неориентированному менеджменту, и не только в крупнейших мегаполисах России.

Итак, исследование показало, что современное российское общество в целом готово к активному применению различных технологий раздельного сбора бытовых отходов. Однако готовность и предрасположенность не означают прямую мотивацию к инвайронменталистскому поведению. По-прежнему многие россияне ориентируются на государство и местные власти в плане решения мусорной проблемы.

В регионах России уже реализуются различные проекты раздельного сбора отходов. Есть заинтересованность общества в сортировке мусора, но, с другой стороны, следует еще раз отметить, что раздельный сбор отходов прочно не вошел в сознание жителей России.

Итак, в статье авторы, опираясь на статистические и социологические данные из российских источников, анализируют раздельный сбор отходов с двух сторон: оценка раздельного сбора в регионах России, подходы населения. На основании проведенного исследования сделан вывод о предрасположенности россиян к раздельному

сбору мусора, но отсутствию комплексного социального восприятия необходимости раздельного сбора бытовых отходов, что требует соответствующих мер на государственном, региональном и местном уровнях.

В целом, можно сделать вывод о том, что государство заинтересовано в нахождении путей стимулирования осознанного экологического поведения жителей России. Да и сами люди начинают все больше осознавать свою ответственность в области сохранения окружающей среды.

Необходимость решения различных вопросов экологизации природопользования с каждым годом заставляет жителей нашей планеты все активнее действовать в реализации политики охраны окружающей среды.

Примечания

- ¹ См.: В Москве за 2020 год раздельно собрали в 1,5 раза больше мусора по сравнению с 2019 годом // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/moskva/10667397?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.04.2021).
- ² См.: Assessment of separate collection schemes in the 28 capitals of the EU. URL: https://ec.europa.eu/environment/waste/studies/pdf/Separate%20collection_Final%20Report.pdf (дата обращения: 09.12.2020).
- ³ См.: *Ivashova V. A., Tokareva G. V., Agalarova E. G., Nadtochiy Yu. B., Yushchenko I. V.* Social practice of urban environment quality assessment // IOP Conference Series : Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 775, № 1. P. 012020. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/775/1/012020>
- ⁴ См.: *Надточий Ю. Б., Горелова Л. И., Куликовский К. В.* Проблема загрязнения космического пространства : ненаучный взгляд // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 5. С. 192–197. <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.90.23.125>
- ⁵ См.: Как продвигают раздельный сбор мусора в России и за рубежом // Аналитическое агентство «Смыслография» : [сайт]. URL: http://s-graph.ru/About_us/News/407/ (дата обращения: 09.12.2020).
- ⁶ См.: АНО «Собиратор» : [сайт]. URL: <https://sobirator.ru/about/> (дата обращения: 31.03.2021).
- ⁷ См.: *Дуэль А.* Эксперты подсчитали регионы с раздельным накоплением отходов // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/reg-cfo/eksperty-podschitali-regiony-s-razdelnym-nakopleniem-othodov.html> (дата обращения: 15.04.2021).
- ⁸ См.: *Дуэль А.* Раздельный сбор отходов // Российская газета [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/02/02/kak-povysit-effektivnost-musornoj-reformy.html> (дата обращения: 15.04.2021).
- ⁹ См.: *Медведева Е.* В России планируют увеличить доступность раздельного сбора мусора // Газета.Ру : [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/02/11/n_15606980.shtml (дата обращения: 15.04.2021).
- ¹⁰ См.: *Терещенко Н.* Лицо реформы. Первые итоги мониторинга контейнерных площадок для мусора // Аргументы и факты : [сайт]. URL: https://aif.ru/society/ecology/lico_reformy_pervye_itogi_monitoringa_konteynernih_ploshchadok_dlya_musora (дата обращения: 15.04.2021).
- ¹¹ См.: Как выглядит лицо «мусорной реформы» через народный рейтинг ОНФ? // Общественный народный фронт : [сайт]. URL: <https://onf.ru/2021/02/04/kak-vyglyadit-lico-musornoj-reformy-cherez-narodnyu-reyting-onf/> (дата обращения: 10.04.2021).
- ¹² См.: Мэр Москвы : [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/news/item/73650073/> (дата обращения: 15.04.2021).
- ¹³ Там же
- ¹⁴ *Воронов А., Васильева А.* Столичный мусор тянется к повторному использованию // Коммерсантъ. 2021. 11 февр. С. 4.
- ¹⁵ См.: Свыше 50% жителей Подмосковья разделяют мусор // Правительство Московской области : [сайт]. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/organy/glavnoe-upravlenie-socialnyh-kommunikacij/bolee-50-zitelei-podmoskovya-praktikuyut-razdelnyi-sbor-musora> (дата обращения: 15.04.2021).
- ¹⁶ См.: Ярославская область вошла в число регионов-лидеров по организации системы раздельного накопления отходов // Правительство Ярославской области : [сайт]. URL: <https://www.yarregion.ru/pages/presscenter/news.aspx?NewsId=20598> (дата обращения: 15.04.2021).
- ¹⁷ См.: Охрана окружающей среды в России. 2020 : стат. сб. М. : Росстат, 2020.
- ¹⁸ См.: Россияне готовы к раздельному сбору мусора // Аналитический центр НАФИ : [сайт]. URL: <https://nafir.ru/analytics/rossiyane-gotovy-k-razdelnomu-sboru-musora/> (дата обращения: 06.12.2020).
- ¹⁹ См.: Забота об окружающей среде : хотим, но не можем? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zabota-ob-okruzhayushhej-srede-khotim-no-ne-mozhem> (дата обращения: 15.01.2021).
- ²⁰ См.: Раздельный сбор отходов // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/13/razdelnyj-sbor-othodov/> (дата обращения: 15.01.2021).
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Россияне стали больше заботиться об экологии // Исследовательский холдинг «Ромир» : [сайт]. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-stali-bolshe-zabotitsya-ob-ekologii/> (дата обращения: 07.04.2021).
- ²³ См.: *Baynova M., Petrov A., Gorkovaya O., Kuzminov M., Malikova V.* The opinion of young people in megacities about environmental management and green consumption // Journal of Contemporary Issues in Business and Government. 2021. Vol. 27, iss. 2. P. 2873–2887. <https://doi.org/10.47750/cibg.2021.27.02.296>
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.

Поступила в редакцию 19.04.2021, после рецензирования 15.05.2021, принята к публикации 31.05.2021
Received 19.04.2021, revised 15.05.2021, accepted 31.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 283–288

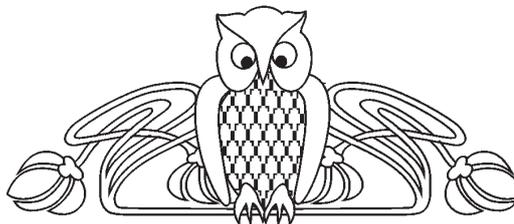
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 283–288

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288>

Научная статья
УДК 316.472.42

Проблема домашнего насилия в пандемию COVID-19: кто виноват и что делать?

О. В. Бессчетнова

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Россия, 115184, г. Москва, ул. Большая Татарская, д. 30.

Бессчетнова Оксана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий сектором координации международного научного сотрудничества отдела международного сотрудничества, oksanabesschetnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9886>

Аннотация. В статье представлен анализ проблемы домашнего насилия, сделанный на основе отечественных и зарубежных статистических данных и результатов научных исследований. Акцентировано внимание на усугублении указанной проблемы во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 во многих странах мира. Ситуация неопределенности, длительное пребывание в замкнутом пространстве, страх заболеть новой коронавирусной инфекцией, невозможность получения адекватной медицинской помощи из-за перегруженности системы здравоохранения, потеря финансовой стабильности, нарушение привычного ритма жизни привели к эскалации психологической напряженности и, как следствие, росту насилия в семье. Важную роль в разрешении ситуации и помощи жертвам домашнего насилия в условиях карантина сыграли профильные государственные и негосударственные организации, чья деятельность претерпела структурные, финансовые, технологические изменения и в постковидный период. Вместе с тем в России назрела необходимость принятия нового федерального закона о противодействии домашнему насилию, что позволит снизить количество бытовых преступлений, повысить ценность российской семьи.

Ключевые слова: семья, домашнее насилие, пандемия, новая коронавирусная инфекция, COVID-19, социальная помощь

Для цитирования: Бессчетнова О. В. Проблема домашнего насилия в пандемию COVID-19: кто виноват и что делать? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 283–288. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Family violence in COVID-19 pandemic: Who is guilty and what to do?

O. V. Besschetnova

Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health, 30 Bolshaya Tatarskaya St., Moscow 115184, Russia

Oksana V. Besschetnova, oksanabesschetnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9886>

Abstract. The article presents the analysis of the problem of domestic violence on the basis of domestic and foreign statistical data and the research results. Attention is focused on the aggravation of this problem during the pandemic of the new coronavirus infection COVID-19 in many countries of the world. The situation of uncertainty, a long stay in a confined space, the fear of contracting a new coronavirus infection, the inability to receive adequate medical care due to the congestion of the healthcare system, loss of financial stability, disruption of the usual rhythm of life led to the escalation of psychological tension. This resulted in the increase of domestic violence. The important role in resolving the situation and helping the victims of domestic violence under quarantine conditions was performed by specialized state and non-governmental organizations. Their activities underwent the structural, financial, and technological changes in the post-Covid-19 period. At the same time, in Russia there is a need of adopting a new federal law on combating domestic violence which will reduce the number of domestic crimes and increase the family values.

Keywords: family, domestic violence, pandemic, new coronavirus infection, COVID-19, social assistance

For citation: Besschetnova O. V. Family violence in COVID-19 pandemic: Who is guilty and what to do? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 283–288 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Согласно международной концепции, под насилием в отношении женщин понимают любой совершенный по гендерному признаку акт, выступающий одной из форм дискриминации, которая влечет нарушение, ограничение или препятствие к осуществлению прав и свобод человека. В Национальной стратегии действий Российской Федерации в интересах женщин (2017–2022 гг.), разработанной в тесном контакте с Советом Европы, домашнее насилие включает физическое, сексуальное, психологическое и экономическое, а также угрозы его применения.

Мировая статистика показывает, что примерно одна из трех женщин хотя бы единожды подвергалась физическому или сексуальному насилию¹; 58% женщин-жертв насилия ежегодно погибают от рук интимного партнера, супруга или члена семьи². Существует несколько основных причин, по которым женщины продолжают поддерживать подобные отношения: любовь, эмоциональная привязанность, страх одиночества, отсутствие образования и работы, финансовая зависимость от супруга, опасения за личную безопасность, жизнь и здоровье детей или других членов семьи.

В ситуации самоизоляции из-за пандемии COVID-19 во многих странах мира – Австралии, Бразилии, Китае, России, США, Европейском союзе – наблюдается всплеск жестокости и агрессии по отношению к интимным партнерам, женщинам и детям³, увеличение потребления алкоголя.

Согласно данным одной из крупнейших американских компаний Nielsen, проводящих маркетинговые исследования, в марте 2020 г. продажи крепкого алкоголя в России выросли более чем на треть, пива – на четверть, по сравнению с показателями предыдущего года. Рост спроса на алкогольную продукцию также зафиксирован в Республике Беларусь на 20,6%, в Финляндии – 15,5%⁴. В этой связи ряд субъектов РФ – республики Карелия, Саха (Якутия), Башкортостан, Забайкальский, Красноярский, Пермский края, Ленинградская область и другие – запретили или ограничили продажи спиртных напитков в период самоизоляции. Длительная социальная изоляция, ситуация неопределенности, потеря финансовой стабильности создали условия для активизации и усиления психологической напряженности в семье, что послужило триггером для увеличения количества случаев домашнего насилия.

В силу конгломерата причин в настоящее время неизвестно реальное число пострадавших в результате домашнего насилия, поскольку лишь треть жертв сообщает о преступлениях, остальные предпочитают не обращаться за помощью, надеясь на разрешение или улучшение ситуации⁵.

Домашнее насилие – актуальная проблема для китайских семей. По данным опроса, прове-

денного в 2016 г. Китайской федерацией женщин, 30% замужних женщин подтвердили факт насилия в семье; 40% преступлений на семейно-бытовой почве приходилось на случаи домашнего насилия; 157 тыс. китайских женщин прибегли к суициду как способу избавления от тирании и притеснения за указанный период⁶. Наиболее распространенными видами являются физическое и психологическое насилие. Среди причин обвинительных приговоров чаще всего фигурируют: убийства; нанесение тяжких телесных повреждений; преступления, связанные с угрозой общественной безопасности; доведение до самоубийства; режеступления имущественного характера. Среди способов неправомерного поведения значатся избиение, оскорбление, голод, ограничение свободы, принуждение к физическому труду, истязание, пытки.

Вместе с тем ст. 260 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики предусматривает довольно мягкое наказание за подобные действия: в случае причинения вреда здоровью средней тяжести назначается наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет; тяжкого вреда здоровью, нанесения увечья или убийства – от 2 до 7 лет лишения свободы; в случае умышленного убийства, сопряженного с причинением вреда здоровью другому человеку, предусмотрено максимальное наказание в виде смертной казни. Как и в большинстве других стран, в Китае подавляющее число жертв домашнего насилия – женщины.

По мнению ученых из КНР, осуществивших контент-анализ 1 015 874 твитов, связанных с насилием в семье во время пандемии COVID-19, среди наиболее актуальных тем, освещаемых массмедиа во время локдауна (с 12 апреля по 16 июля 2020 г.) стали⁷: 1) влияние COVID-19 на уровень семейного насилия (увеличение количества звонков на «горячую линию», рост показателей преступности); 2) виды насилия в семье (физическое, психологическое, сексуальное); 3) формы насилия в семье (побои, принуждения, угрозы); 4) факторы риска, связанные с семейным насилием (злоупотребление алкоголем, финансовые ограничения, потеря работы); 5) характеристика жертв насилия в семье (представители ЛГБТ-сообщества, цветные женщины, дети); 6) роль социальных служб в борьбе с насилием в семье («горячие линии», социальные работники, убежища, приюты); 7) реакция правоохранительных органов (звонки в службу экстренной помощи, арест полиции, охранные ордера, сообщения о злоупотреблениях); 8) роль общественных организаций и движений (поддержка жертв, информирование).

В США и до пандемии наблюдался высокий уровень домашнего насилия, несмотря на принятый еще в 1996 г. федеральный закон о противодействии семейному насилию. Согласно официальной статистике, основными жертвами являются женщины, дети, люди пожилого воз-

раста, инвалиды: каждую минуту 20 американцев подвергаются тому или иному виду насилия⁸; один из восьми детей хотя бы раз в течение жизни страдал от жестокого общения⁹.

Данные показатели еще более усугубились во время пандемии COVID-19, подогреваемые страхом потери работы, недостатком средств на оплату счетов, опасениями заболеть новой корона-вирусной инфекцией, невозможностью получения адекватной медицинской помощи из-за перегруженности системы здравоохранения, отсутствия медицинской страховки, средств на оплату ежедневных нужд, нарушения устоявшего ритма жизни, что усилило состояние стресса и, как следствие, привело к росту случаев насилия в семье.

Что касается нашей страны, то следует признать отсутствие официальной статистики данных по домашнему насилию в российских семьях, ее противоречивость, фрагментарность, труднодоступность, несоизмеримость результатов, что не позволяет проследить ее динамику по основным социально-демографическим показателям, так как в разных источниках фигурируют разрозненные по масштабу данные, собранные разными методами. Так, на основе автоматического анализа текстов приговоров суда Консорциум женских неправительственных организаций установил, что из 8300 убитых в 2018 г. женщин, 61% погибли от рук супругов, сожителей или родственников¹⁰, в отличие от 253 подобных преступлений, указанных в официальных данных МВД России.

Всероссийский мониторинг, проведенный Национальной независимой комиссией по правам женщин и насилию в отношении женщин за 2008–2010 гг. по модели, разработанной Хельсинкским фондом по правам человека, показывает: «... две трети умышленных убийств обусловлены семейно-бытовыми мотивами; ежегодно около 14 тысяч женщин погибает от рук мужей или других близких; до 40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семьях; 73,3% опрошенных заявили, что государство не предпринимает необходимых мер для борьбы с насилием в семье»¹¹. Кроме того, исследование позволило установить четыре основных типа нарушения прав женщин: домашнее, сексуальное насилие, торговля женщинами и насильственные преступления против женщин как часть национальных обычаев.

По данным Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Москальковой¹², с апреля 2020 г. число случаев домашнего насилия увеличилось более чем в два раза (март – 6054 чел., апрель – 13 000 чел.).

С марта по май 2020 г. на Всероссийскую «горячую линию» Центра АННА, предназначенную для женщин, страдающих от домашнего насилия, поступило 8682 звонка (март – 2437, апрель – 2682, май – 3563)¹³. В Испании на номер службы экстренной помощи по вопросам домаш-

него насилия за первые две недели карантина позвонили на 18% больше, чем за тот же период месяцем ранее; в Литве – на 20%, Великобритании и Бельгии – на 32%¹⁴.

МВД России уполномочено осуществлять сбор данных о преступлениях, в том числе и о фактах домашнего насилия. Однако эти показатели не позволяют оценить истинные масштабы проблемы в силу отсутствия единообразия в использовании терминологии в отчетах («насилие», «скандалы/ссоры», «преступления на семейно-бытовой почве» и пр.); отсутствия деления, принятого в международной практике, на «домашнее/семейное насилие» (family violence), совершенное членом семьи, и «насилие со стороны интимного партнера» (intimate violence), что не дает возможности установить точное количество жертв преступных посягательств; вместе с тем к членам семьи могут быть причислены только лица, официально признанные таковыми, – члены нукlearной или расширенной семьи, без учета, например, бывших супругов, родственников, сводных детей и пр.; в статистический учет правоохранительных органов не попадают административные преступления, дела, не дошедшие до суда по причине отзыва, «потери», отказа в принятии заявления, недостаточной доказательной базы, неполного или неправильно оформленного пакета документов, поскольку дела о домашнем насилии в российском судопроизводстве подпадают под юрисдикцию частного обвинения (возбуждаются по заявлению потерпевшей стороны и подлежат прекращению за примирением сторон), что подразумевает самостоятельный сбор доказательств, предоставление свидетельских показаний, высокую юридическую грамотность, предъявление обвинения и защиту своих прав в суде самой жертвой. Информация из других источников, например медицинских организаций или учреждений социальной защиты населения, отсутствует в открытом доступе и не может быть использована для научных исследований.

Разрозненные, часто противоречивые цифры, во-первых, не позволяют выявить структуру, причины, кратко-, средне- и долгосрочные последствия домашнего насилия, нуждаемость пострадавших в различного рода услугах (социальных, психологических, медицинских, экономических) ни в субъектах РФ, ни в стране в целом¹⁵; во-вторых, вызывает сложность сопоставления результатов из-за использования различного методического и методологического инструментария государственными и негосударственными организациями, научными коллективами и отдельными исследователями; в-третьих, крайне сложная доказуемость преступлений, связанных с домашним насилием, из-за закрытости семьи, неприкосновенности частной собственности, отсутствия свидетелей в момент совершения преступления и пр.; сохранение традиционных взглядов

на взаимоотношения супругов в семье («милые бранятся – только тешатся», «бьет – значит, любит», «не выносить сор из избы»); отсутствие предварительных досудебных защитных мер, например, охранного ордера, предусмотренного в международной практике, который запрещает агрессору приближаться к жертве на установленное судом расстояние; вступать с ней в прямые и опосредованные контакты; обязывает пройти принудительный курс лечения и др.

Закрытие учреждений образования (школ, детских дошкольных учреждений, учреждений дополнительного образования), перепрофилирование ряда медицинских учреждений под больных COVID-19 из-за их массового поступления, недостаток медицинского персонала, койко-мест, специализированного оборудования, знаний об особенностях протекания заболевания, ограничение амбулаторного и стационарного приема пациентов с другими диагнозами, быстрое внедрение инновационных методов обслуживания (консультации по телефону, телемедицина) – не позволили специалистам, в частности педагогам и медицинскому персоналу как основным стейкхолдерам системы профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, адекватно и своевременно выявлять случаи домашнего насилия, жестокого обращения с детьми, делая проблему сугубо частным делом семьи.

Острота и необходимость незамедлительного решения проблемы обуславливают потребность своевременного выявления случаев домашнего насилия в связи с их частотой и высоким риском негативных последствий. Особую роль здесь играют специалисты социальной работы, имеющие профессиональную подготовку, опыт работы с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении. Для искоренения и снижения риска последствий домашнего насилия в международной и отечественной практике разработан пакет мер, включающий широкий спектр направлений деятельности.

Разработка нормативно-правовой базы для защиты жертв домашнего насилия. В странах Европейского союза, по данным официальной статистики, пятая часть женщин подвергается физическому или сексуальному насилию со стороны интимного партнера. В 2017 г. ЕС подписал Конвенцию о предотвращении и пресечении насилия в отношении женщин и домашнего насилия (Стамбульская конвенция)¹⁶, направленную на защиту женщин от любых форм домашнего насилия со стороны супруга или партнера. В октябре 2020 г. все 27 стран-членов Евросоюза подписали указанную конвенцию, а 21 страна ратифицировала ее, что позволило выработать единые требования и стандарты оказания помощи жертвам домашнего насилия на территории ЕС.

В России до настоящего времени не принят отдельный федеральный закон о профилактике

домашнего насилия и помощи его жертвам, как это уже сделано в ряде бывших республик СССР – Грузии, Кыргызстане, Молдове, Украине. Более того, так называемый закон о декриминализации побоев, принятый в 2017 г., сместил акцент с побоев как уголовно наказуемого деяния на административное правонарушение, тем самым еще более усугубив проблему. Однако в связи с многочисленными обращениями 9 апреля 2021 г. Конституционный суд РФ признал несоответствующей Основному закону страны статью, вошедшую в Уголовный кодекс в рамках декриминализации побоев, а закон против домашнего насилия планируется принять осенью новым составом депутатов Государственной Думы РФ.

Государственные экономические и социальные меры поддержки. В ответ на создавшиеся условия в России и зарубежных странах были разработаны и внедрены в социальную практику инновационные технологии выявления и оказания помощи пострадавшим от домашнего насилия: предоставление доступа к цифровым сервисам и платформам, позволяющим получить своевременную помощь; активизация информационно-рекламных мероприятий и внедрение новых услуг, реализацию которых планируется продолжить и в постэпидемиологический период; изменение времени работы учреждений и др. Так, например, во Франции в период локдауна, женщины, пострадавшие от насилия супруга или партнера и не имеющие возможности получить помощь, выходя за продуктами или в аптеку, могли сказать кодовое слово продавцу или фармацевту («маска 19»), чтобы сообщить об инциденте. Кроме того, французское правительство объявило об открытии временных консультативных центров в супермаркетах; оплате 20 тыс. ночей в отелях как убежищах для нуждающихся; выделение 1 млн евро дополнительно на финансирование организаций, направленных на оказание помощи жертвам домашнего насилия из-за всплеска подобных преступлений на 32% после введение ограничительных мер¹⁷.

В России в 2020 г. для поддержки населения во время самоизоляции был введен общий комплекс мер, позволяющий снизить градус социальной напряженности, в том числе косвенно и уровень домашнего насилия. Для семей с детьми: удвоен размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком до полутора лет; с июня введены ежемесячные выплаты малоимущим семьям с детьми 3–7 лет в размере 50% от величины прожиточного минимума, установленного в регионе их проживания; дополнительные единовременные выплаты в размере 5 тыс. руб. на каждого ребенка семьям с детьми до трех лет в период с апреля по июнь (в соответствии с указами Президента РФ от 7 апреля и 11 мая 2020 г.); по 10 тыс. руб. на каждого ребенка в возрасте от 3 до 16 лет (в соответствии с указами Президента РФ от 11 мая и

23 июня 2020 г.); безработные родители, имеющие детей, получили по 3 тыс. руб. на каждого несовершеннолетнего ребенка с апреля по сентябрь. Для поддержки малого и среднего бизнеса, отраслей, наиболее пострадавших во время пандемии, были выделены бюджетные средства на выплату заработной платы в размере 12,1 тыс. руб. на сотрудника при условии сохранения не менее 90% штата на 1 апреля 2020 г.; введено льготное кредитование, 50% которого обеспечено госгарантиями Минфина, и др.

Роль правительственных и неправительственных организаций. Социальными службами, волонтерскими организациями, отдельными гражданами была организована доставка продуктов питания, лекарств, товаров первой необходимости семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, лицам пожилого возраста и инвалидам; оказание бытовых услуг (вынос мусора, выгул домашних питомцев); введены в работу дополнительные круглосуточные «горячие линии», принимающие звонки от населения, в том числе о случаях домашнего насилия. На микроуровне люди поддерживали контакты со своим ближайшим окружением через мобильную и видеосвязь, договаривались о ежедневных встречах и даже обменивались кодовыми словами в случае возникновения опасности.

Для увеличения доступа жертв домашнего насилия к юридической помощи российский проект «Зона права» открыл «горячую линию» и в популярных мессенджерах (WhatsApp и Telegram), число обращений в течение двух месяцев составило 3390¹⁸.

Вместе с тем из-за ограничительных мер специалисты служб поддержки жертв насилия столкнулись с множеством проблем, с одной стороны, невозможностью применения традиционных методов оценки степени риска для жизни и здоровья пострадавших из-за отсутствия визуального контакта, невербальных средств коммуникации, необходимости полагаться на собственное субъективное мнение в определении спектра мер защиты; невозможностью принять всех нуждающихся в помощи в связи с сокращением штата сотрудников социальных служб, убежищ, приютов. С другой стороны, закрытие многих государственных учреждений не позволяло жертвам домашнего насилия обратиться за помощью, сообщить родственникам, друзьям, соседям о случившемся ввиду отсутствия доступа к телефону, Интернету, запрета выходить из дома, страха заразиться новой коронавирусной инфекцией.

Проблема домашнего насилия – мировая проблема, которая в той или иной степени существует во многих странах мира, независимо от их социально-экономического, культурного и политического развития. В большинстве государств выявление случаев насилия в семье и оказание квалифицированной помощи жертвам домашнего

террора урегулированы законодательно, в других, в том числе в России, все еще ждут своего решения, несмотря на высокие показатели, отраженные в статистической отчетности и подтвержденные результатами научных исследований.

Ограничительные меры, введенные в большинстве стран в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, привели к усугублению проблемы домашнего насилия, в связи с чем специализированные службы были вынуждены искать новые способы оказания помощи жертвам, в том числе предоставляя им доступ к «горячим линиям», сайтам профильных организаций, онлайн-каналам, социальным сетям, дающим возможность получения информации как о профессиональных (убежища, онлайн-консультации специалистов, памятки, инструкции, содержащие сведения о правилах поведения в ситуации насилия), так и непрофессиональных видах помощи жертвам домашнего насилия (поддержание связи с родственниками, друзьями, коллегами, соседями).

С одной стороны, пандемия выявила наиболее острые проблемы во всех сферах жизнедеятельности общества, с другой – позволила увидеть новые способы межличностного и профессионального взаимодействия, создать новые связи, выработать инновационные технологии, которые могут быть эффективно использованы в будущем. Принятие отдельного федерального закона о противодействии домашнему насилию и оказании помощи пострадавшим будет способствовать снижению роста преступности на семейно-бытовой почве, стабилизации российской семьи.

Примечания

- 1 См.: Дюбан Э. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации. На основе анализа российской нормативно-правовой базы и обобщения передовых практик, 2020. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/VAW_Report_2020_rus_web.pdf (дата обращения: 13.05.2021).
- 2 См.: Hulme S., Flemons L., Pontedeira C., Bruckmayer M., Hofman J. The COVID-19 pandemic and intimate violence against women in the EU // European Institute for Gender Equality website (March 2021). URL: https://www.rand.org/pubs/external_publications/EP68546.html (дата обращения: 19.05.2021).
- 3 См.: Campbell A. M. An Increasing Risk of Family Violence during the Covid-19 Pandemic : Strengthening Community Collaborations to Save Lives // Forensic Science International : Reports. 2020. Vol. 2. P. 100089. <https://doi.org/10.1016/j.fsir.2020.100089>
- 4 См.: Продажи алкоголя в магазинах в РФ ускорились на фоне карантина и закрытия баров. URL: <https://www.interfax.ru/russia/703465> (дата обращения: 14.05.2021).
- 5 См.: Борисов С. Н., Волкова О. А., Бессчетнова О. В., Доля Р. Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения

- социального и психического здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68–73. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73>
- ⁶ См.: Wang X., Fang G., Li H. Gender-based violence and hegemonic masculinity in China : An analysis based on the quantitative research // China Population and Development Studies. 2019. Vol. 3. P. 84–97. <https://doi.org/10.1007/s42379-019-00030-9>
- ⁷ См.: Xue J., Chen J., Chen C., Hu R., Zhu T. The Hidden Pandemic of Family Violence During COVID-19 : Unsupervised Learning of Tweets // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, № 11. P. e24361. <https://doi.org/10.2196/24361>
- ⁸ См.: Wagers S. Domestic violence growing in wake of coronavirus outbreak // The Conversation. 2020. URL: <https://theconversation.com/domestic-violence-growing-in-wake-of-coronavirus-outbreak-135598> (дата обращения: 04.05.2021).
- ⁹ См.: Humphreys K .L., Myint M. T., Zeanah C. H. Increased Risk for Family Violence During the COVID-19 Pandemic // Pediatrics. 2020. Vol. 146, № 1. P. e20200982. <https://doi.org/10.1542/peds.2020-0982>
- ¹⁰ См.: Статистика зла : как оценить уровень насилия в российских семьях. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/421475-statistika-zla-kak-ocenit-uroven-nasilija-v-rossijskih-semyah> (дата обращения: 02.05.2021).
- ¹¹ Насилие в отношении женщин в России. Альтернативный Доклад о выполнении в Российской Федерации Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: <http://www.cdep.ru/mps/4/ch4/Alter%202.pdf> (дата обращения: 16.05.2021).
- ¹² См.: В России отмечен рост домашнего насилия с 10 апреля в 2,5 раза. URL: <https://ria.ru/20200505/1570971794.html> (дата обращения: 16.05.2021).
- ¹³ См.: Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России : Доклад семи организаций по защите прав женщин. URL: <https://www.ASI.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).
- ¹⁴ См.: Hulme S., Flemons L., Pontedeira C., Bruckmayer M., Hofman J. Op. cit.
- ¹⁵ См.: Бессчетнова О. В. Оценка эффективности деятельности социальных служб, осуществляющих социальное сопровождение восстановленных биологических семей // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 3 (35). С. 21–31.
- ¹⁶ См.: Конвенция о предотвращении и пресечении насилия в отношении женщин и домашнего насилия. URL: <https://tm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 21.06.2021).
- ¹⁷ См.: Reuters News Agency. As domestic abuse rises in lockdown, France to fund hotel rooms // Aljazeera. 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/3/31/as-domestic-abuse-rises-in-lockdown-france-to-fund-hotel-rooms> (дата обращения: 08.05.2021).
- ¹⁸ См.: Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России : Доклад семи организаций по защите прав женщин.

Поступила в редакцию 21.05.2021, после рецензирования 26.05.2021, принята к публикации 31.05.2021
Received 21.05.2021, revised 26.05.2021, accepted 31.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 289–294

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 289–294

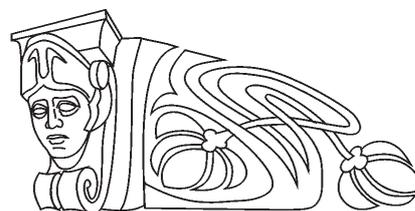
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-289-294>

Научная статья

УДК 316.77

Структурные основания взаимодействий в онлайн-играх

М. Э. Елютина[✉], А. А. Неруш

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии социальной работы, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Неруш Антон Александрович, магистрант кафедры социологии социальной работы, antonkertakagi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4251-2798>

Аннотация. В статье рассматриваются структурные основания взаимодействий геймеров в онлайн играх на примере молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр. Анализ основных элементов внутриигровых механик, структурирующих коммуникативные взаимодействия геймеров в онлайн-играх, осуществляется с опорой на акторно-сетевую теорию Б. Латура, что позволяет рассматривать игру как актора социотехнических взаимодействий. По результатам авторского исследования, проведенного в 2019–2020 гг. посредством онлайн-анкетирования, выделены механизмы долгосрочного и краткосрочного объединения игроков в онлайн-играх, охарактеризованы структурные основания их взаимодействия: доминирующие и второстепенные мотивы группообразования в видеоиграх, факторы пролонгирования контактов между игроками. Установлено, что геймеры предпочтение отдают краткосрочным игровым коллективам со свободным выходом. Долгосрочная игровая группа рекрутируется из знакомых между собой людей, с которыми поддерживаются контакты в повседневной жизни, при этом игру воспринимают как одну из форм совместного досуга. Показано, что онлайн-игра создает поле для активного конструирования новых социальных связей между членами игрового сообщества. Обозначен потенциал возможностей включения игровых механик и «нечеловеческих» акторов в новые формы геймификации образования.

Ключевые слова: видеоигры, сетевые взаимодействия, акторно-сетевая теория, компьютерные игры, игровая инклюзия

Для цитирования: Елютина М. Э., Неруш А. А. Структурные основания взаимодействий в онлайн-играх // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 289–294. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-289-294>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Structural foundation for interactions in online games

М. Е. Elutina[✉], А. А. Nerush

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina E. Elutina, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Anton A. Nerush, antonkertakagi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4251-2798>

Abstract. The article examines the structural foundations of interactions between gamers in online games on the example of the youth segment of Russian audience of computer games. The analysis of the main elements of in-game mechanics structuring the communicative interactions of gamers in online games is carried out on the basis of the B. Latour's actor-network theory, allowing us to consider the game as an actor of socio-technical interactions. According to the results of the author's research conducted in 2019–2020 by means of online questionnaires, the mechanisms of long-term and short-term association of players in online games are highlighted and the structural bases of their interaction are characterized: the dominant and secondary motives of group formation in video games, the factors of prolongation of contacts between players. It was revealed that gamers give preference to short-term gaming teams with a free exit. A long-term play group is recruited from people who know each other, with whom they maintain contacts in everyday life while playing is perceived as a form of joint leisure. It is shown that an online game creates a field for active construction of new social connections between the members of the gaming community. The potential of the possibilities of including game mechanics and “non-human” actors in new forms of gamification of education is outlined.

Keywords: video games, network interactions, actor-network theory, computer games, game inclusion

For citation: Elutina M. E., Nerush A. A. Structural foundation for interactions in online games. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 289–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-289-294>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последнее десятилетие во всем мире происходит активное развитие индустрии компьютерных игр и рост игровой аудитории. Россия не является исключением из данной тенденции. Так, с 2015 по 2019 г. российская аудитория компьютерных игр увеличилась с 43 млн чел. до 66 млн чел. Развитие игровой индустрии в России также подтверждает анализ рынка цифровых игр, оборот которого в 2019 г. составил 1,8 млрд долл.¹. Для сравнения – совокупные кассовые сборы кинопроката Российской Федерации в том же году составили 55,4 млрд руб. (853 млн долл.), по официальным данным «Фонда Кино»². Исследование компании Newzoo показало, что средний российский геймер в расчете на платящую аудиторию в 33,94% от общей (или 224 млн чел.) потратил по итогу 2019 г. на игровой контент 64 долл., а игровые расходы россиян – одни из самых высоких в Восточной Европе (выше только у чехов – 69,8 долл.)³.

На фоне развития индустрии компьютерных игр и увеличения количества игроков в научном дискурсе нередко можно встретить негативную оценку влияния игр на индивида. В частности, отмечается, что компьютерные игры негативно сказываются на коммуникативных способностях игрока⁴ и приводят к десоциализации личности⁵. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо, на наш взгляд, содержательно проанализировать взаимодействие игроков внутри игрового пространства, которое изучается, главным образом, в контексте лингвистических исследований⁶ и фрейм-анализа⁷.

В связи с этим актуальным становится выявление структурных оснований взаимодействий в онлайн-играх на базе молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр. Выбор данного сегмента обусловлен следующими взаимосвязанными аспектами. Во-первых, российская аудитория компьютерных игр в основном представлена молодежью. Анализ последних результатов эмпирических исследований досуговых практик молодежи, проведенных российскими социологическими агентствами, показал, что начиная с 2016 г. компьютерные игры находятся на лидирующих позициях по популярности среди досуговых практик молодежи, и в них регулярно задействовано 25% российской молодежи⁸. В исследовании ВЦИОМ на тему социальной перцепции увлечения компьютерными играми был затронут и аспект идентификации российской аудитории видеоигр. Согласно данным ВЦИОМ, в 49% российских семьях в видеоигры играют дети и внуки⁹. Во-вторых, в процессе социализации значимую роль играет ориентация молодого человека на мнение другого в конструировании моделей своего поведения. Во время игры молодые люди примеряют на себя новые роли, статусы и вступают в виртуальные взаимоотношения, которые могут строить новую систему «значимых

других» (Г. Салливан)¹⁰, влияющих на формирование образа собственного «Я» игрока. Как отмечает Ю. Хабермас, процесс социализации охватывает отдельно две части единой личности. Первая часть представляется общественной сущностью индивида и его социальным характером, который обеспечивает достойное функционирование в обществе. Вторая же часть дает возможность личности держать дистанцию, а именно критически относиться к элементам социальной среды, которые якобы мешают человеку самоутверждаться¹¹. Компьютерные игры создают виртуальную модель социальной среды, в которой молодой человек может самоутвердиться и в процессе коммуникации осуществить рефлексию над своим «Я» под влиянием других игроков. В этом смысле компьютерные игры носят амбивалентный характер. С одной стороны, компьютерные игры предоставляют пользователю широкий спектр возможностей коммуникации и смены ролей, а с другой – виртуальная самореализация может подменять реальную, а виртуальный круг общения может привести к социальной изоляции в реальном мире.

Методы исследования

Исследование взаимодействий в онлайн-играх проводилось в два этапа. На первой стадии с целью изучения мотивов, факторов и социальных проекций игровой инклюзии молодых пользователей в пространстве сетевых взаимодействий с января по декабрь 2018 г. нами было проведено исследование методом глубинного интервью (N = 30). Разработка программы исследования, постановка исследовательских задач, подготовка инструментария, сбор и анализ материала проводились по методологии двойной рефлексивности¹².

На втором этапе с целью изучения структурных оснований взаимодействий в онлайн-играх с декабря 2019 г. по январь 2020 г. было проведено эмпирическое исследование методом анкетирования. Целевая выборка составила 1700 чел., основными критериями отбора послужили: возраст (18–30 лет), участие в практике компьютерных игр, место проживания (Российская Федерация). Ошибка выборки составляет $\pm 5\%$. Для сбора информации была использована платформа Google Forms, обработка и анализ данных осуществлялись на базе компьютерной программы SPSSv22.

Предварительные замечания

Уточним ключевые для данного исследования понятия. *Группы и гильдии* – это игровая механика, позволяющая игрокам создавать объединения, границы которых установлены системой игровых правил. В связи с этим для анализа данных объединений мы применим термин «коллектив», используемый в акторно-сетевой теории Б. Лату-

ра, означающий ассамбляж социальных и технических объектов. Для объяснения формирования игровых коллективов нам также необходимо ввести два термина из акторно-сетевой теории Б. Латура: «проводник» и «посредник». В терминологии Латура, «проводник» (intermediary) – это то, что переносит (transport) значение или силу, не преобразуя их: определения его входов достаточно для определения его выходов. Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы. Вне зависимости от того, насколько сложен по своему устройству проводник, в практических целях его можно рассматривать как одно целое. «Неважно, насколько простым выглядит посредник, – он может стать комплексным: он может уводить нас в разные стороны, и, соответственно, будут меняться все противоречащие друг другу объяснения его роли»¹³.

Гильдии являются гибридными коллективами, сочетающими элементы социального и социотехнического взаимодействия. Рассмотрим эти соотношения на базе основных структурных элементов гильдий.

1. *Размер гильдии.* Для создания игрового баланса численность гильдий регулируется игровыми правилами или нарративными ограничениями, что выражается либо в фиксированном размере гильдии со старта и до окончания игры, либо в наличии сюжетных требований для расширения гильдии. С нашей точки зрения, в этом отношении гейм-дизайн решил сразу две задачи. Во-первых, в связи с наличием границ и численностью в большинстве современных игр не более 100–150 игроков гильдии защищены от превращения в квазигруппы. Во-вторых, наличие закрепленных границ решает «первый источник неопределенности» Брюно Латура и позволяет рассматривать гильдии как большие группы, а не аморфные объединения.

2. *Иерархия.* Для поддержания социального порядка в гильдиях, как и во многих больших группах, существует определенная иерархия. Специфика ее выражается в виртуальности пространства видеоигры, которое в значительной степени анонимизирует игроков и изменяет коммуникативные фреймы. Для того чтобы поддерживать порядок в коллективах в условиях, когда привычные грани «лидерства» исчезают в пространстве видеоигры, в гильдиях существует механика «рангов». Иерархию гильдии можно представить в виде пирамиды, где на вершине будет находиться лидер гильдии, чьи полномочия внутри гильдии являются максимальными, а его свержение практически невозможно, на ступень ниже будут находиться его заместители, которых лидер может назначить и разжаловать самостоятельно. Остальные ступени пирамиды будут представлены обычными игроками, чьи ранги скорее номинальны, чем функциональны,

и являются маркером статуса игрока в коллективе (как правило, они выражены в обозначениях «новичок–рядовой–ветеран»).

3. *Правила.* Системы правил и ограничений в гильдиях являются наиболее гетерогенной средой, в которой можно выделить три основных аспекта. Первый аспект – правила, установленные игрой: они носят обязательный характер и касаются в основном аспектов лицензионного соглашения, но не социальных взаимодействий в гильдиях. Второй аспект – решения «лидера»: гильдмастер может сам установить негласные правила в гильдии и исключать из сообщества или подвергать другим санкциям игроков, нарушивших их. Третий аспект – конвенциональные нормы: наличие игроков в гильдии является условием для ее существования и функционирования, в связи с этим в гильдиях существуют элементы демократии, и нормы могут быть установлены не только лидером, но и игроками гильдии. Отметим, что если максимальная санкция от лидера гильдии – это исключение игрока, то максимальная санкция от игроков – это выход из гильдии, а выход большого количества игроков из гильдии ставит под угрозу ее существование.

4. *Бонусы и преимущества.* Система привилегий в структуре гильдии является одним из элементов игровой механики, поддерживающим развитие данных коллективов. Все бонусы гильдии можно разделить на *безусловные*, или бонусы, которые предоставляются игрой с момента создания гильдии, и *бонусы достижения*. Бонусы достижения являются механизмом стимулирования игроков к выполнению задач награды, который будет распространяться на всех членов гильдии, также наличие или отсутствие этих бонусов является индикатором активности игроков гильдии и конкурентным преимуществом перед другими гильдиями.

В современном дизайне видеоигр наблюдается плюрализм игровых механик, детерминирующий наличие возможности создания долгосрочного объединения в игре. В связи с этим для определения доминирующих мотиваций вступления в группы и гильдии нам необходимо определить процент игроков, участвующих в игровых коллективах.

Анализ результатов исследования

Проведенное исследование позволило охарактеризовать молодежный сегмент аудитории компьютерных игр. По гендерному соотношению аудитория геймеров на 59,5% представлена женщинами и на 40,5% мужчинами. Средний возраст респондентов составил 21 год. По географическому распределению геймеров: 29,3% опрошенных проживают в Центральном федеральном округе, 28,3% – в Приволжском, 13,2% – в Северо-Западном, 11,2% – в Сибирском, 7,5% –

в Южном, 6,5% – в Уральском, 2,6% – в Дальневосточном и 1,2% – в Северно-Кавказском ФО.

Приведем основные результаты исследования, связанные с гильдиями в структуре коммуникативного взаимодействия в онлайн-играх. Только четверть игроков (25,8%) в процессе игры вступают в долгосрочные игровые коллективы (гильдии, кланы, роты и т.п.), 54,6% предпочитают не вступать в данные типы объединений, 19,6% играют в игры, где данная опция не реализована. Среди игроков, вступающих в долгосрочные объединения, большинство руководствуются мотивами получения бонусов от игры за членство в гильдии (47,2%) и ускорения развития своего персонажа (43,6%); третьим по популярности мотивом является доступ к уникальному игровому контенту, предоставляемый только игрокам гильдий. Социальные мотивы вступления в гильдию уходят на второй план: 37,9% вступают в гильдию для постоянного общения во время игры, 32,9% – для поиска людей со схожими интересами. С нашей точки зрения, игра как элемент виртуального пространства выполняет группообразующую функцию путем стимуляции посредством различных поощрений даже за пассивное членство в объединениях. Специфика построенной разработчиками механики позволяет игрокам, состоящим в гильдиях, получать преимущества в развитии своего персонажа и дает доступ к эксклюзивному игровому контенту. В данной ситуации игра выступает посредником, стимулирующим социальную активность пользователей, формируя коллективы, действующие в заранее созданных границах и правилах. Явной чертой действия игры как посредника в сети виртуального взаимодействия является актуализация потребности игроков вступать в долгосрочные объединения.

Анализ результатов исследования позволил выявить интересный парадокс: гильдии предоставляют игрокам широкий спектр преимуществ, но при этом непопулярны среди большой доли игроков. С нашей точки зрения, данную тенденцию можно объяснить с нескольких позиций. Во-первых, гильдии обладают атрибутами, свойственными формальным организациям, с которыми геймеры сталкиваются в повседневной жизни, и в этой ситуации игра становится проекцией реальных социальных взаимодействий и не позволяет абстрагироваться от действительности. Во-вторых, гильдии создают систему обязательств между игроками, а изучаемый сегмент игрового комьюнити относится к поколению Z, привыкшему жить во времени, определенном Зигмундом Бауманом как «текущая реальность», где «всё течёт и изменяется, по сравнению с библейскими временами, с поражающим ускорением, и поэтому не стоит надолго застревать где-то и на чём-то»¹⁴ и не связывать себя долгими обязательствами.

Как показал анализ результатов исследования, еще одним структурным основанием взаи-

модействий в онлайн-играх является группа. Различия групп и гильдий выражаются в следующих характеристиках: во-первых, группа состоит из небольшого количества игроков, как правило, от двух до пяти человек; во-вторых, группа существует на протяжении небольшого временного отрезка и безвозвратно исчезает, когда ее члены выйдут из игры; в-третьих, в группе отсутствуют четкая иерархия и система лидерства. Отметим, что группы в играх, с позиции игровой механики, обладают двумя модификациями: группа и рейд. Рейд является расширенной версией группы с численностью от 8 до 30 участников и создается для достижения сложных игровых задач, например боя с драконом, который непосилен для небольшой группы игроков. К игровым группам также относится промежуточный тип между группами и гильдиями – постоянная группа (constparty). Постоянная группа еще не является гильдией и не ограничена рамками игры, но уже не может пониматься как обычная игровая группа. Специфика constparty заключается в сборе одних и тех же игроков для выполнения общих целей по предварительной договоренности, в отличие от обычной группы, собираемой стихийно для решения одной задачи. По нашим данным, большинство геймеров предпочитают играть в группах, состоящих только из их круга общения, существующего в реальной жизни (34,6%), либо в гибридных группах, состоящих как из реального круга общения, так и случайных игроков, найденных в виртуальном мире (32,3%).

Таким образом, для части игроков создание группы в игре является средством проведения досуга с друзьями из реальной жизни. В меньшей степени в молодежном сегменте представлены геймеры, которые предпочитают играть в группах из случайных игроков (14,8%) и только с друзьями по игре (10,4%). С нашей точки зрения, это может быть связано с проблемой доверия в виртуальном пространстве: во-первых, за игровым аватаром для геймера остаются неизвестны личностные черты и модель поведения его соратника; во-вторых, группы могут создаваться для получения игровых благ (очков рейтинга, процента побед, редких игровых предметов и т.д.), и успех или неудача в их получении зависит от сплоченности группы. Примером сплоченной группы в компьютерных играх являются constparty, существование которых базируется не на игровой механике, а на затвердевших социальных связях, однако, как показали результаты нашего исследования, постоянные группы являются самой редкой разновидностью групп, и только 8,9% игроков состоит в них. Отметим, что в игровом пространстве сегодня существует и высокий процент игроков-одиночек, которые не создают свои группы и не вступают в чужие (37%).

В рамках количественного исследования мы можем оценить характеристики изменения круга

общения геймеров. Согласно нашим данным, у большинства респондентов круг общения состоит из людей, с которыми они познакомилась в повседневной жизни (49,2%). Расширить свой круг общения за счет контактов из виртуального мира смогли 31,6% респондентов, у 18,2% игроков круг общения состоит в основном из людей, с которыми они познакомилась в процессе игры. Таким образом, мы можем наблюдать дихотомическое разделение аудитории: у половины геймеров коммуникации, которые могли происходить в игре, не получили развития, а у второй половины круг общения расширился за счет игровых контактов. Отметим, что процент игроков, не расширивших свой круг общения за счет игровых контактов (49,2%), превосходит процент игроков-одиночек (37,0%). Объяснением обнаруженной дихотомии, с нашей точки зрения, является высокий процент игроков, переносящий в игру контакты из реальной жизни.

Следующим элементом, структурирующим коммуникативные взаимодействия в онлайн-играх, является мотивация игроков к вступлению в группы. Группообразование оставляет гораздо больше следов, чем стабильные связи, которые, по определению Б. Латура, могут оставаться безмолвными и невидимыми. Результаты нашего исследования позволили определить доминирующие и второстепенные мотивы группообразования в видеоиграх. Большинство игроков, вступающих в группы, объясняют свою мотивацию социальными причинами. Так, 68,9% опрошенных вступают в группы для общения во время игры. На втором и третьем местах у игроков находятся мотивы, создаваемые игрой: 50,9% вступают в группы для решения задач, с которыми не может справиться один персонаж, 38,2% – для ускорения развития своего виртуального аватара (повышение рейтинга, процент побед, опыта). Среди реже встречающихся мотивов вступления в группы отметим следующие: поиск людей со схожими интересами (22,9%) и образование постоянной группы (12,3%). Самым редким основанием для вступления в группу является изначально заложенная в игровом персонаже невозможность играть вне группы (10,0%). Подобная специфика относится к персонажам класса поддержки, которые практически не обладают боевыми навыками и создаются игроками с ориентацией на помощь команде.

С нашей точки зрения, мотивы группообразования можно объяснить с позиции акторно-сетевой теории Б. Латура. В объяснении своих действий игроки идентифицируют свои решения с социальными мотивами, однако необходимость для объединения в группу возникает посредством функционирования игровой механики, что подтверждается широким распространением целеориентированных мотивов (необходимость решения игровых задач группой игроков, а также

развития своего персонажа) и низким распространением мотивов, предполагающих переход на уровень долгосрочных коммуникаций.

В игре для реализации базовой экзистенциальной потребности человека в преодолении себя происходит реконфигурация игровых персонажей в группы, затвердевание этих групп в *constparty* или их распад. Процесс создания и реконфигурации группы в игре невозможен без деятельности игроков, так как функционирование игровых механик создает необходимость объединения игроков для достижения общей цели. В данном контексте игра за счет наличия уникальных механик, не свойственных другим объектам виртуального пространства, является посредником, использующим социальные и экзистенциальные потребности игроков для формирования коллективов.

Анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы.

1. Было установлено, что для геймеров краткосрочные игровые коллективы со свободным выходом являются более предпочтительными, чем долгосрочные. Этот факт можно объяснить, во-первых, отсутствием готовности к долгосрочным взаимодействиям у представителей молодого поколения, предполагающим обмен взглядами, мнениями и взаимными ожиданиями, связанными как с личностью игроками, так и с его игровыми навыками. Краткосрочные, как правило, поверхностные контакты, по их мнению, ни к чему не обязывают. Во-вторых, долгосрочные коллективы пользуются меньшей популярностью в связи с наличием атрибутов формальных организаций: системой внутренних правил и формально закрепленной иерархий. Отметим, что признаки формальных организаций в гильдиях, с одной стороны, вносятся игровой механикой, а с другой – привносятся в виртуальное пространство и воспроизводятся самими игроками. Видимо, для уточнения причин избегания молодыми геймерами долгосрочных взаимодействий, факта преобладания среди них игроков-одиночек требуется дополнительное качественное исследование.

2. Выявлено, что в процессе группообразования игроки часто используют стратегию формирования игровой группы из уже знакомых людей, с которыми они взаимодействуют в повседневной жизни, что позволяет рассматривать игру как форму совместного досуга.

3. Показано, что доминирующие мотивы вступления в гильдии и группы создаются игрой. В рамках игрового процесса игроки ставят себе цели и сталкиваются с задачами, для которых необходимо объединяться в коллективы. Видеоигра создает поле для активного группообразования и формирования новых социальных связей между членами игрового сообщества. Отметим, что в сетевых играх, даже играя со своими друзьями, невозможно избежать коммуникации и совместной деятельности с ранее неизвестными людьми.

Таким образом, видеоигра может использоваться как средство создания социальных связей и круга общения молодых пользователей. Мы полагаем, что дальнейшее изучение внутриигрового взаимодействия в сетевых видеоиграх позволит расширить спектр технологий, применяемых в виртуальном тимбилдинге, а также уйти от преувеличения бихевиористской концепции «набора баллов» в геймификации образования, имеющей выраженные недостатки: отсутствие ориентации на практическую деятельность, отсутствие мотивирования студентов к образовательной деятельности и отсутствие системного подхода к виртуальному образовательному пространству, студентам и школьникам предлагается использовать различные сервисы без единой системы верификации знаний¹⁵.

С нашей точки зрения, с помощью использования «нечеловеческих» акторов и формирования гибридных коллективов в рамках виртуальных образовательных платформ можно сформировать эффективную систему виртуальной коммуникации, использующую элементы современных компьютерных игр для мотивирования обучающихся к получению знаний и фондирования виртуального образовательного пространства.

Примечания

- 1 См.: Newzoo : платящая игровая аудитория в России – 28,2 млн человек // App2Top.ru : [сайт]. URL: <https://app2top.ru/industry/newzoo-platyashhaya-igrovaya-auditoriya-v-rossii-28-2-mln-chelovek-144685.html> (дата обращения: 09.03.2020).
- 2 См.: Итоги кинопроката в 2019 году // Фонд кино : [сайт]. URL: <http://www.fond-kino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2019-godu/> (дата обращения: 09.03.2020).
- 3 См.: The Global Games Market Will Generate \$152.1 Billion in 2019 as the U.S. Overtakes China as the Biggest Market // Newzoo: [сайт]. URL: <https://newzoo.com/insights/articles/the-global-games-market-will-generate-152-1-billion-in-2019-as-the-u-s-overtakes-china-as-the-biggest-market/> (дата обращения: 09.03.2020).
- 4 См.: Гриффитс М. Проблемная онлайн-игра : разногласия, дебаты и споры // Медицинская психология в России. 2015. № 4 (33). С.1–12.
- 5 См.: Литвинова А. В. Социокультурные детерминанты ориентации подростков на субкультуры [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6, № 1. С. 37–46. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Litvinova.phtml> (дата обращения: 04.12.2017).
- 6 См.: Кириченко В. В. Игровой сленг русскоязычного сообщества (на материале лексики видеоигры «eveonline») // Высшая школа. 2015. № 5. С. 51–53.
- 7 См.: Вдовиченко С. С. Фреймовый анализ речевых актов в англоязычном дискурсе видеоигр (на материале видеоигры dota 2) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50) : в 3 ч. Ч. 2. С. 27–31.
- 8 См.: Опрос молодежи : досуговые и интернет-практики // ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/13103> (дата обращения: 10.11.2017).
- 9 См.: На игре : социальные эффекты компьютерной игры // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9889> (дата обращения: 16.07.2020).
- 10 См.: Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. М. : КСП+ ; СПб. : Ювента, 1999.
- 11 См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2006. С. 250.
- 12 См.: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 101–116.
- 13 Латур Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М. : НИУ ВШЭ, 2014. С. 112.
- 14 См.: Решетников О. В. Поколение Z и недалёкое будущее рынка труда // Школьные технологии. 2014. № 1. С. 58–71.
- 15 См.: Анализ цифровых образовательных ресурсов и сервисов для организации учебного процесса школ / И. А. Карлов, Н. М. Киясов, В. О. Ковалев [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2020. (Современная аналитика образования. № 10 (40)).

Поступила в редакцию 21.02.2021, после рецензирования 18.03.2021, принята к публикации 20.05.2021
Received 21.02.2021, revised 18.03.2021, accepted 20.05.2021

Научная статья
УДК 32.019.52

Социальные функции молодежных объединений через призму мнения активистов

Ж. А. Калиева

Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова, Республика Казахстан, 090000, г. Уральск, просп. Н. Назарбаева, д. 162

Калиева Жадыра Абжамиевна, магистр истории, преподаватель кафедры всемирной истории и социально-политических дисциплин, Kaliyeva_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4125-7684>

Аннотация. По результатам социологического исследования методом анкетирования, проведенного в 2019 г. (N = 350 человек по вероятностной квотно-целевой выборке), выявлен синтез социальных и индивидуальных потребностей молодежи, когда социальная солидарность как насущная потребность соединяется в работе ее объединений с функциональной эмоциональностью, удовлетворением от содержательной наполненности интересной и полезной деятельностью. Популярность мероприятий молодежных объединений, по мнению молодого поколения больше зависит от социокультурного их содержания с включением эмоционально-положительного контекста, помогающего, с одной стороны, проявить себя (конференции, концерты), а с другой – почувствовать свое единение с другими участниками (шествия, демонстрации и т.д.). Эти мотивы выступают как непосредственный показатель самоопределения личности, востребованности и осуществимости ею своих субъектных гражданских прав, выражением понимания человеком своего социального статуса и возможностей. Большинство (72%) опрошенных активистов указали на Интернет как на основной источник информации о деятельности молодежных объединений, что демонстрирует трансгрессивность молодежи. Однако сильны и традиционные привычки молодого поколения. Вторым по популярности источником информирования оказалось общение с родственниками, друзьями, близкими (53,3%), что подтверждает значительную роль ресурсов сетевых социальных связей. По мере деятельности в молодежных объединениях развиваются как личностные качества молодого поколения (точность, внимательность, аналитическое мышление), так и социальные качества (навыки планирования, самоорганизации, лидерства, общения). Иными словами, участие в деятельности молодежных объединений связано с механизмом осуществления потребностей и интересов молодых людей и в то же время служит источником изменения личностных ценностных ориентаций, формирует определенные стереотипы сознания и поведения молодого поколения.

Ключевые слова: молодежь, молодежные объединения, социальные функции, активисты

Для цитирования: Калиева Ж. А. Социальные функции молодежных объединений через призму мнения активистов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 295–302. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-295-302>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social functions of youth associations through the prism of the activists' opinion

Zh. A. Kaliyeva

West Kazakhstan University named after M. Utemisov, 162 N. Nazarbayev Ave., Uralsk 090000, Republic of Kazakhstan

Zhadyra A. Kaliyeva, Kaliyeva_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4125-7684>

Abstract. According to the results of the sociological survey conducted in 2019 (N = 350 people on probability quota-target sample), the synthesis of social and individual needs of young people was revealed when social solidarity as an urgent need is combined in the work of its associations with functional emotionality, satisfaction from meaningful fullness of interesting and useful activities. The popularity of youth groups' activities, according to the younger generation, depends more on their socio-cultural content with the inclusion of an emotionally-positive context, helping to express themselves (conferences, concerts), and on the other hand – to feel unity with other participants (processions, demonstrations, etc.). These motives act as a direct indicator of the self-determination of the individual, the demand and feasibility of their subjective civil rights, the expression of a personal understanding of their social status and capabilities. 72,0% of the activists surveyed pointed to the Internet as the main source of information about the activities of youth associations which demonstrates the trans-progressivity of young people. However, traditional habits of young people are also strong. The second most popular source of information was communication with relatives, friends, the beloved ones (53.3%), which confirms the significant role of resources of network social connections. In the course of youth's association activities both the personal qualities of the younger generation (accuracy, attentiveness, analytical thinking), and social qualities (planning skills, self-organization, leadership, communication) develop. In other words, participation in youth activities is associated with the mechanism of implementation of young people's needs and interests, and, at the same time, serves as a source of changes in their personal values, and forms certain stereotypes of consciousness and behavior of the younger generation.

Keywords: youth, youth associations, social functions, activists

For citation: Kaliyeva Zh. A. Social functions of youth associations through the prism of the activists' opinion. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 295–302 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-295-302>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Молодежный активизм предполагает деятельностное участие молодого поколения в социальных преобразованиях, инициирование гражданских акций в рамках своих объединений с целью достижения позитивных изменений социальной действительности казахстанского общества. Он показывает, насколько политическая и иные сферы жизнедеятельности социума отвечают интересам молодежи, ее отдельных категорий, и выступает важным условием их развития.

Определение объединения как типа коллективного действия, направленного на изменения, – одно из наиболее распространенных среди исследователей (Г. Дилигенский¹). Так, П. Штомпка определил объединения как особую разновидность коллективных действий, направленных на осуществление какого-либо вида социальных изменений и развивающихся в рамках неформальных, не имеющих институционализированного или формализованного характера систем².

Социальные объединения также определяются как слабо институционализированный тип коллективного действия, выходящего за рамки как формальных, так и неформальных институтов (И. Халий)³. Синтетическое определение дают Донателла делла Порта и Марио Диани, которые интерпретируют молодежные объединения как неформальные сети, базирующиеся на разделяемых всеми ценностях и солидарности, мобилизующие своих участников по поводу конфликтных проблем посредством регулярного использования различных форм протеста⁴.

В западной (Ch. Tilly⁵) и российской (О. Яницкий⁶) литературе отмечается, что молодежные объединения одновременно выступают как производное и как одна из форм, имманентно присутствующих гражданскому обществу, как одна из форм самоорганизации молодежи, преследующей политические, гуманитарные, экологические и другие цели. В отличие от вертикально структурированных политических партий, они представляют собой горизонтальные образования сетевого характера и могут действовать самостоятельно, в зависимости от меняющегося контекста. Однако они, как правило, также имеют свои официальные программы, манифесты, нередко имеют сеть местных региональных структур и представляют собой в совокупности «единство в многообразии». Их активность часто носит неполитический характер.

С позиций парадигмы идентичности (Э. Гидденс⁷, А. Турен⁸, Ю. Хабермас⁹) молодежные объединения выступают как реальные субъекты социальной эволюции. В основу их инициатив положены ценности постиндустриального общества (защита прав, движение за мир, экологиче-

ское движение, антивоенные инициативы и т.п.). Они способствуют переосмыслению человеком своей жизни, идентичности, своего предназначения. При этом все чаще учитывается артикуляция молодыми гражданами новых потребностей и интересов, связанных с коренными изменениями условий жизни (защита окружающей среды, качество жизни и др.), и их стремление непосредственно влиять на процесс принятия решений в обществе обусловило появление новых форм участия, новых коллективных акторов, а также новых сфер для реализации гражданских инициатив. Специфика молодежных объединений определяется институциональной средой, социальным контекстом, структурой социокультурных возможностей, историческим процессом, уровнем политического сознания и, прежде всего, политическим контекстом, в котором оно возникает и развивается.

Этот подход был заложен в проведенном в 2019 г. авторском социологическом исследовании «Активисты молодежных объединений Казахстана», в ходе которого методом анкетирования было опрошено 350 участников молодежных объединений по вероятностной целевой выборке. В опросе принимали участие горожане в возрасте от 14 до 30 лет, из них 46% юношей и 54% девушек. Половина опрошенных имели высшее образование, 16,0% – незаконченное высшее, 4,7% – среднее профессиональное образование, 22,0% – среднее общее образование, 7,3% – основное общее образование. Не состояли в браке 54,0% респондентов, 37,0% были женаты/замужем, 9,0% состояли в незарегистрированном браке (сожительство). Говоря о ролевом репертуаре объединений, большинство активистов обозначили свой статус в объединении как волонтеры (65,3%), однако выявлены также кураторы/координаторы (21,3%), сотрудники/специалисты (12,7%) и руководители (0,7%); 46,7% указали свой стаж участия в объединении в один год, 32,7% – два, 16% – три и лишь 4,7% – четыре года. Это косвенным образом может свидетельствовать о значительной текучести членства в объединениях.

Основной деятельностью молодежного объединения, в которой они состоят (табл. 1), является досуговая (71,3%), творческая (56,0%), спортивно-оздоровительная (23,3%), научно-образовательная (20,7%), профсоюзная (18,0%), экологическая (17,0%), благотворительная (13,0%) и религиозная (4,0%). При этом среди подростков 14–19 лет особенно популярными оказались досуговые, творческие и благотворительные объединения. Среди молодежи 20–24 лет –

более популярны научно-образовательная, профсоюзная и религиозная деятельность, среди 25–29-летних – спортивно-оздоровительные и экологические объединения. Это еще раз подтверждает рост популярности неполитических молодежных объединений, которые менее ре-

зонансны, но позволяют различным категориям молодежи самореализовываться, развиваться, проявить гражданскую инициативу, самостоятельность, реализовать свои личные амбиции, объединить свои усилия для изменения жизни общества к лучшему.

Таблица 1

Возрастная структура активистов молодежных объединений по видам деятельности, % по возрасту* (по положительным ответам)

Виды деятельности	Возраст			От общего
	14–19	20–24	25–29	
Досуговая	75,0	73,3	67,2	71,3
Творческая	59,1	48,9	59,0	56,0
Спортивно-оздоровительная	15,9	24,4	27,9	23,3
Научно-образовательная	20,5	22,2	19,7	20,7
Профсоюзная	15,9	26,7	13,1	18,0
Экологическая	15,9	13,3	21,3	17,3
Благотворительная	20,5	6,7	13,1	13,3
Религиозная	2,3	8,9	3,3	4,7

Примечание. * – респонденты давали более одного ответа на вопрос, поэтому сумма не сводима к 100%.

Молодежные организации выполняют ряд важных функций. Некоторые исследователи¹⁰ сводят их к только политической составляющей, оставляя за бортом анализа функции неполитических, творческих, социальных и иных объединений. На наш взгляд, они являются своего рода посредником между личностью и обществом: с одной стороны, они воздействует на социальную реальность в соответствии с интересами молодого человека, с другой – влияют и на его мировосприятие, облегчая процесс самоорганизации и самореализации. Исходя из этого, блок вопросов был посвящен значимости и функциям молодежных объединений. Большинство опрошиваемых (56,7%) считают, что молодежные объединения полезны для своего региона (табл. 2). Особенно на этом настаивают подростки (65,9%); 36,0% полагают, что это касается только решения отдельных конкретных проблем,

об этом чаще заявляли юные представители молодого поколения (46,7%). Это отражает запрос молодежи на решение в рамках объединений ее наиболее острых конкретных проблем. Кроме того, объединения выступают в качестве субъектов социальной политики, представляющих интересы различных групп молодежи, способствуя усилению роли молодежных инициатив, развитию институтов гражданского общества. Одновременно они способствуют сдерживанию деструктивных проявлений молодежной активности, сублимируя поток имеющейся энергии на благо эффективности организаций, обеспечивают реализацию их воспитательной и контрольной функций¹¹.

Отмечая проблемы, которые решаются посредством молодежных объединений, чаще других встречались повышение культуры, духовности населения (52,7%), развитие патриотизма

Таблица 2

Влияние возраста на мнение активистов молодежи о полезности ее общественных объединений для региона, % по возрастным категориям

Мнение по поводу полезности молодежных объединений для развития своего региона	Возраст			Итого
	14–19	20–24	25–29	
Да, полезны	65,9	42,2	60,7	56,7
Да, но только в решении некоторых проблем	29,5	46,7	32,8	36,0
Нет, не могут принести пользу	2,3	–	1,6	1,3
Затрудняюсь ответить	2,3	11,1	4,9	6,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

граждан (36,7%), профилактика наркомании и алкоголизма (34,7%), решение проблем социально уязвимых категорий населения (34,7%), профилактика преступности и правонарушений (32,3%), решение экологических проблем (32,0%), благоустройство дворов и улиц (31,3%), организация досуга (25,3%), защита интересов граждан, их прав и свобод (22,7%). Судя по ответам, в меньшей мере молодежь интересуют проблемы межнациональных отношений и их решение (9,33%), а также контроль над деятельностью органов власти (8,7%). Иными словами, репертуар повестки дня молодежных объединений достаточно широк, разнообразен и конкретен, что отражает широкий спектр социальных функций молодежных объединений. Одновременно это характеризует молодежные

объединения как организации, настроенные скорее не на общественно-политическую деятельность, а на решение локальных проблем казахстанского сообщества.

Значима деятельность молодежных организаций и для развития современного гражданского общества Казахстана (табл. 3). Так считают 44,7% опрошенных, преимущественно юных (48,9%). Представители зрелой молодежи более осторожно оценивают эту значимость: 57,4% из них (51,3% от общего) считают скорее значимой, чем нет. Это одновременно отражает гражданские ожидания молодежи от деятельности ее объединений, ее определенные амбиции и некоторый осторожный оптимизм в отношении формирования институтов гражданского общества в стране.

Таблица 3

Влияние возраста активистов на значимость деятельности молодежного объединения для современного гражданского общества, % по возрасту

Значимость деятельности молодежного объединения для современного гражданского общества	Возраст			Итого
	14–19	20–24	25–29	
Да, считаю значимой	47,7	48,9	39,3	44,7
Скорее да, чем нет	45,5	48,9	57,4	51,3
Скорее нет, чем да	2,3	2,2	1,6	2,0
Затрудняюсь ответить	4,5	–	1,7	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Каждый второй активист полагает, что есть все возможности реализации социальной активности молодежи через участие в мероприятиях ее объединения. Немного чаще других на этом настаивают молодые люди 20–24 лет (57,8%). И почти столько же (48,0%) оценивают это также позитивно, но более осторожно. Чаще других отличались ответы молодежи старше 25 лет (52,5%). Это свидетельствует о том, что основные ожидания самореализации молодых активистов от деятельности в объединениях оправдываются. Однако, когда активистам было предложено оценить ситуацию развития молодежных объединений в Казахстане по пятибалльной шкале (где 1 – практически не развиваются, 5 – очень успешно развиваются), то средний балл оценок оказался 3,29, т.е. на среднем уровне. Иными словами, молодежь не очень удовлетворена развитием сети своих объединений.

Тезис о трансгрессивности молодежи подтверждается тем, что 72,0% опрошенных активистов указали на Интернет как на основной источник информации о деятельности молодежных объединений. Однако сильны и традиционные привычки молодежи. Вторым по популярности источником информирования оказалось общение с родственниками, друзьями, близкими

(53,3%), что подтверждает значительную роль ресурсов сетевых социальных связей. Указали на передачи регионального телевидения 26,7% респондентов, на передачи центрального казахстанского телевидения – 13,3%, на радиопередачи – 12,0%. Социальная реклама на улицах, в общественном транспорте оказалась источником информации для 12,0% активистов. Другими источниками информирования стали местные газеты (10,0%), журналы (1,3%). Иными словами, в Казахстане поддерживается связь СМИ и молодежных объединений. Но то, что они оказались в конце рейтинга, свидетельствует о недостаточном отражении в них деятельности данных молодежных структур.

В качестве наиболее перспективных площадок для взаимодействия молодежи и ее объединений (табл. 4) активистам видятся сами молодежные объединения (60,7%), учебные заведения всех уровней образования (28,7%) и учреждения социального обслуживания населения (4,0%). Это, видимо, связано с тем, что учебные заведения, а особенно вузы, выступают местом сосредоточения наиболее передовой и образованной части казахстанской молодежи, что повышает эффективность ее социальных взаимодействий.

Таблица 4

Влияние возраста на мнение молодежи о наиболее перспективных площадках для взаимодействия молодежи и ее объединений, % по возрасту

Наиболее перспективные площадки	Возраст			Итого
	14–19	20–24	25–29	
Молодежные объединения	61,4	57,8	62,3	60,7
Вузы, техникумы, школы	20,5	35,6	29,5	28,7
Учреждения социального обслуживания	4,5	4,4	3,3	4,0
Затрудняюсь ответить	13,6	2,2	4,9	6,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

О степени реального участия активистов свидетельствует их вовлечение в мероприятия молодежных объединений. За 2017–2019 гг. респонденты принимали участие в культурно-массовых мероприятиях объединений (42,7%), конференциях (36,7%), праздничных шествиях, демонстрациях (36,0%), субботниках (32,7%), организационной работе общественных объединений (32,0%). Меньшей популярностью пользуются тренинги (26,0%), благотворительные мероприятия (25,3%), общественные слушания (14,0%). Таким образом, популярность мероприятий молодежных объединений больше зависит от социокультурного их содержания с включением эмоционально-положительного контекста, помогающего, с одной стороны, проявить себя (конференции, концерты), а с другой – почувствовать свое единение с другими участниками (шествия, демонстрации и т.д.)

Для уточнения мотивационных характеристик в исследовании было выделено три стимульных группы: мотиваторы участия в мероприятиях объединений, мотиваторы вступления в молодежное объединение и стимулы участия в деятельности объединений. Опрос показал, что основными мотиваторами молодых людей к участию в мероприятиях являются: желание быть полезным людям (41,3%), потребность развития организаторских способностей (39,3%), стремление к какому-либо идеалу (38,7%), воз-

можность знакомства с новыми людьми (35,3%), стремление повысить свой авторитет (34,0%), потребность разобраться в происходящем (23,3%), чувство гражданской ответственности (22,7%), возможность решать свои проблемы (20,7%), возможность заработка (11,3%) (табл. 5). Интересно, что здесь присутствуют как индивидуальные, так и социальные потребности молодежи, причем последние доминируют. Это свидетельствует о функциональной наполненности мероприятий этих молодежных объединений, об актуализации для данной части молодежи социальной солидарности как насущной потребности, ее значительном потенциале созидания.

Интересно, что для подростков 14–19 лет важнее, чем для других возрастных категорий, стало желание быть полезными людям (54,5%), стремление повысить свой авторитет, статус (40,9%), чувство гражданской ответственности (29,5%). Для молодежи 20–24 лет важнее других оказались стремление к какому-либо идеалу (40,0%), возможность знакомства с новыми людьми (42,2%), потребность разобраться в происходящем (37,8%), возможность решать свои проблемы (24,4%), возможность заработка (15,6%). Для молодежи 25–29 лет важнее других оказались потребность развития организаторских способностей (42,6%), стремление к какому-либо идеалу (41,0%) (см. табл. 5).

Таблица 5

Мотиваторы участия молодых людей в мероприятиях молодежных общественных объединений, % по возрасту* (по положительным ответам)

Мотиваторы	Возраст			Итого
	14–19	20–24	25–29	
Желание быть полезным людям	54,5	35,6	36,1	41,3
Потребность развития организаторских способностей	36,4	37,8	42,6	39,3
Стремление к какому-либо идеалу	34,1	40,0	41,0	38,7
Возможность знакомства с новыми людьми	36,4	42,2	29,5	35,3
Стремление повысить свой авторитет, статус	40,9	28,9	32,8	34,0
Потребность разобраться в происходящем	18,2	37,8	16,4	23,3
Чувство гражданской ответственности	29,5	15,6	23,0	22,7
Возможность решать свои проблемы	18,2	24,4	19,7	20,7
Возможность заработка	6,8	15,6	11,5	11,3

Примечание. * – респонденты давали более одного ответа на вопрос, поэтому сумма не сводима к 100%.

Таким образом, в результате различных акций существенно увеличились социальные ресурсы членов молодежных объединений, причем в соответствии с субъектными различиями их ожиданий. Эти мотивы выступают как непосредственный показатель самоопределения личности, востребованности и осуществимости ею своих субъектных гражданских прав, выражением понимания человеком своего социального статуса и возможностей, что подтверждается и данными других исследователей¹².

Контрольный вопрос о мотивации молодых людей к участию в деятельности молодежных объединений показал, что одними из главных «двигателей» являются знакомство с новыми людьми (44,0%), получение новых навыков и обретение нужного опыта (39,3%), получение собственного удовольствия (30,0%). Менее популярными стали реализация своих проектов (27,3%) и получение признания (23,3%). Иными словами, цели участия молодежи в деятельности своих объединений носят сугубо социально-индивидуалистический характер и сопрягаются с нацеленностью на увеличение своего социального потенциала и эмоциональной гедонистичностью.

В социальном механизме вовлечения молодежи в деятельность объединения, кроме мотивов, можно выделить и инструменты стимулирования. Стимулами, побудившими вступить в молодежное объединение, для большинства молодежи явились возможность самореализации (31,3%), советы знакомых (20,7%), множество свободного времени (20,7%), наличие собственных идей и проектов и невозможность их реализации самостоятельно (16,7%), удовлетворение потребностей в лидерстве (10,7%). Иными словами, здесь у представителей молодежи совпали

внутренние индивидуальные и социальные потребности в самореализации, позитивное влияние внешнего социального окружения, временные ресурсные возможности и личные амбиции, ожидание реализации собственных идей, своего социального капитала.

Следующий вопрос направлен на уточнение того, какие социальные функции реально и эффективно выполняют молодежные объединения. Индикаторами стали навыки, приобретенные молодежью в ходе взаимодействия в рамках своих объединений. Благодаря своей деятельности в объединениях молодые люди приобрели следующие навыки: умение планировать (51,3%), особенно это почувствовали подростки (61,4%); получение организационных навыков (49,3%), особенно подростки (59,1%); развитие точности и внимательности (40,0%), особенно 20–24-летние (48,9%); развитие лидерских навыков (34,0%), особенно 25–29-летние (39,3%). Для 29,3% представителей молодого поколения, особенно для подростков (34,1%) и зрелой молодежи (31,1%), важным оказалось развитие навыков личностного общения; для 28,0% молодежи, особенно 20–24-летних (33,3%) – развитие аналитического мышления (табл. 6). Таким образом, по мере деятельности в молодежных объединениях развиваются как личностные качества молодого поколения (точность, внимательность, аналитическое мышление), так и социальные (навыки планирования, самоорганизации, лидерства, общения). Иными словами, участие в деятельности молодежных объединений связано с механизмом осуществления ее потребностей и интересов и в то же время служит источником изменения личностных ценностных ориентаций, формирует определенные стереотипы сознания и поведения молодого поколения.

Таблица 6

Влияние возраста на мнение молодежи о навыках, которые у них развились в результате деятельности в молодежных объединениях, % по возрасту* (по положительным ответам)

Навыки	Возраст			Итого
	14–19	20–24	25–29	
Умение планировать	61,4	46,7	47,5	51,3
Организационные навыки	59,1	44,4	45,9	49,3
Точность и внимательность	40,9	48,9	32,8	40,0
Лидерские навыки	29,5	31,1	39,3	34,0
Развитые навыки устного общения	34,1	22,2	31,1	29,3
Аналитическое мышление	27,3	33,3	24,6	28,0

Примечание. * – респонденты давали более одного ответа на вопрос, поэтому сумма не сводима к 100%.

Самой распространенной проблемой, с которой сталкиваются молодежные объединения, является недостаточное финансирование (табл. 7). На это указывали большинство активистов

(67,3%), особенно 20–24-летние (71,1%). С большим отрывом в значимости, но второй в рейтинге проблем оказалось слабое взаимодействие между объединениями (16,0%). Немного больше

других на этом настаивали представители зрелой молодежи 25–29 лет (18,0%). На третьем месте в рейтинге проблем оказалось отсутствие связей с общественностью, СМИ (14,0%). Последнее место занимают некомпетентность и недостаточное взаимодействие внутри объединения (2,7%). Об этом в три раза чаще других говорили подростки (6,8%). Это еще раз акцентирует

внимание на существовании проблемного поля молодежных объединений, о котором упоминали эксперты¹³. Вместе с тем это показывает, что самоорганизация молодежных объединений ограничивается ее недостаточным опытом и требует соответствующей профессиональной подготовки или помощи специалистов по работе с молодежью.

Таблица 7

**Влияние возраста на мнение молодежи о проблемах,
с которыми сталкиваются молодежные объединения, % по возрасту**

Проблемы	Возраст			Итого
	14–19	20–24	25–29	
Недостаточное финансирование	61,4	71,1	68,9	67,3
Слабое взаимодействие между объединениями	15,9	13,3	18,0	16,0
Отсутствие связей с общественностью, СМИ	15,9	15,6	11,5	14,0
Некомпетентность и недостаточное взаимодействие внутри объединения	6,8	–	1,6	2,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Итак, социальными функциями молодежных объединений выступает достаточно широкий спектр предназначений:

1) социальная мобилизация молодежи, осуществление молодежью своих субъектных гражданских прав, своего социального статуса и возможностей, участие в выборах в федеральные государственные органы власти, органы власти субъектов РФ, местного самоуправления;

2) посредничество между молодыми гражданами, с одной стороны, и партиями, государством, обществом – с другой;

3) развитие молодежной солидарности, усиление роли молодежных инициатив в развитии институтов гражданского общества, защита и представление интересов молодых людей как в общественных, так и в государственных органах;

4) поддержка инициатив, которые направлены на решение проблем духовного, физического и интеллектуального развития молодого поколения; участие, помощь в разработке и реализации целевых международных, федеральных, региональных молодежных программ;

5) помощь в становлении социальных качеств личности, навыков самоорганизации, самореализации, коммуникации, способ удовлетворения социальных интересов и эмоциональных потребностей молодой личности;

6) влияние на мировосприятие молодежью ее ценностных ориентаций, формирование общественно одобряемых стереотипов сознания и поведения, непосредственный показатель самоопределения личности, ее востребованности;

7) реализация контрольной функции, сдерживание деструктивных проявлений молодежной активности.

Цели участия молодежи в деятельности своих объединений носят сугубо социально-инди-

видуалистический характер и сопрягаются с нацеленностью на увеличение своего социального потенциала и эмоциональной гедонистичностью. Этим объясняется широкий спектр репертуара повестки дня молодежных объединений, нацеленный на решение конкретных проблем казахстанского общества. При этом молодежь не очень удовлетворена развитием сети своих объединений. Растет популярность неполитических объединений, которые менее резонансны, но позволяют различным категориям молодежи самореализовываться, развиваться, проявить гражданскую инициативу, самостоятельность, реализовать свои личностные амбиции, объединить свои усилия для изменения жизни общества к лучшему.

Социальный механизм вовлечения молодежи в деятельность объединения проявляется через четыре структурных компонента, формирующих идентичность активистов: 1) вера в практическую полезность для объединения ресурсов каждого представителя молодого поколения; 2) существование значимых социальных связей между реальными участниками движения и их близким окружением; 3) подчеркивание значимости индивидуальной идентичности; 4) солидарность идеи, настроений эмоционально близкого социального окружения. Однако самоорганизация молодежных объединений ограничивается ее недостаточным опытом и требует соответствующей профессиональной подготовки или помощи специалистов по работе с молодежью.

Примечания

¹ См.: Массовые движения в демократическом обществе / под ред. Г. Г. Дилигенского. М. : Наука, 1990. С. 247.

- ² См.: *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005.
- ³ См.: *Халий И. А.* Современные общественные движения. М. : Ин-т социологии РАН, 2007.
- ⁴ Цит. по: *Павлова Т. В.* Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды : проблемы теории. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Pavlova_5_08.pdf (дата обращения: 12.02.2020).
- ⁵ См.: *Tilly Ch.* Social Movements, 1768–2004. London : Paradigm Publisher, 2004.
- ⁶ См.: *Яницкий О. Н.* Элементы теории социальных движений // Институт социологии РАН : [сайт]. 2012. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2429> (дата обращения: 06.11.2020).
- ⁷ См.: *Гидденс Э.* Устроение общества : Очерк теории структуризации. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005.
- ⁸ См.: *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998.
- ⁹ См.: *Хабермас Ю.* От картин мира к жизненному миру = Vonden Weltbildern zur Lebenswelt. М. : Идея-Пресс, 2011.
- ¹⁰ См.: *Замуленко А. Ю., Кисиленко А. В.* Молодежные общественные объединения в РФ [Электронный ресурс] // Научный диалог : вопросы социологии, политологии, философии и истории. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс». URL: https://interactive-plus.ru/article/17063/discussion_platform (дата обращения: 06.10.2019).
- ¹¹ См.: *Киалбекова А. Г.* К вопросу о функциональности молодежных организаций в Казахстане // Материалы II Форума молодых социологов Казахстана (в рамках V Конгресса социологов Казахстана «Стратегия Казахстан-2050 : социальное развитие общества» и V Конгресса социологов тюркоязычных стран «Национальные стратегии развития тюркоязычных стран»). Алматы : [б.и.], 2014. С. 481–483.
- ¹² См.: *Иваненков С. П., Кострикин А. В.* Проблемы исследования социальной активности молодежи // Credo New. 2009. № 3 (59). С. 84.
- ¹³ См.: *Алимбетова Ф. Е.* Тенденции развития молодежной политики в Республике Казахстан // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2014. № 1 (53). С. 46–51.

Поступила в редакцию 24.05.2021, после рецензирования 27.05.2021, принята к публикации 28.05.2021
Received 24.05.2021, revised 27.05.2021, accepted 28.05.2021

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 303–309

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 303–309

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-303-309>

Научная статья
УДК 323.2

Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье представлен результат осмысления противоречий между идейно-теоретическим обоснованием концептов «ускорение» и «перестройка» и их реальными результатами, которые стали одной из важнейших причин краха социалистической системы и разрушения СССР. Обоснован вывод о том, что данные противоречия были обусловлены стремлением инициаторов демократических преобразований разрешить накопившиеся проблемы в политической и социально-экономической сферах страны за счет идеологической мотивации и агитационно-пропагандистского стимулирования организационного потенциала КПСС и активной части советского общества. Однако апелляция к субъективному фактору, как определяющей предпосылке успешности перестройки, не была подкреплена ее целостным идеологическим обоснованием. Попытки подведения теории под процессы демократического реформирования СССР за счет концептуальной десталинизации, обращения к ленинскому наследию и использования потенциала «гласности» привели к утрате идеологической преемственности и идейному расколу в партии и обществе. В результате был подорван и нивелирован тот субъективный потенциал, который должен был стать главной движущей силой строительства социализма «с человеческим лицом».

Ключевые слова: «ускорение», перестройка, «гласность», концептуализация демократических преобразований, субъективный фактор перестройки

Для цитирования: Вилков А. А. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 303–309. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-303-309>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

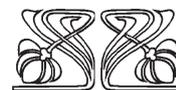
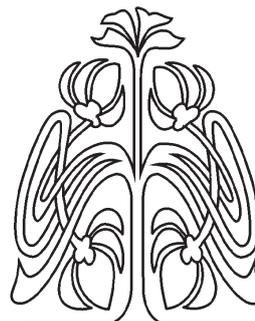
Perestroika in the USSR: Between the ideological concept and reality

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. The article presents the result of reflection on the contradictions between the ideological and theoretical substantiation of the concepts “acceleration” and “perestroika” and their real results, which became one of the most important reasons of collapse of the socialist system and the USSR. The conclusion is drawn that these contradictions were caused by the desire of the initiators of democratic transformations to resolve the accumulated problems in the political, social, and economic spheres of the country through ideological motivation and agitation and propaganda stimulation of

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

the organizational potential of the Communist Party of the Soviet Union and the active part of Soviet society. However, the appeal to the subjective factor as the determining prerequisite for the success of "perestroika" was not supported by its holistic ideological justification. Attempts to fit theory into the processes of democratic reform of the USSR through conceptual de-Stalinization, appeal to Lenin's legacy and use of the potential of "glasnost" led to the loss of ideological continuity and ideological split between the party and society. As a result, the subjective potential that was supposed to become the main driving force behind the construction of socialism "with a human face" was undermined and neutralized.

Keywords: "acceleration", perestroika, "glasnost", conceptualization of democratic transformations, subjective factor of perestroika

For citation: Vilkov A. A. Perestroika in the USSR: Between the ideological concept and reality. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 303–309 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-303-309>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

30 лет назад закончился неудачей один из самых значительных в мировой истории социальный эксперимент по строительству в СССР общества социальной справедливости. Значимость осуществления социалистического проекта в нашей стране определялась, прежде всего, тем, что мировому сообществу на практике было продемонстрировано политическое и социально-экономическое общественное устройство, представляющее альтернативу капиталистической системе с ее очевидными проблемами и противоречиями. Тем самым социалистический проект стал мощным внешним стимулом демократических и социальных преобразований в ведущих капиталистических странах и их трансформации в социальные государства. В результате семи десятилетий соревнования и противостояния двух общественных систем произошли тектонические изменения всего мирового устройства, которые в значительной своей части сохранились и после разрушения СССР. Более того, потенциал социалистической модели продолжает демонстрировать КНР, превратившаяся в последние годы в мощного конкурента США и их союзников и представляемой ими либерально-демократической рыночной модели.

По сей день не утихают дискуссии о причинах разрушения СССР и социалистической системы в Восточной Европе. Тридцатилетняя дата завершения перестройки в очередной раз стимулирует возможность для осмысления сущности данного явления, его потенциальных и нереализованных возможностей. Непреходящая актуальность изучения основных направлений реформирования советской системы и их результатов в период перестройки обусловлена тем, что последовавшее после краха СССР радикальное либерально-демократическое преобразование всех сфер российского общества в значительной степени определялось именно его предшествующим состоянием. Массовое разочарование в итогах перестройки социалистической системы стало одним из ключевых факторов победы сторонников либерально-демократического развития страны. В то же время сами ожидания, внедренные в массовое сознание в перестроечный период, стали не менее значимым фактором негативного восприятия и оценки российскими гражданами радикальной ломки всех сфер общественной жизни постсоветского периода.

Эти ожидания в значительной степени повлияли на характер, направленность и скорость либеральных политических и социально-экономических преобразований в постсоветской России. Они были подчинены, прежде всего, задаче максимального уничтожения основ социалистического устройства, которое бы сделало невозможным его реставрацию в том или ином виде. Эта задача предопределила и расстрел Белого дома в октябре 1993 г., и характер принятой в декабре того же года Конституции РФ, в которой Президенту отводилась доминирующая роль в системе разделения властей, сдержек и противовесов. Использование мощного манипуляционного информационно-коммуникативного потенциала и административного ресурса на президентских выборах 1996 г. также должно было обеспечить любым способом победу Б. Н. Ельцину как гаранту от возможного возврата к социализму в случае вполне реальной победы его коммунистического конкурента. Тем самым именно либералами был заложен в 1990-е гг. политический и социально-экономический фундамент общественной модели, которая получила свое дальнейшее развитие в 2000-е гг. уже на иной мировоззренческой и идеологической основе. Однако и ее политические инициаторы осуществляют в последние два десятилетия свой консервативный курс на основе управляемой демократии с постоянной оглядкой на массовые настроения, которые в значительной степени обусловлены социалистическим прошлым современной России.

На наш взгляд, всесторонний анализ теоретического и практического наследия периода перестройки дает возможность глубже осмыслить перспективы дальнейшего развития современной России, прежде всего в контексте левых трактовок социальной справедливости политического и социально-экономического устройства Российского государства. Поэтому актуальным остается вопрос: насколько закономерным был крах перестройки и каково было соотношение объективных и субъективных причин ее завершения либеральной революцией. Это особенно важно с учетом того, что психологическая травма от последствий данного периода проявляется у значительной части современного российского населения¹.

В научном дискурсе достаточно распространены являются различные вариации объяс-

нений разрушения СССР, сторонники которых акцент делают на том, что ключевые причины коренятся во внутренних свойствах тоталитарного советского строя, не способного конкурировать с открытой демократической системой и рыночной экономикой западноевропейских стран. Спектр вариативности таких объяснений достаточно широк – от принципиальной негативной оценки онтологической сущности СССР как системы, основанной на насилии, до признания неспособности выйти из порочного круга экстенсивности плановой экономики.

В качестве примера упрощенного подхода к объяснению причин провала перестройки можно привести следующее: «"Перестройка" как государственная политика на самом деле была результатом глубокого кризиса, который пронизал всё советское общество. Политическая система страны была однопартийная, коммунистическая. Наиболее сознательные граждане СССР были во многом расстроены, так как видели и могли наблюдать демократический процесс в действии по всей Европе и в Соединенных Штатах Америки»². Очевидно, что такое объяснение, подразумевающее изначальный либеральный смысл и вектор перестройки, очень далеко от реального содержания, которое публично декларировалось ее «архитекторами». Тем более, отсутствовало восприятие либерального смысла перестроечных процессов в массовом сознании советских граждан, большинство которых до самого последнего момента существования СССР были убеждены в необходимости реформирования именно социалистической системы. Голосование на референдуме в марте 1991 г. по вопросу о необходимости сохранения СССР стало наиболее наглядным и убедительным тому свидетельством, когда положительный ответ дали 76,4% опрошенных.

Более взвешенный подход представлен исследователями, которые акцент делают на экономической мотивации перестройки как объективной ее основы. То есть это трактовка перестройки как реакции на мировые тенденции интенсификации производства, возрастание значимости НТП и процессов постиндустриальной модернизации и соответствующее отставание СССР по уровню производительности труда, по темпам экономического роста, усиление зависимости народного хозяйства от импорта сырья и цен на него на мировом рынке³. Эти тенденции, по мнению исследователей, были характерны и для всей мировой социалистической системы: «Провал СЭВ отразил неконкурентоспособность плановой модели интеграции по сравнению с рыночной, которая усиливалась по мере роста значимости торговли в развитии мировой экономики. Несмотря на это, СЭВ внес заметный вклад в развитие международных экономических отношений»⁴. В связи с данной трактовкой возникает резонный вопрос: почему Китай, у которого были гораздо более слабые исходные экономиче-

ские позиции, чем у СССР, смог в это же время успешно синтезировать преимущества плановой и рыночной экономики и демонстрировать их на протяжении последующих трех десятилетий в рамках строительства социализма с китайской спецификой и без ликвидации политической монополии КПК?

В западной историографии демократические процессы в СССР в период перестройки чаще всего рассматривают в рамках транзитологии. Однако, по утверждению С. А. Величко, «вопросам необратимости демократических преобразований, причинам кризиса и краха КПСС, содержанию и последствиям транзита демократических идей, региональным процессам демократизации посвящены лишь отдельные статьи и брошюры как за рубежом, так и в отечественной исторической науке»⁵. Сама автор исследование причин и результатов перестройки осуществляет в рамках транзитологической парадигмы на основе «воронки причинности» и полифакторного анализа. В соответствии с этим она выделяет семь условных уровней переменных факторов и семь предпосылок демократического транзита для СССР середины 80-х гг. XX в. Данные факторы С. А. Величко ранжирует от макроуровня (международные, нациообразующие) до микроуровня (индивидуальные, личные политико-психологические факторы)⁶. В соответствии с этими уровнями исследователь выделяет предпосылки демократического транзита в СССР, которые, по ее мнению, являются причинами перестройки. К ним она относит «международные коммуникационные связи и туризм»; выросшее «новое поколение, не запуганное угрозами репрессий», восприимчивое к «либеральным демократическим идеям»; «появление латентного среднего класса»; «рост образовательного уровня населения»; «ускоренные темпы урбанизации». Важнейшую субъективную причину начала перестройки автор формулирует следующим образом: «...желание самой элиты начать преобразование, осознание того, что без модернизационных процессов не обойтись, желание части элиты, разочаровавшейся в марксизме-ленинизме, закрепить за собой часть общенародной собственности. Именно элита выдвинула из своей среды М. С. Горбачева, который изначально оставался сторонником социалистической системы и выступал лишь за некоторые ее преобразования, но начавшаяся реформаторская деятельность привела к необратимым для советской системы последствиям и стала частью третьей волны демократизации во всем мире»⁷.

Как представляется, в данном обосновании эклектично соединены «конспирологическая теория» и транзитологическая концепция. Причем автор, по сути, обозначила внутренний вариант «заговора», когда М. С. Горбачев рассматривается не как ставленник «мировой закулись», а как «выдвиженец» части советской элиты, изначально ориентированной на разрушение социалисти-

ческой системы и приватизацию общенародной собственности. Фактически такой подход является одной из вариаций обоснования изначальной «обреченности» социалистического проекта в нашей стране, сторонники которой утверждают, что системный кризис в советском обществе возможно было разрешить только переходом к либерально-демократической модели развития.

На наш взгляд, и внутренний и внешний факторы «заговора» действительно имели место, но проявили они себя и приобрели определяющее значение уже в ходе перестройки, в рамках обоснования тупиковости социалистического варианта развития страны.

Примечательно, что сегодняшние сторонники концепции «нереформируемости» социалистической системы фактически повторяют основные аргументы экс-посла США в СССР Дж. Мэтлока. В своих мемуарах он безапелляционно констатировал: «... Советский Союз обладал крупнейшей на планете военной машиной... Страною управляла, казалось бы, крепкая как монолит партия, располагавшая не имеющим аналогий аппаратом подавления. Щупальца ее разветвленной бюрократии достигали самых потаенных уголков жизни граждан. Ее идеология похвалялась, что знает, как усмирить приливные волны истории. Как могло такое государство рухнуть само собой? Если бы у меня все же потребовали ответа, я, наверное, сказал бы, что система была изначально порочна и обречена рано или поздно погибнуть; ее руководители виновны в ужасающих преступлениях против человечества, а история умеет сводить счеты; экономическая система была иррациональна и неспособна конкурировать в современном мире; идеология утратила силу и не могла больше поддерживать веру; попытка использовать военную мощь для утверждения гегемонии и поддержания “престижа” провалилась и так далее, и так далее...»⁸.

В то же время Мэтлок открыто в мемуарах говорит о том, что всю свою деятельность на дипломатическом поприще он сам, как официальный представитель США, посвятил разрушению социалистической системы. Это была изначальная стратегия американского государства и его союзников, которые видели смертельную угрозу либерально-демократической системе в самом факте существования альтернативной модели общественного развития. Холодная война на протяжении десятилетий осуществлялась не только в рамках жесткого противостояния двух систем в политической, военной и социально-экономической сферах, но и в разнообразной подрывной деятельности, направленной на разрушение идеологических и мировоззренческих основ социалистического общества. Выбранный Горбачевым вариант модернизации страны создал идеальные условия для успешной реализации именно этого направления холодной войны против СССР и системы социализма в Восточной Европе.

Многие сегодняшние исследователи забывают тот факт, что процессы демократических преобразований начались не с перестройки, а с концептуализации понятия «ускорение». Исходным тезисом для этого стало официальное признание замедления темпов социально-экономического развития СССР. Сделано оно было еще на июньском 1983 г. Пленуме ЦК КПСС генсеком Ю. В. Андроповым, который объяснил торможение объективными трудностями и субъективными причинами⁹, Постепенно проявление проблем в развитии советского общества стало обозначаться понятием «застой», одним из наглядных проявлений которого стало утверждение в качестве генсека тяжело больного К. У. Черненко. На XXVII съезде КПСС проявление «застойных явлений» в СССР уже однозначно было объяснено, прежде всего, субъективными причинами, когда «практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. ... Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма – все это наносило немалый ущерб делу»¹⁰.

Приход к власти молодого М. С. Горбачева должен был восприниматься в обществе как стремление преодолеть инерцию человеческого фактора в руководстве партии и во всех сферах общественной жизни. Более того, именно обновление партийно-государственной, хозяйственной элиты должно было стать главным фактором и приводным ремнем ускорения социально-политических и социально-экономических процессов советского общества. В качестве теоретического обоснования решающей роли субъективного фактора в концептуализации «ускорения», а затем и перестройки в целом стало обращение к ленинскому наследию, точнее, к его «новому прочтению».

В качестве одного из важнейших источников была использована работа «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», в которой В. И. Ленин полемизировал с меньшевиками по поводу отсутствия в России объективных социально-экономических предпосылок для строительства социализма: «... а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»¹¹. То есть приход большевистской партии к власти и использование разнообразных государственных ресурсов рассматривались В. И. Лениным как важнейшие основания, которые компенсировали отсутствие объективных предпосылок для строительства социализма в преимущественно аграрной России. Подобная абсолютизация субъективного фактора была характерна и для обоснования Сталиным возможности строительства социализма в отдель-

но взятой стране и на протяжении всего периода истории СССР в качестве мотивирующего фактора участия советских граждан в решении грандиозных задач социалистических преобразований.

Активизация этого субъективного потенциала, по замыслу М. С. Горбачева, должна была стать главным двигателем процесса «ускорения» и перестройки: «...та особая полоса исторического процесса, через которую проходят советское общество и весь мир, требуют от партии, от каждого коммуниста творчества, новаторства, умения выйти за рамки привычных, но уже отживших представлений»¹². То есть однозначно, что начальный этап реформирования советского общества в своем теоретическом и практическом оформлении ни в малейшей степени не предполагал отхода от концепции социалистического строительства. Приверженность социализму в этот период демонстрировал и будущий лидер либерально-демократических сил Б. Н. Ельцин, который на XXVII съезде КПСС подчеркивал, что и подготовка, и работа съезда «идут как бы по ленинским конспектам»¹³.

Примечательно, что акцент на необходимости учитывать также объективные законы общественного развития на съезде был сделан лишь Председателем Совета Министров РСФСР В. И. Воротниковым: «Хорошо известно, что великое преимущество нашего строя – возможность сознательно и планомерно управлять общественными процессами на основе глубокого познания их закономерностей. Но мы знаем и другое: любое отступление от них больно мстит за себя, сбивает с созидательного ритма»¹⁴. Несмотря на то что его тезис формально был обращен к периоду «застоя», апелляция к необходимости учитывать объективные экономические законы оказалась пророческой и в отношении процессов перестройки. Тем не менее, официальная установка на активизацию именно субъективного потенциала «ускорения» политического и социально-экономического развития была подкреплена и в постановлении ЦК КПСС от 16 августа 1986, которое легитимировало концепцию «ускорения» как наиболее полное выражение «объективных требований современного этапа развития советского общества»¹⁵.

Тем самым определяющая роль субъективного фактора была возведена постановлением до уровня ее восприятия в качестве соответствующей объективным закономерностям развития СССР и получила дальнейшее обоснование на теоретическом уровне в одном из главных журналов КПСС «Коммунист». Более того, официальный призыв ко всем коммунистам и советским гражданам активно подключаться к процессам «ускорения» означал, что они могут следовать своим собственным представлениям о возможностях этого соучастия, а не объективным законам общественного развития, канонизированным марксистско-ленинской идеологией. Как представляется, этот призыв к творческой интерпретации задач «ускорения»,

а затем и перестройки стал одной из причин неоднозначности их восприятия и понимания со стороны коммунистов и представителей советской общестственности. Эта дискуссионность стала преподноситься как отражение и неиссякаемый источник живого творчества не только теоретиков марксизма-ленинизма и партийно-государственных деятелей, но и рядовых членов КПСС и представителей общественных организаций. Как оказалось, такое понимание роли дискуссий как базы для развития демократического социализма было фатальной ошибкой, которое впоследствии стало одной из причин раскола в КПСС, дискредитации преимуществ социалистического строя и прихода к власти сторонников радикальных либеральных преобразований.

Обоснование возможности плюрализма мнений в рамках дискуссий по важнейшим общественным вопросам было реализовано в рамках концептуализации понятия «гласность». Последнее мыслилось как инструмент вскрытия и конструктивного разрешения накопившихся проблем внутри партии и в различных сферах общественной жизни, а также для переосмысления так называемых «белых пятен» в истории страны. При этом обозначилось несколько ключевых направлений исторических дискуссий, которые вышли за рамки специализированных и стали предметом публичных обсуждений.

Официальный ракурс идеологической работы был конкретизирован Постановлением ЦК КПСС «Основные направления перестройки системы политической и экономической учебы трудящихся» 1987 г., в котором подчеркивалось: «Развертывая борьбу за обновление общества, партия исходит из того, что под эту огромную работу необходимо подвести прочный фундамент убеждения. Формировать сознание миллионов советских людей, изменять их психологию и мышление в духе перестройки – одна из ключевых задач идеологической деятельности»¹⁶.

Наиболее активно, с подключением не только историков, но и писателей, публицистов, общественных деятелей, осуществлялось «разоблачение сталинизма» на основе выявления его «отклонения от ленинизма». Поэтому одним из первых тезисов концепции «ускорения», а затем и перестройки стал лозунг «назад к Ленину»¹⁷, который впоследствии был трансформирован в тезис «Больше демократии! Больше социализма!». На практике апелляция к наследию В. И. Ленина была сведена в основном к его последним письмам и статьям, в которых содержались очень краткое видение вождем перспектив социалистического строительства в одной стране и личностные характеристики (в основном нелицеприятные) ведущих большевистских лидеров, в том числе Сталина. О доминировании антисталинского вектора концептуализации перестройки свидетельствует, например, тот факт, что в журнале «Известия ЦК КПСС», редакционный совет которого возглавлял

сам М. С. Горбачев, был опубликован полный доклад Н. С. Хрущева XX съезду КПСС «О культуре личности и его последствиях»¹⁸.

Дискуссия по теоретическим вопросам социалистического строительства велась преимущественно историками¹⁹, но постепенно приобрела более широкий резонанс, в котором акценты были смещены совсем в иную плоскость, в том числе и в отношении личности самого В. И. Ленина. В интервью журналисту «Комсомольской правды» Е. А. Котеленец (одна из авторов современной монографии о культуре Ленина²⁰) охарактеризовала этот публичный ракурс в период перестройки таким образом: «Исторический Ленин стал определяться как Антихрист XX века, социальный еретик, проводник жестокой философии. Общественная полемика обернулась проклятиями и нездоровым интересом к частной жизни вождя. К его родословной, любовному треугольнику, немецким деньгам и желанию поражения своему правительству»²¹.

Тем самым «гласность» из официально заявленного средства совершенствования теории и практики социалистического строительства превратилась в инструмент внедрения нигилистических настроений по отношению не только к «сталинской модели» социализма, но и к «ленинскому» варианту концептуализации перестройки. В результате первоначальное ее обоснование, символически концентрированное в сборнике 1988 г. «Иного не дано. Перестройка, гласность, демократия, социализм», постепенно трансформировалось в деидеологизированный тезис «Так жить нельзя», нашедший символическое отражение в художественно-публицистическом фильме С. Говорухина 1990 г.

Таким образом, концептуализация «ускорения», а затем и перестройки затронула ретроспективно сложный комплекс теоретических и практических проблем, с которыми столкнулись большевики после прихода к власти. В этой связи историками и публицистами были актуализированы исторические сюжеты, отражавшие идейно-мировоззренческие противоречия среди лидеров ВКП(б), о перспективах строительства социализма в одной стране. Доминирующим итогом исторического обращения к данным сюжетам стала реабилитация как личностей основных оппонентов Сталина, так и их взглядов на стратегию и тактику политического и социально-экономического развития страны в 1920–1930-е гг. Тем самым подводились исторические обоснования под формирование в массовом сознании установки на восприятие ошибочности выбора сталинской модели ускоренного строительства социализма. Ее неизбежным следствием стало формирование административно-командной системы, противоречащей, по мнению идеологов перестройки, теории К. Маркса и В. И. Ленина. Эта модель была воплощена только в результате расправы Сталина и его единомышленников со своими политичес-

кими оппонентами, идеи которых были более близки к «классической» теории социализма.

Ретроспективная критика реального опыта строительства социализма в СССР на основе выявления его «отклонений» от теоретического наследия классиков социализма и коммунизма создавала определенный когнитивный диссонанс и психологическое противоречие в сознании советских граждан о целесообразности самого исторического выбора социалистической модели общественного развития. По замыслу «архитекторов» перестройки, данный внутренний конфликт должен был быть снят внедрением в массовое сознание убежденности в том, что вот теперь, фактически с «чистого листа», есть возможность изменить сложившуюся политическую и социально-экономическую систему на основе возвращения к основам демократического социализма «с человеческим лицом».

Однако заявленная динамика демократических преобразований и их всеобъемлющий масштаб изначально не были подкреплены концептуально завершенной идеологией и никакими конкретными выкладками реформирования в экономической сфере. Расчет делался на субъективный фактор – инициативу, дисциплинированность и энергию КПСС как «руководящей и направляющей силы» и энтузиазм и творчество масс. Однако на практике субъективный потенциал перестройки стал ее самым слабым местом. Обусловлено это было тем, что с помощью инструмента «гласности» наиболее радикальные разоблачители сталинского наследия именно с Коммунистической партией стали связывать и «ошибки» выбора насильственной модели строительства социализма, и раскулачивание, и массовые репрессии, и огромные потери в Великой Отечественной войне, и все прочие выявленные «белые» и «черные» пятна советской истории. В результате в КПСС стал нарастать раскол. Он был вызван, с одной стороны, несогласием значительной части членов партии с такой интерпретацией исторического прошлого страны и, соответственно, с самим курсом перестройки. С другой стороны, в рядах КПСС выделилась часть коммунистов («Демократическая платформа в КПСС»), которая наиболее активно стала выступать за отмену ст. 6 Конституции СССР и радикальное преобразование всей политической системы страны. Тем самым монолитное единство КПСС как сплоченной и дисциплинированной политической силы было подорвано, а ее ресурсы значительно ослаблены.

Особое значение имели также деструктивные общественно-политические процессы, которые набирали силу в ряде советских республик. Деятельность разнообразных народных фронтов и общественных организаций, открыто выступающих за выход из СССР, усугубляла ситуацию особенно в экономической сфере, так как стимулировала развал единого народнохозяйственного комплекса страны.

Среди рядовых граждан также нарастало массовое недовольство, особенно на фоне нарастания кризиса в экономической сфере и в связи с повсеместным дефицитом жизненно важных продовольственных и бытовых товаров. К этому добавилось массовое раздражение от негативных последствий антиалкогольной кампании, которые воспринимались как искусственно созданные инициаторами перестройки.

Позиции КПСС неуклонно слабели на фоне данного кризиса, возрастания процессов «гласности» и институционализации политических сил, которые открыто заявили о необходимости разрыва с тоталитарным прошлым страны. Позиционируя себя в качестве сторонников демократического развития, представители данных сил не акцентировали внимание на его идеологическом обосновании. Именно они стремились внедрить в массовое сознание убежденность в том, что «так жить нельзя», которая должна была подготовить почву для последующего позитивного восприятия либерально-демократических и рыночных ценностей. Отмена шестой статьи Конституции СССР, закреплявшей руководящую роль КПСС в политической системе общества, стала ключевой предпосылкой выхолащивания и дискредитации ее преобразовательного потенциала, который изначально рассматривался в качестве главного субъективного ресурса перестройки. Это и стало одной из причин того, что деморализованная многомиллионная коммунистическая партия не смогла ничего противопоставить политическим силам, открыто сделавшим ставку на разрушение СССР и переход к либерально-демократической модели развития страны.

Примечания

- ¹ См.: Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 40. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100204>
- ² Ашмаров И. А. «Перестройка» как попытка модернизации советской системы управления : план и реальность // Проблемы эффективности государственной власти : внешние и внутренние факторы динамичного развития России : материалы III межрегион. науч.-практ. конф. Воронеж : Научная книга, 2017. С. 20.
- ³ См.: Боронова М. М. Опыт несостоявшейся модернизации : истоки и уроки современного кризиса // Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова : материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Уде : Изд-во Бурят. гос. ун-та им. Доржи Банзарова, 2017. С. 65.
- ⁴ Вардомский Л. Б. Забытая интеграция : провал и уроки Совета экономической взаимопомощи // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 3. С. 186. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-3-10>
- ⁵ Величко С. А. Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) в зарубежной историографии // История современности : информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом : доклады Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во РГГУ, 2019. С. 86.
- ⁶ См.: Величко С. А. Причины начала перестройки в СССР (30-летию появления термина «перестройка» посвящается) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 5.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ Мэтлок Дж. Ф. Смерть империи : Взгляд американского посла на распад Советского Союза / пер. с англ. Т. Кудрявцевой, В. Мисюченко. М. : Рудомино, 2003. С. 16.
- ⁹ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14–15 июня 1983 года. М. : Политиздат, 1983. С. 8–9.
- ¹⁰ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года : стенографический отчет : в 3 т. М. : Политиздат, 1986. Т. 1. С. 24.
- ¹¹ Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Сочинения. 4-е изд. : в 38 т. Т. 33. М. : Политиздат, 1953. С. 437–438.
- ¹² XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 25.
- ¹³ Там же. С. 140.
- ¹⁴ Там же. С. 131.
- ¹⁵ КПСС о перестройке. Сборник документов. М. : Политиздат, 1988. С. 149.
- ¹⁶ Там же. С. 215.
- ¹⁷ Впервые лозунг был использован еще Троцким в период его изгнания из СССР для критики термидорианского перерождения ВКП(б).
- ¹⁸ См.: О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.
- ¹⁹ См.: Суровая драма народа : Ученые и публицисты о природе сталинизма. М. : Политиздат, 1989 ; Урок дает история : сб. ст. / сост. А. А. Ильин ; под общ. ред. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова. М. : Политиздат, 1989 ; Историка спорят. 13 бесед / под общ. ред. В. С. Лельчука. М. : Политиздат, 1989 ; Трудные вопросы истории : Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты / под ред. В. В. Журавлева. М. : Политиздат, 1991 ; Архивы раскрывают тайны... Международные вопросы : события и люди / сост. Н. В. Попов. М. : Политиздат, 1991 и др.
- ²⁰ См.: Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Ленин. Культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. М. : Изд-во АИРО-XXI, 2020.
- ²¹ Емельянов И. Кто и как создавал Культ Ленина, а потом разрушал его. URL: <https://kp.ru/daily/27229/4355335/> (дата обращения: 07.04.2021).

Поступила в редакцию 20.05.2021, после рецензирования 25.05.2021, принята к публикации 30.05.2021
 Received 20.05.2021, revised 25.05.2021, accepted 30.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 310–315

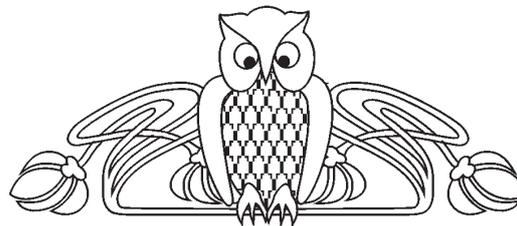
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 310–315

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-310-315>

Научная статья
УДК 32.019.51

Грани медиаобразования в трудах научной школы А. В. Федорова: политические аспекты

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Аннотация. Эмпирической основой данной статьи стали пять монографий А. В. Федорова и его коллег, опубликованные в 2013–2015 гг. Автор обращает внимание на отдельные, наиболее, на его взгляд, актуальные и важные в настоящий момент сюжеты, затрагиваемые в рассматриваемых работах. Обосновывается тезис о том, что в современных условиях все более очевидной становится необходимость развития социально-политического направления медиаобразования.

Ключевые слова: медиаобразование, политика, медиаграмотность, манипулирование, массмедиа

Для цитирования: Казаков А. А. Грани медиаобразования в трудах научной школы А. В. Федорова: политические аспекты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 310–315. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-310-315>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Media education facets within writings of A. V. Fedorov's scholarly group: Political dimension

А. А. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. Empirical base of this article is comprised of five monographs by A.V. Fedorov and his colleagues published from 2013 to 2015. The author highlights several, from his point of view, the most urgent and important issues touched on in the writings considered. An idea is substantiated that necessity to develop social and political model of media education is becoming patently obvious nowadays.

Keywords: media education, politics, media literacy, manipulation, mass media

For citation: Kazakov A. A. Media education facets within writings of A. V. Fedorov's scholarly group: Political dimension. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 310–315 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-310-315>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Интенсивное развитие технологий и динамичное проникновение Интернета в повседневную жизнь людей стали ключевыми факторами трансформации массовой коммуникации. Так, по данным агентства «We are social» и сервиса «Hootsuite», каждую секунду доступ к Интернету впервые получают одиннадцать человек¹. В день, таким образом, пользователей Сети становится почти на миллион больше. С 2012 г., когда таковых было 2 млрд чел., их количество удвоилось до сегодняшних 4,9 млрд (данные приведены по состоянию на 30 сентября 2020 г.². Стало быть, если нынешняя динамика прироста сохра-

няется, уже через 10–12 лет охват человечества «всемирной паутиной» будет близким к стопроцентному.

Схожая с общемировой картина наблюдается и в нашей стране. Согласно исследованиям компании «Mediascope», в 2020 г. Интернетом в России хотя бы раз в месяц в среднем пользовались 95,6 млн чел. старше 12 лет, что составляет около 78,1% населения страны. При этом показатель проникновения Интернета в России среди более молодого населения (до 44 лет) в 2020 г. превысил 90%, а среди самых молодых россиян (12–24 лет) и вовсе приблизился к 100%³.

Вполне закономерно, что чем больше становится пользователей Интернета, тем больше информации они производят. Согласно докладу аналитической компании IDC «Эра данных 2025», к 2025 г. объем всех данных в мире достигнет 163 зеттабайт, что в десять раз больше, чем аналогичный показатель в 2016 г., и более чем в тысячу раз по сравнению с 2006 г.!⁴ Получается, что объем информации на Земле увеличивается в геометрической прогрессии. Однако совершенно очевидно, что возможности человеческого мозга по ее переработке развиваются далеко не столь же быстро (если вообще не ухудшаются из-за имеющих сегодня место информационных перегрузок).

В этой связи существенно возрастает и без того важная роль медиаобразования. Как не утонуть в этом постоянно пополняемом океане данных и информации? Как найти в нем то, что необходимо, и отсеять ненужное, недостоверное, вредное? Как правильно понять и интерпретировать найденное? Наконец, как защитить себя и окружающих от фейков и манипуляций? На наш взгляд, именно качественное медиаобразование способно предложить квалифицированные ответы на эти (и многие другие!) вопросы.

Ярко выраженным лидером развития медиаобразования в России является научная школа, возглавляемая А. В. Федоровым. Важно отметить, что первенство данного исследовательского центра признано как на отечественном, так и на международном уровнях: в 2019 г. А. В. Федоров первым из российских педагогов получил почетную международную награду «Глобальная медийная и информационная грамотность» (Global Media and Information Literacy Award – 2019), ежегодно присуждаемую при участии ЮНЕСКО за выдающиеся достижения и руководящую роль в области информации и медиа.

За прошедшие тридцать с лишним лет А. В. Федоровы и его учениками были опубликованы десятки монографий и сотни статей в научных журналах, в том числе в зарубежных, входящих в престижнейшие базы данных Scopus и Web of Science. Тщательно разработаны самые разнообразные аспекты медиаобразования, сформулированы практические рекомендации по его развитию в школах, вузах и учреждениях дополнительного образования. Во многом именно усилиями А. В. Федорова впервые в отечественной истории в Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования введена специализация «Медиаобразование».

Накопленный данной научной школой опыт, безусловно, требует осмысления. В этом плане трудно не согласиться с А. В. Федоровым и его коллегами, полагающими, что «нельзя успешно и эффективно развивать медиаобразование без систематизации и обобщения имеющихся его направлений и процессов в европейском и мировом контексте»⁵. Добавим лишь, что отече-

ственный контекст как минимум не менее важен. Отрадно видеть, что отдельные попытки творческого обобщения сформулированных представителями этой школы идей, моделей и концепций уже предпринимаются⁶. Однако подготовленный представителями таганрогской научной школы медиаобразования пласт исследовательских работ и трудов настолько обширен, что позволяет (а в каком-то смысле даже обязывает) отдельно анализировать самые разные аспекты их творческого арсенала.

Эмпирической базой нашего анализа стали пять монографий А. В. Федорова и его коллег, опубликованные в 2013–2015 гг. Все они так или иначе посвящены истории и современным особенностям и моделям развития медиаобразования в России, странах ближнего и дальнего зарубежья. Помимо тематической направленности, объединяющей эти издания чертой является также и то, что в них содержится не только скрупулезный теоретический разбор рассматриваемых сюжетов, но и весьма существенная практическая составляющая: словари относящихся к медиаобразованию терминов, программы учебных курсов, подборки публикаций, адреса профильных сайтов, анкеты, варианты тестов и заданий, которые можно использовать на медиаобразовательных занятиях.

Разумеется, целью настоящей статьи не является изложение основного содержания указанных трудов. Все они находятся в открытом доступе на соответствующих интернет-ресурсах, и потому любой увлеченный медиаобразовательной тематикой человек наверняка найдет в них то, что интересно именно ему. Скорее, мы обратим внимание на отдельные важные моменты, которые в настоящий момент, по нашему мнению, особенно актуальны или же носят дискуссионный характер. Кроме того, все они так или иначе имеют прямое или косвенное отношение к политике.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на отдельные терминологические нюансы. С определенного момента термину «медиаграмотность» А. В. Федоров предпочитает «медиакомпетентность», считая его «более точно определяющим суть имеющихся у индивида умений использовать, анализировать, оценивать и передавать медиатексты в различных видах, формах и жанрах»⁷. Полагаем, что в общем виде оба этих понятия во многом синонимичны. Да, если глубоко погрузиться в лексические нюансы, между ними действительно можно обнаружить определенные различия. В работах представителей научной школы А. В. Федорова они четко прописаны. С другой стороны, имеются аргументы и в пользу медиаграмотности. К числу таковых, на наш взгляд, можно отнести как минимум два.

Первый – это то, что в западной науке (по крайней мере, в заокеанской) более распространенной и привычной является все же медийная

«грамотность» (media literacy), а не «компетентность». Чтобы убедиться в этом, можно, например, сравнить количество публикаций, издаваемых по соответствующим запросам в базе данных Web of Science: «media literacy» встречается в заголовках научных работ значительно чаще, чем «media competence». В определенном смысле следование научному мейнстриму (в хорошем понимании этого слова) может облегчить интеграцию российских ученых в мировое академическое пространство.

Второй довод – более абстрактный и, возможно, даже субъективный: представляется, что быть «компетентным в чем-либо» обычно воспринимается как нечто желаемое, но не абсолютно необходимое, а вот быть «грамотным» (пусть и применительно к отдельно взятой медийной сфере) звучит как нечто само собой разумеющееся. Считаем, что тем самым важность формирования у каждого человека анализируемых навыков подчеркивается уже на уровне подсознательного восприятия слов. К тому же само понятие грамотности, на наш взгляд, за последние полвека существенно трансформировалось. Если раньше под этим понималось исключительно умение читать и писать, то теперь сюда включается более широкий спектр навыков социальной коммуникации, включая способность эффективно перерабатывать информацию, получаемую из массмедиа. Это своего рода «расширенная грамотность», только обладая которой, человек может полноценно участвовать в жизни современного общества⁸.

Однако в подавляющем большинстве случаев, повторимся, использование медийной «грамотности» и «компетентности», по большому счету, равнозначно.

Безусловной заслугой возглавляемого А. В. Федоровым научного коллектива следует признать выделение наиболее типичных теорий (культурологической, эстетической, семиотической, социокультурной, этической, идеологической, экологической, протекционистской, религиозной, практической и некоторых других), направлений и моделей медиаобразования. Особенно актуальным в настоящий момент нам видится анализ последних. К их числу обоснованно отнесены такие медиаобразовательные модели, как образовательно-информационные (изучение теории и истории, языка медиакультуры и т.д.), воспитательно-этические (рассмотрение моральных, философских проблем на материале медиа), теологические (рассмотрение религиозных, моральных, философских проблем на материале медиа), практико-утилитарные (практическое изучение и применение медиатехники), эстетические (ориентированные прежде всего на развитие художественного вкуса и анализ лучших произведений медиакультуры) и социокультурные (социокуль-

турное развитие творческой личности в плане восприятия, воображения, зрительной памяти, интерпретации, анализа, самостоятельного, критического мышления по отношению к медиатекстам любых видов и жанров)⁹.

Очевидно, что выделенные модели включают в себя практически все возможные варианты направленности медиаобразования. Предложенный перечень является результатом скрупулезного многолетнего анализа используемых в разных странах практик культивирования навыков и умений, связанных с медиа. Между тем реалии современного мира (в первую очередь, хорошо всем известные вызовы и пороки постправды), на наш взгляд, диктуют необходимость разработки и внедрения дополнительной или синтетической модели. Условно ее можно назвать социально-политической. В нашем понимании, она должна быть ориентирована не столько на культурологические, семиотические, эстетические или этические теоретические основания, сколько на конкретные характеристики общественно-политического базиса, влияющие на характер взаимодействия медиа и их аудитории. Иначе говоря, в рамках такой модели обучающиеся должны получать базовое представление о том, каким образом СМИ могут использоваться в политических целях и как можно защититься от связанных с этим манипуляций.

Более того, считаем, что предлагаемый социально-политический вектор в том или ином виде может присутствовать в рамках минимум пяти из шести направлений медиаобразования, предложенных А. В. Федоровым и его коллегами. Напомним, что к числу таковых они относят: 1) медиаобразование будущих профессионалов – журналистов, кинематографистов, редакторов, продюсеров и др.; 2) медиаобразование будущих педагогов в университетах, педагогических институтах, на курсах повышения квалификации; 3) медиаобразование как часть общего образования школьников и студентов, обучающихся в обычных школах, ссузах, вузах; 4) медиаобразование в учреждениях дополнительного образования и досуговых центрах (домах культуры, центрах внешкольной работы, эстетического и художественного воспитания, клубах по месту жительства и т.д.); 5) дистанционное медиаобразование школьников, студентов и взрослых с помощью телевидения, радио, прессы, Интернета; 6) самостоятельное/непрерывное медиаобразование (которое теоретически может осуществляться в течение всей жизни человека)¹⁰. Возможно, лишь четвертое направление можно «освободить» от общественно-политической составляющей, в остальных же пяти, по нашему мнению, она сегодня необходима.

Собственно, говоря о важности политического ракурса, мы не спорим с А. В. Федоровым

и его коллегами. В одной из своих работ они сами совершенно справедливо пишут следующее: «...современные медиа во всем мире, включая Россию, часто используют так называемые манипулятивные технологии для воздействия на аудиторию. Жить в демократическом обществе означает, помимо всего прочего, уметь делать осознанный выбор, в том числе и по отношению к медиатекстам. Научить учащихся распознавать способы и формы манипулятивного воздействия медиа, научить ориентироваться в современном информационном потоке – важнейшие задачи медиаобразования»¹¹. Скорее, в данном случае мы пытаемся адаптировать направленность развития критического мышления в процессе медиаобразования к современным российским (и, к сожалению, общемировым тоже) условиям.

Важно заметить, что, в отличие от мэтра мирового медиаобразования Л. Мастермана, мы не склонны противопоставлять эстетический и идеологический подходы к медиапедагогике. Оба они по-своему важны. Более того, убеждены, что в большинстве случаев они могут быть органично соединены. Например, что мешает там, где это возможно, параллельно анализировать глубоко художественные, эстетические достоинства, скажем, кинокартин или газетных публикаций и те конкретно-исторические условия, в которых они были созданы, их политические контекст и подтекст? В некоторых же случаях это и вовсе представляется нам абсолютно необходимым. Разве можно обойтись без рассмотрения политической составляющей при обсуждении со зрителями (будь то школьники или уже взрослые люди), например, «Утомленных солнцем» или «Союза спасения»? На наш дилетантский в области киноискусства взгляд, оставлять за рамками внимания медиапедагога подобные сюжеты в таких случаях было бы неправильно.

Думается, что, затронув этот вопрос, мы убедились в истинности еще нескольких положений, изложенных в трудах таганрогской научной школы. Прежде всего, имеем в виду тезис о наметившейся в последние годы тенденции синтеза медиаобразования и медиакритики, а также о потенциальной способности последней (обращенной не только к медийным профессионалам, но и к широкой аудитории) «осуществить медиаобразование самых широких слоев общества в течение всей жизни»¹².

Второе положение касается роли власти в формировании медийной культуры населения: «В принципе ясно, почему развитие медиаобразования и медиакритики не получало официальной поддержки в советские времена. Власть была заинтересована в том, чтобы массовая аудитория (как взрослая, так и школьно-студенческая) как можно меньше задумывалась по поводу целей и задач создания того или иного (особенно «госу-

дарственно значимого») медиатекста. Отсутствие медиаграмотной / медиакомпетентной публики всегда открывало широкий простор для манипуляций в прессе, на радио и ТВ, естественно, в сторону, выгодную Власти»¹³. Многое ли изменилось с тех пор? Сложно однозначно ответить на этот вопрос.

По нашему глубокому убеждению, наряду с законодательным регулированием циркулирования фейковой информации, одним из важнейших способов, при помощи которых государство может способствовать распространению принципов медийной грамотности, является внедрение соответствующих практик в систему образования.

Вопрос о форматах и уровнях медиаобразования также занимает одно из важных мест в научных трудах А. В. Федорова и его коллег. Говоря о школе, они ставят абсолютно справедливые вопросы: «Быть может, медиаобразование все-таки можно успешно интегрировать в традиционные обязательные школьные дисциплины? А в дополнение к этому ввести и факультативные курсы по выбору?»¹⁴. Очевидно ведь, что чем раньше начнется погружение молодого человека в медиаобразовательную тематику, тем скорее у него может сформироваться иммунитет перед наполняющими сегодняшний мир манипуляциями, фейками и прочими неотъемлемыми атрибутами постправды. К тому же в ряде стран (Канаде, Австралии, Венгрии) это уже успешно реализовано – медиакультура изучается там начиная с первых классов школ.

Разумеется, мы не говорим о том, что в школах непременно нужно вводить обязательные курсы медиаобразования. В данном случае можно вполне согласиться с теми, кто считает, что школьная программа сегодня и без того перегружена. Однако на уровне факультативных дисциплин или как один из подразделов обществознания медиаобразовательный компонент, считаем, должен быть внедрен.

Естественно, в таком формате невозможно (да и не нужно!) глубоко рассмотреть теорию и историю вопроса. Достаточно просто познакомить детей с наиболее распространенными приемами и целями манипулятивного воздействия при помощи медиа, рассказать им об основных социально-психологических механизмах, используемых авторами медиатекстов для воздействия на аудиторию, научить выявлять логику и задумку автора, продемонстрировать все это на конкретных примерах. В этом смысле предложенная возглавляемым А. В. Федоровым коллективом последовательность развития «антиманипулятивного» аналитического мышления аудитории на медиаматериале¹⁵ представляется совершенно обоснованной и – главное – реализуемой на практике. При желании все это можно легко уместить в несколько уроков.

Если в отношении школьного образования голоса противников внедрения в него медиаобразовательной составляющей еще слышны, то с тем, что это должно преподаваться в вузах, согласны, кажется, практически все. Более того, с относительно недавних пор ученые совет любого вуза России может самостоятельно принять решение о введении медиаобразования как вариативной (профильной) части обучения практически по всем педагогическим направлениям бакалавриата и магистратуры.

Более того, все чаще звучат мнения о том, что медиаобразовательные курсы или семинары нужны как студентам-педагогам, так и действующим преподавателям¹⁶. От себя добавим, что потребность в этом испытывают не только педагоги (дипломированные или только готовящиеся стать таковыми), но и представители других специальностей. В этом плане остается только сожалеть о том, что практика преподавания в российских вузах медиаобразовательных дисциплин пока распространяется достаточно медленно.

Наконец, еще один уровень медиаобразования, который также затрагивается в работах таганрогской научной школы и других ученых, предполагает развернутую долговременную общественно-просветительскую деятельность, ориентированную на «непрерывное развитие в обществе культуры адекватного рационально-критического восприятия содержания медийных текстов и самостоятельной оценки деятельности средств массовой информации – информационной культуры, основанной на демократических и гуманистических идеалах и ценностях, на уважении принципа культурного многообразия»¹⁷. Представляется, что в условиях, когда внедрение медиаобразовательных компонентов в школьные и вузовские учебные планы «пробуксовывает», именно широкая общественно-просветительская работа по распространению принципов медиаграмотности среди населения становится едва ли не основным способом повышения общей медийной культуры граждан.

Таковы основные моменты, которые показали нам заслуживающими особого внимания среди широкого круга медиаобразовательных сюжетов, затронутых в пяти упомянутых выше монографиях А. В. Федорова, его коллег, соратников и учеников. Подчеркнем еще раз, что выбор этих аспектов был продиктован во многом субъективными факторами – тем, что нам самим (в том числе в силу наших собственных научных интересов) показалось важным, актуальным и в чем-то, возможно, даже дискуссионным. На самом же деле в этих работах содержится гораздо более обширный пласт проблем, касающихся истории, современного состояния,

теории и практики медиаобразования в нашей стране и за ее пределами.

Вне всяких сомнений, человеку, желающему разобраться в особенностях отечественного или зарубежного медиаобразования, или же ученому, изучающему данную сферу, не обойтись без анализа трудов представителей таганрогской научной школы. В шестидесятые годы прошлого века этот славный город на берегу Азовского моря «прогремел» на весь Советский Союз благодаря так называемому таганрогскому проекту Б. А. Грушина, который среди прочего предполагал поиск способов повышения эффективности информационной работы в обществе. Весьма символично, что несколько десятилетий спустя Таганрог снова во весь голос заявил о себе в аналогичной сфере науки, только на сей раз – как центр исследований по медиаобразованию, одной из целей которого как раз и является защита граждан от последствий применения не всегда добросовестных методов этой самой информационной деятельности.

Примечания

- 1 См.: Вся статистика Интернета за 2019 г. – в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 02.02.2021).
- 2 См.: World Internet Usage and Population Statistics. 2020 year – Q3 estimates. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 02.02.2021).
- 3 См.: Аудитория интернета в России в 2020 году. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (дата обращения: 02.02.2021).
- 4 См.: Data Age 2025. The Digitization of the World : From Edge to Core. URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-dataage-whitepaper.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
- 5 Федоров А. В., Левицкая А. А., Чельшиева И. В., Мурюкина Е. В., Григорова Д. Е. Медиаобразование в странах Восточной Европы. М. : МОО «Информация для всех», 2014. С. 7.
- 6 См.: Hazanov I. The World of Media in the Research of the Scientific School “Media Education and Media Competence” // Media Education (Mediaobrazovanie). 2020. Vol. 60, № 4. P. 645–652. <https://doi.org/10.13187/me.2020.4.645> www.ejournal53.com
- 7 Федоров А. В. Медиаобразование : история и теория. М. : МОО «Информация для всех», 2015. С. 332–333.
- 8 См.: Cappello G., Felini D., Hobbs R. Reflections on global developments in media literacy education : Bridging theory and practice // Journal of Media Literacy Education. 2011. Vol. 3, № 2. P. 68.
- 9 См.: Федоров А. В., Онкович А. В., Левицкая А. А. Тенденции развития светского и теологического медиаобразования в России и за рубежом / под ред. А. В. Федорова. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А. П. Чехова, 2013. С. 167.

- ¹⁰ См.: Федоров А. В., Чельшева И. В., Муюкина Е. В., Горбаткова О. И., Ковалева М. Е., Князев А. А. Мас-совое медиаобразование в СССР и России : основные этапы / под ред. А. В. Федорова. М. : МОО «Информация для всех», 2014. С. 8.
- ¹¹ Федоров А. В., Новикова А. А. Медиаобразование в ведущих странах Запада. М. : МОО «Информация для всех», 2014. С. 68.
- ¹² Федоров А. В., Онкович А. В., Левицкая А. А. Указ. соч. С. 183.
- ¹³ Там же. С. 188.
- ¹⁴ Федоров А. В., Левицкая А. А., Чельшева И. В., Муюкина Е. В., Григорова Д. Е. Указ. соч. С. 5.
- ¹⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁶ См.: Баранов О. А. Медиаобразование в школе и вузе : учеб. пособие. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2002. С. 18 ; Сапунов Б. С. Образование и медиакультура // Высшее образование в России. 2004. № 8. С. 31 ; Semali L. Literacy in Multimedia America. New York ; London : Falmer Press, 2000. P. 70.
- ¹⁷ Короченский А. П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2003. С. 187–188.

Поступила в редакцию 29.03.2021, после рецензирования 10.04.2021, принята к публикации 15.04.2021
Received 29.03.2021, revised 10.04.2021, accepted 15.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 316–323

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 316–323

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-316-323>

Научная статья

УДК 323.22/28

Развитие гражданского общества в Республике Крым после ее воссоединения с Россией

П. В. Кузьмин, Л. Г. Халанская ✉

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4

Кузьмин Петр Васильевич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, pv.kuzmin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6089-2165>

Халанская Лариса Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, larazbritskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9896-4873>

Аннотация. Анализируются процессы развития гражданского общества в Республике Крым после вхождения полуострова в состав Российской Федерации в марте 2014 г. Делается вывод о том, что в последние годы оно получило свое развитие и перешло от инертности к состоянию гражданской активности. Однако целостная система гражданских структур еще не сформировалась.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, общественные организации

Для цитирования: Кузьмин П. В., Халанская Л. Г. Развитие гражданского общества в Республике Крым после ее воссоединения с Россией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 316–323. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-316-323>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Development of civil society in the Republic of Crimea after its reconnection with Russia

P. V. Kuzmin, L. G. Khalanskaya ✉

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia

Petr V. Kuzmin, pv.kuzmin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6089-2165>

Larisa G. Khalanskaya, larazbritskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9896-4873>

Abstract. The processes of development of civil society in Crimea after the entry of the peninsula into the Russian Federation in March 2014 are analyzed. The authors conclude that in recent years it has developed and passed from inertia to a state of civic activity. However, an integral system of civil structures has not yet been formed.

Keywords: civil society, state, public organizations, individual citizenship

For citation: Kuzmin P. V., Khalanskaya L. G. Development of civil society in the Republic of Crimea after its reconnection with Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 316–323 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-316-323>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность темы определяется, прежде всего, потребностью проанализировать процессы, протекающие в Крыму после вхождения полуострова в состав России (март 2014 г.), под углом зрения развития в крымском социуме гражданской активности, общественных организаций, отношений социального доверия и согласия.

Гражданское общество есть серьезный ресурс развития общественных отношений, важный социальный институт, способствующий управляемости обществом на уровне самоорга-

низации. Гражданское общество – активный и заинтересованный актор ликвидации «бюрократических напластований» и коррупции.

Коронавирус остро поставил вопрос развития волонтерского движения, оказания помощи пожилым людям, нуждающимся в помощи и поддержке. В многонациональном Крыму важными задачами являются развитие национальной культуры, обогащение национальных традиций, художественных народных промыслов, вовлечение юношей и девушек в различные творческие кружки, физкультурно-спортивные секции и т. д.

Современная трактовка гражданского общества ведет свое начало от концепции гражданского общества, изложенной такими западными мыслителями, как Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант и др. Для них гражданское общество – это общество мыслящих индивидов, обладающих естественными правами и свободами, которое посредством договора создает государство и передает ему часть своих естественных прав в обмен на гарантию индивидуальных прав и свобод, прежде всего права на жизнь.

Особая заслуга в разработке концепции гражданского общества принадлежит Г. Гегелю. Стоит отметить, что именно этот автор сформулировал понятие гражданского общества не только как совокупность индивидов и отношений между ними, но и как сферы деятельности общественных институтов¹.

Гражданское общество является объектом исследования многих зарубежных и российских исследователей. Среди западных мыслителей отметим, прежде всего, Ю. Хабермаса, Дж. Коэна, Дж. Кина, Э. Геллнера, Д. Патнама, И. Шапиро, К. Манхейма. В российском политологическом дискурсе понятие «гражданское общество» формируется в 1980-х гг. XX в. Существенный вклад в его разработку внесли А. В. Варьвдин, О. В. Гаман-Голутвина, З. М. Зотова, И. А. Ильин, Т. П. Лебедева, В. А. Михеев, А. М. Мигранян, Д. Н. Нечаев, Л. И. Никовская, А. И. Соловьев, Л. Н. Тимофеева и др. Среди крымских ученых проблему гражданского общества исследуют И. И. Кальной, Н. В. Киселева, П. В. Кузьмин, А. С. Филатов, А. А. Чемшит и др. Идеи ряда указанных выше ученых используются в настоящей статье.

Цель статьи – выяснение изменений, происходящих в гражданском обществе Крыма, а также путей его дальнейшего развития.

Информационной основой статьи являются материалы ежегодных докладов Общественной палаты Республики Крым о состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг. В работе используются также положения и выводы монографии «Крымские татары в условиях трансформации политического пространства», подготовленной Э. С. Муратовой, Л. Я. Дюльберовой, А. И. Апселямовой.

Хочется подчеркнуть, что несмотря на наличие исторической традиции в исследовании гражданского общества, многообразии литературы, вопрос о его происхождении, сущности, формировании в современных условиях остается дискуссионным. Выделим несколько характеристик, которых придерживается большинство исследователей, давая толкование этого понятия.

Во-первых, гражданское общество обладает негосударственным характером своей организации. В словосочетании «гражданское общество» само понятие означает «негосударственное об-

щество». В имеющихся в литературе определениях основное внимание обращается как раз на то, что гражданское общество – это особая часть общества, которая имеет негосударственный характер.

Подчеркнем, что понятия «общество» и «гражданское общество» не являются синонимами. Общество, как известно, это совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности. Гражданское общество отличается от общества своим качественным состоянием. Оно вовлекает массы граждан на добровольных началах в публичную сферу, чтобы выразить свои интересы, желания, достичь общих целей, потребовать чего-либо от государства и контролировать деятельность государства.

Во-вторых, гражданское общество является самоуправляющимся. Самоорганизация – это различные формы активности, возникающие не по указанию властей, а как результат проявления устремленности, активности и воли самих граждан. Это не «наведенная» сверху активность, а вырастающая «снизу» на федеральном, региональном и местном уровне за счет организации общественного диалога.

В-третьих, гражданское общество имеет групповой характер, т.е. обеспечивает реализацию групповых, а не персональных интересов.

В-четвертых, гражданское общество достигает социальной действенности тогда, когда приобретает качество системности.

Если обобщить изложенные особенности, то гражданское общество можно определить как систему внегосударственных общественных отношений и институтов, которая формируется на основе реализации принципов индивидуальной свободы и правового равенства граждан и направлена на удовлетворение многообразных индивидуальных и коллективных потребностей и интересов членов общества.

Указывая, что гражданское общество представляет собой систему внегосударственных общественных отношений, подчеркнем, что это не просто система отношений, но система отношений на основе высокой гражданственности населения.

Сущность гражданского общества заключается в том, что главным действующим лицом его признается человек как личность, а не безликий народ. Этот человек имеет определенную систему потребностей, интересов и ценностей. Наличие возможностей реализации этой системы превращает человека в главную действующую силу общественного развития.

Отметим, что гражданин принципиально отличается от подданного, для которого характерным является постоянное ожидание от государства какого-либо благодеяния и который связывает свои надежды не с собственными возможностями и своим трудом, а исключительно

с деятельностью государства. Гражданин – это человек, обладающий гражданским мужеством и достоинством, готовый встать на защиту ценностей открытого общества, а также собственных конституционных прав и свобод. Развитая гражданская позиция личности – это важное условие самосохранения, самозащиты, саморазвития общества.

Гражданское общество воплощается в трех основных формах: 1) свободной самодеятельности граждан; 2) разнообразных негосударственных организациях; 3) негосударственных (т. е. установленных вне и помимо непосредственного участия государства) общественных отношениях – семейных, экономических, политических, духовных и т. д.

К институтам, которые образуют внутреннюю структуру гражданского общества, исследователи относят: добровольные общественные объединения: экономические, культурно-художественные, образовательные, научные, защиты прав граждан, благотворительные и др.; общественные движения и политические партии (последние – на первых стадиях своего развития, пока они еще не задействованы в структурах власти); независимые СМИ, которые обслуживают общественные потребности и интересы, формируют и обнародуют общественные настроения; выборы и референдумы как способ гражданского волеизъявления и защиты интересов; зависимые от общественности элементы судебной и правоохранительной системы (суды присяжных, народные милицейские подразделения, казацки подразделения и т. д.).

Суть и роль гражданского общества осознаются полнее через его функции. В целом можно говорить о следующих функциях: социализация индивидов; самоорганизация граждан и самоуправление во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни; защита интересов и потребностей граждан от незаконного вмешательства в их жизнедеятельность государства и его органов; интеграция общества через систему горизонтальных связей и каналов информации, функционирующих на базе данной социально-культурной общности; создание базовых форм межличностной солидарности, основанной на общности или близости частных интересов, выработка механизмов согласования расходящихся интересов и урегулирования конфликтов; стимулирование правового нормотворчества выдвижением требований юридического закрепления тех гражданских и политических прав и свобод, осознание необходимости которых вначале происходит в лоне гражданского общества.

Также в некоторых исследованиях гражданское общество рассматривается как определяющее условие решения всех острых социально-политических, социокультурных проблем и других в современных обществах. В этом

контексте отметим, что в широком историческом плане развитие гражданского общества, несомненно, позитивно влияет на функционирование общественного организма. Но нужно иметь в виду, что любое гражданское общество является слепком своего времени, слепком конкретного общества. В его фундаменте лежат частные интересы, среди которых есть и такие, которые расходятся с интересами общества в целом и даже противостоят им. Поэтому в любом гражданском обществе могут возникать очаги «частного эгоизма», отторгающие демократические начала общественной жизни. Власть, оказавшись в руках стихийного или неправового гражданского общества, лишившаяся государственного контроля, может стать носителем не столько общенациональных, сколько групповых интересов.

В гражданском обществе могут возникнуть и действовать различного рода экстремистские, террористические, преступные группировки. Их лидеры склонны навязывать рядовым членам неправовые нормы поведения, ущемляющие их индивидуальные права и свободы.

Завершая изложение положений о гражданском обществе в целом, отметим, что представления о нем постоянно обогащаются с учетом социальной практики. Сегодня гражданское общество – это не то же самое, что понималось под ним еще 20 лет назад. Это, как справедливо пишет известный российский ученый Л. Н. Никовская, уже «не “общественная самодеятельность”, у него сегодня другой облик, другие возможности, технологии и другой уровень профессионализма. Радикально переменились практически все виды коммуникационных, политических и других отношений. Резко возросло влияние независимых научных, исследовательских и иных экспертных структур на политику и экономику. ... Главная задача, которую ставят сегодня перед собой многие организации современного гражданского общества в России, – контролировать действия правящей государственной бюрократии и влиять посредством своей гражданской экспертизы на функционирование государственной вертикали власти»².

Прежде чем перейти к освещению становления гражданского общества в современном Крыму, подчеркнем, что исходным рубежом этого становления является март 2014 г. 18 марта 2014 г. между Российской Федерацией и Республикой Крым был подписан Договор о принятии Крыма в РФ. 11 апреля 2014 г. Республика Крым обрела собственную конституцию и стала 84-м субъектом России. После воссоединения был утвержден состав кабинета министров Республики во главе с С. В. Аксеновым. Чуть позднее, в октябре 2014 г., С. В. Аксенов был избран Главой Республики Крым. 14 сентября 2014 г. в Крыму и

г. Севастополе были проведены первые выборы депутатов местных парламентов. Депутаты избирались по смешанной (как кандидаты от партий, так и независимые кандидаты) выборной системе на пятилетний срок.

Отметим, что первым в ряду законов, принятых Государственным советом Крыма, стал Закон Республики Крым «Об Общественной палате Республики Крым». Депутаты таким образом подчеркнули свою приверженность идеалам гражданского общества. Ведь общественная палата является ключевым звеном формирования гражданского общества в Российской Федерации. Основными направлениями ее деятельности являются: обеспечение взаимодействия граждан, общественных и иных некоммерческих организаций с органами государственной власти; формирование общественного мнения и доведение его до сведения органов власти; обеспечение участия представителей общества в решении актуальных вопросов развития региона; развитие институтов гражданского общества; содействие органам государственной власти при выработке и реализации региональной политики по ряду вопросов.

Развитие гражданского общества в Крыму в 2014–2020 гг. рассмотрим, опираясь на описание следующих параметров: среда, в которой существует и развивается гражданское общество; ценности, лежащие в основе гражданской активности; структура гражданских организаций и их влияние в обществе.

Обращаясь к параметру «среда, в которой существует и развивается гражданское общество», отметим его многогранность. Укажем лишь на отдельные его характеристики.

Существенным аспектом социальной среды является уровень свободы гражданского выбора. Данный показатель наиболее важен, так как свобода гражданского выбора – основа в определении гражданского общества. Так, в ходе опроса респондентов на вопрос: «Ограничиваются ли ваши гражданские или политические свободы», ответы распределились следующим образом: 17,3% респондентов ответили, что им диктуется и навязывается мнение; 15,4% – что мнение навязывается в отдельных политических акциях, но редко; 47,1% отметили, что их права не ущемлены и они сами делают свой выбор.

На вопрос относительно коррумпированности общества 39,4% респондентов ответили, что чиновничий аппарат в большинстве своем коррумпирован; 43,2% уверены, что лишь отдельные чиновники задействованы в коррупционной деятельности; только 6,0% опрошенных считают власть некоррумпированной.

На вопрос: «Давали ли вы (или вам) когда-нибудь взятку», 91,4% респондентов ответили отрицательно; 8,65% подтвердили, что брали или давали взятку властным структурам для достижения своих целей³. Данные цифры говорят о

том, как справедливо указывают исследователи, что жители Крыма понимают негативное значение коррупции во власти и отказываются от данного явления или не хотят признаваться в том, что когда-нибудь участвовали в процессе передачи (получения) взятки.

Если рассматривать «удовлетворение потребностей населения в сфере услуг», то лишь 28,0% респондентов считают, что их потребности удовлетворены, 38,4% видят необходимость в расширении предоставляемых услуг, 22,1% полагают, что сфера услуг развита слабо и их потребности не удовлетворены⁴. Респонденты указывают на такие проблемы, как рост цен на товары и услуги, рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги, плохие дороги, плохую работу транспорта, низкий уровень медицинских услуг, низкие зарплаты, а также плохую работу и произвол чиновников⁵. В процессе изучения ценностных ориентаций граждан выяснялось, имеют ли место в обществе национальная или религиозная дискриминация, каково отношение к общественным организациям, к оказанию помощи незнакомым людям.

Так, на вопрос о том, встречали ли респонденты проявление национальной или религиозной дискриминации, 71,0% ответили, что редко, но встречали; 20,0% – встречали довольно часто и лишь 8,6% – не встречали признаков национальной или религиозной дискриминации. На вопрос, касающийся доверия населения другим жителям региона, 35,5% респондентов ответили, что окажут помощь незамедлительно, без оговорок и опасок; 57,0% – подумают, но потом помогут; 7,7% – откажут в помощи⁶.

Исследование, проведенное Э. С. Муратовой, Л. Я. Дюльберовой, А. И. Апселямовой, показывает, что «в целом отношение крымских татар к представителям других этнических групп не изменилось. Крымские татары по-прежнему дистанцируются от “других”, ограничивают свой круг общения семьей и друзьями. Респонденты уверены, что “формальное уважение”, которое сегодня проявляют славяне, неискренне. Вместе с тем крымские татары стали дифференцировать “славян”. Критерием, определяющим возможность коммуникации, является и сокращение дистанции, приверженность демократическим ценностям, европейским ориентирам... Присутствующая ранее категоричность в оценке возможности любой коммуникации со славянами сегодня не распространяется на сферу бизнеса». В основе недоверия крымских татар, по мнению авторов, лежат негативная социальная память и, как следствие, изоляция и неустойчивость социальных связей. «Недоверие, уверенность в ненадежности и несоответствие ожиданиям не способствуют формированию культуры доверия среди представителей разных этнических групп в Крыму»⁷.

Неотъемлемым компонентом гражданского общества являются некоммерческие организации. Первыми некоммерческими организациями, возникшими в российском Крыму, стали региональные отделения Общероссийского движения «Народный фронт “За Россию”» в Республике Крым и Севастополе. Также в Крыму было организовано новое общероссийское общественное движение крымских татар – межрегиональное движение крымско-татарского народа «Къырым».

К концу 2018 г. было зарегистрировано более 600 некоммерческих организаций. Центральное место среди них занимают национально-культурные автономии. Это новая форма общественных отношений, которая развивается на полуострове после его исторического воссоединения с Россией. В настоящее время на территории республики действуют следующие региональные национально-культурные автономии: азербайджанская, армянская, болгарская, греческая, еврейская, крымских карачаевцев, молдавская, эстонская, немецкая, «Белорусы Крыма», автономия крымских татар Республики Крым, автономия татар Республики Крым, осетинская, корейская. Также действуют 85 местных национально-культурных автономий на базе муниципальных округов. Каждое из этих и других национально-культурных объединений вносит свой вклад в развитие культуры многонационального крымского сообщества, реализацию социально значимых проектов в сфере культуры, образования, издательской деятельности.

В 2017 г. была создана Ассамблея славянских народов Республики Крым, куда вошли РОО «Русская община Крыма», РОО «Украинская община Крыма» и региональная национально-культурная автономия «Белорусы Крыма».

Наиболее многочисленными некоммерческими организациями являются: «Добро мира. Волонтеры Крыма» – 20 743 чел.; «Волонтеры Победы» – 2888; Крымское отделение Российского союза молодежи – 2701; молодежная организация «Лидеры Крыма» – 2202; «Молодая Гвардия» – 2117; благотворительный фонд «Радуга» – 2159; Организация инвалидов «СКИФ» – 1556; «Во благо жизни» – 1318; Ассоциация спортсменов Крыма – 1280 чел. и др.⁸

В последние годы среди направлений деятельности выделяются: волонтерская, благотворительная деятельность; патриотическая направленность. Волонтерское движение – это проявление внутреннего состояния людей, нацеленное на помощь и поддержку ближнего своего, людей, которые нуждаются в поддержке. Оно включает ряд традиционных форм взаимопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которые осуществляются добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение.

Волонтерская деятельность осуществляется по важным социальным вопросам: помощь детским домам Республики Крым (обучение детей, лишенных родительской опеки, навыкам, которые могут стать их профессией; проведение различных мастер-классов, акций и т.п.). Так, проводится ежегодная новогодняя акция «Записки Деду Морозу» – волонтеры дарят новогодние подарки детям, попавшим в трудные жизненные ситуации. Гериатрическое направление волонтерской деятельности включает помощь домам престарелых и реабилитационным центрам; организацию концертов, творческих вечеров и тематических встреч; обучение компьютерной грамотности и т. д. Другие направления волонтерской деятельности, практикуемые в Крыму, – урбанистическое, экологическое, здоровьесберегающее.

Одной из самых популярных общественных организаций патриотической направленности является общественное объединение «Волонтеры Победы». Основным содержанием работы этой организации выступают: помощь ветеранам Великой Отечественной войны и взаимодействие с ветеранскими организациями; благоустройство памятных мест и мест воинских захоронений; содействие в гражданско-патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодого поколения; содействие дружбе и сотрудничеству людей всех национальностей; волонтерское сопровождение и помощь в проведении мероприятий на федеральном, региональном и местном уровнях и др. Открытие новых музеев и выставок, организация и расширение всех видов краеведческой деятельности, поисковые работы, туристско-краеведческие программы, героико-патриотические акции – это все формы патриотического воспитания.

Несмотря на численный рост некоммерческих организаций и развитие их активности, опрос свидетельствует о наличии в деятельности этих организаций резервов. Так, на вопрос, виден ли результат работы общественных организаций в вашем городе, 78,8% респондентов ответили, что результаты незначительны; 4,0% не могут назвать результатов работы, и лишь 5,0% знают о значительных результатах работы общественных организаций. Большинство опрошенных (72,1%) считают, что общественные организации слабо информируют население о своей работе; 11,5% оценили работу в данном плане неэффективной и считают, что им не удастся настроить работу по просвещению населения в общественных вопросах и в вопросах своей деятельности⁹.

Исследуя развитие гражданского общества в Крыму, отметим, что здесь сформированы и работают общественные советы при исполнительных органах государственной власти. С 2018 г. работает 67 общественных советов, в том чис-

ле при исполнительных органах государственной власти Республики Крым: при министерствах – 19; при государственных комитетах – 7; государственных службах – 6; инспекциях – 3; иных исполнительных органах республики – 3; в муниципальных образованиях Республики Крым – 29 общественных советов¹⁰. Общественные советы играют роль своеобразного «трансфера» позитивных гражданских инициатив, общественного мнения относительно процессов, происходящих на территории региона. Они не являются «слугами» органов власти и не должны беспрекословно поддерживать любые инициативы и решения. Одна из задач общественных советов – обеспечение взаимодействия институтов гражданского общества и властных структур. Формы взаимодействия разнообразны: осуществление общественного контроля реализации местными органами власти мероприятий по социально-экономическому развитию на местах; мониторинг инициатив населения и доведение их до исполнительных органов власти; поддержка общественно значимых проектов, предложений и др.

В 2019 г. создан Координационный совет Общественной палаты Республики Крым.

Изложенное позволяет констатировать, что период после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации, наряду с другими изменениями, характеризуется развитием гражданского общества.

В ежегодном докладе Общественной палаты республики «О состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2019 году» называются следующие особенности развития гражданского общества жителей Крыма: желание принимать активное участие в жизни региона для создания условий развития будущих поколений; развитое чувство свободы как показатель способности размышлять о власти и политике, разбираться, кто есть кто во властных структурах, понимание своей роли в государстве, способности изменить его; потребность исполнить свое предназначение – с одной стороны, каждый человек индивидуален и воспринимает себя самостоятельной личностью, а с другой, общество рождает определенные ориентиры, требования, в рамках которых и происходит самореализация личности индивида¹¹.

Одновременно достигнутое в развитии гражданского общества в Крыму, на наш взгляд, не следует преувеличивать. Пройденный период не только содержит достижения, но и указывает на неиспользованные резервы. Важно видеть, что крымский социум обладает потенциальными возможностями, которые могут превратиться постепенно в реальность и наполнить гражданское общество новым качеством.

Отметим, что институты гражданского общества находятся в стадии становления и разви-

тия, «молодости» и представляют пока недостаточно зрелый социальный феномен. Необходимо время, которое может способствовать качественному развитию гражданской культуры, росту гражданской активности населения.

Зарегистрированные НКО работают неодинаково. Наблюдается и достаточно высокий уровень деятельности, и невысокий уровень активности. Немало организаций (в литературе называется цифра 67%), которые реально не работают. На практике общественные организации часто «идут на поводу» местных властей и привлекаются к принятию и реализации решений чаще всего, когда в этом заинтересована власть. В данном контексте стоит отметить, что гражданское общество, в принципе, является и будет являться оппонентом государства.

Выше мы указали на заметную роль в становлении гражданского общества в Крыму общественных советов при органах государственной власти. Мониторинг их деятельности показывает, что советам свойственны пока недостатки: невысокая эффективность взаимодействия общественных советов с соответствующими органами государственной власти; отсутствие четких предложений от членов общественных советов, размытость формулировок предлагаемых инициатив; недостаточный уровень подготовленности самих членов общественных советов; отсутствие эффективной коммуникации общественных советов с некоммерческими организациями и др.

Одним из условий гражданской активности является самоорганизация людей. Самоорганизация в статье рассматривается как форма и модель объединения инициативных групп граждан для выражения коллективных требований, затрагивающих проблемные условия жизнедеятельности всего сообщества или значительной его части. Практика и социологические исследования в Крыму, как и в России в целом, показывают, что чаще других готовы объединяться для совместных действий молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Но важно учитывать, что процессы самоорганизации и формирования системы молодежного самоуправления будут эффективными при условии грамотного управленческого обеспечения. Необходима, с одной стороны, поддержка этих процессов, а с другой – деликатное отношение к их самостоятельности. Руководители властных институтов и институтов гражданского общества призваны понимать социально-психологические и политические составляющие самосознания и самоорганизации молодежи в аспекте гражданственности, формирования гражданской позиции и чувства патриотизма, защиты нравственного и физического здоровья юношей и девушек. Если обратиться к конкретным направлениям управленческого воздействия на процессы становления и развития гражданской активности молодежи, то можно

говорить о следующих направлениях: усиление нравственно-воспитательной функции всей системы образования; использование средств социальной рекламы для формирования у юношей и девушек духовно-нравственных ценностей; повышение роли семьи в социализации детей; создание механизмов защиты детей и молодежи от информационной продукции, причиняющей вред их духовно-нравственному здоровью и развитию; создание безопасной социальной инфраструктуры в сферах образования и досуга детей и молодежи¹². Эти меры могут способствовать духовно-нравственному развитию молодежи, ее общественно-политическому и гражданскому взрослению.

Подчеркнем, что гражданскому обществу нужны личности, личности нравственные, свободлюбивые, обладающие чувством собственного достоинства и чести. И одновременно мужественные и ответственные, способные осознавать общие интересы, проявлять активность по их достижению.

Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав Крыма, одним из условий развития гражданского общества здесь является формирование и развитие у граждан культуры межнациональных и межконфессиональных отношений, миролюбия, достижение устойчивого социального согласия.

Низкий уровень институционального доверия крымскотатарского сообщества¹³ имеет глубокие корни. Авторы статьи не ставят своей целью исследовать этот аспект проблемы. Мы полагаем, что доверие власти во многом предопределяет перспективы экономического прогресса и роста благосостояния, а также дееспособность гражданского общества в Крыму. Преодоление недоверия к власти – длительный процесс, он связан с комплексом мер социально-экономического, политического и культурного характера. Нужно накопление положительных изменений в жизни крымскотатарского сообщества, создающих непрерывное давление на сознание и способствующих выработке нового восприятия действительности. Чтобы власть являлась высшей ценностью, она должна быть в своих действиях справедливой и отзывчивой, принимать конкретные меры по повышению качественных характеристик жизнедеятельности всех граждан Крыма, в том числе и крымскотатарского этноса. Необходимо дальнейшее обустройство социальной инфраструктуры в поселках компактного проживания крымских татар, создание условий для развития культуры и т. п.

В заключение отметим роль, которую могут сыграть СМИ в развитии гражданского общества. Анализ их деятельности показывает, что СМИ – важное средство распространения сведений о событиях, влияния на политические

воззрения людей, привлечения населения к животрепещущим проблемам крымской действительности, критики и контроля власти. Но нужно иметь в виду, что СМИ могут содержать большую долю манипуляций, функция социализации нередко вытесняется развлекательной функцией. Виртуальные коммуникации могут иметь разный вектор общественно-политической направленности, как созидательно-конструктивной, так и разрушительной. Существует опасность злоупотребления новыми технологиями для распространения дезинформации и компромата без всякой ответственности за подобные действия. Кроме того, в условиях противоборства мировых политических сил виртуальное пространство активно используется для нанесения ущерба национальным интересам и безопасности Российского государства. Поэтому актуально задачей как национальных, так и региональных СМИ является своевременное и грамотное противопоставление зарубежным оппонентам и оппонентам в соседнем государстве, а также радикально настроенным лидерам внутри страны (внутри крымского региона) информации, разоблачающей и нейтрализующей подобные информационные потоки. Представляется, в этой ситуации в Крыму в борьбе за умы призваны постоянно проявлять активность органы представительной и исполнительной власти, патриотично настроенные лидеры общественных организаций, а также ученые.

Таким образом, гражданское общество в Крыму в прошедшие годы (2014–2020) получило известное развитие. В регионе наблюдается движение от инертности к проявлению гражданской активности. Многие жители принимают участие в различных общественно-политических мероприятиях. Создано множество общественных организаций, формируется сеть лидеров так называемого третьего сектора.

В то же время пока не сложилась целостная система гражданских структур, существует большое количество фрагментированных образований

Культурные ценности, играющие важную роль (социальное доверие, солидарность, согласие, социальная ответственность и т. п.), находятся в стадии формирования. Часть населения пассивна в общественно-политической жизни, за исключением судьбоносных или принципиально важных событий для их региона, города, поселка.

Механизм взаимодействия институтов гражданского общества и властных институтов находится в стадии становления.

Дальнейшее качественное развитие гражданского общества в Республике Крым связано со временем, в течение которого и люди, и власть приобретут новый уровень социально-политической и культурной зрелости.

Примечания

- ¹ См.: Гегель Г. *Философия права* : пер. с нем. / авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. С. 346.
- ² *Никовская Л. И.* К вопросу о гражданственности российского гражданского общества // Социально политическая трансформация в современной России : поиск модели устойчивого развития : сб. ст. / Ин-т социологии РАН ; редкол. : Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец. М. : Ключ-С, 2015. С. 397.
- ³ См.: Доклад Общественной палаты Республики Крым «Состояние гражданского общества в Республике Крым в 2018 году». Симферополь : [б. и.], 2019. С. 84–85.
- ⁴ Там же. С. 86.
- ⁵ Там же. С. 22.
- ⁶ См.: Ежегодный доклад Общественной палаты Республики Крым «О состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2019 году». Симферополь : [б. и.], 2020. С. 86–88.
- ⁷ *Муратова Э. С., Дюльберова Л. Я., Анселямова А. И.* Крымские татары в условиях трансформации политического пространства. Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. С. 182.
- ⁸ См.: Ежегодный доклад Общественной палаты Республики Крым «О состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2019 году». С. 91.
- ⁹ Там же. С. 88–89.
- ¹⁰ Там же. С. 139–140.
- ¹¹ Там же. С. 65.
- ¹² Там же. С. 429–430.
- ¹³ См.: *Муратова Э. С., Дюльберова Л. Я., Анселямова А. И.* Указ. соч. С. 179–180.

Поступила в редакцию 08.04.2021, после рецензирования 20.04.2021, принята к публикации 10.05.2021
Received 08.04.2021, revised 20.04.2021, accepted 10.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 324–330

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 324–330

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-324-330>

Научная статья

УДК 321.015

Разделение властей и конституционная эволюция системы государственного управления в современной России

И. И. Санжаревский[✉], Е. А. Кузнецова

Тамбовский государственный технический университет, Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106

Санжаревский Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, sanzigor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-3631>

Кузнецова Елена Анатольевна, аспирант группы кафедры теории и истории государства и права, kaesa5@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1135-0690>

Аннотация. На основе теории договорного государства рассматривается конституционная эволюция системы государственного управления в современной России. В качестве системообразующих признаков перманентного процесса разделения властей выделяются конституционная, монополярная исключительность полномочий. Монополярная исключительность обеспечивает, с одной стороны, динамическую устойчивость политических систем, с другой, порождает основанную на независимости и самостоятельности ветвей власти уникальную диспропорциональность. Освещаются основные направления развития и признаки разделения властей в рамках существующих теорий. Выработан инструмент анализа опыта институционально-организационного транзита системы государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: разделение властей, общественный договор, конституционализм, политическое целеполагание, пропорциональность, монополярная исключительность, публичная власть

Для цитирования: Санжаревский И. И., Кузнецова Е. А. Разделение властей и конституционная эволюция системы государственного управления в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 324–330. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-324-330>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The separation of powers and constitutional evolution of the system of public administration in modern Russia

I. I. Sanzharevsky[✉], E. A. Kuznetsova

Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russia

Igor I. Sanzharevsky, sanzigor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-3631>

Elena A. Kuznetsova, kaesa5@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1135-0690>

Abstract. The constitutional evolution of the system of state administration in modern Russia is considered based on the theory of treaty state. The system-forming features of the permanent process of separation of powers are the constitutional and monopoly exclusivity of powers. Monopoly exclusivity ensures, on the one hand, the dynamic stability of political systems, and, on the other, generates a unique disproportion based on the independence and self-sufficiency of the branches of government. The main directions of development and signs of separation of powers within the framework of existing theories are highlighted. A tool for analyzing the experience of institutional and organizational transit of the state and municipal management system is developed.

Keywords: separation of powers, social contract, constitutionalism, political goal-setting, proportionality, monopoly exclusivity, public power

For citation: Sanzharevsky I. I., Kuznetsova E. A. The separation of powers and constitutional evolution of the system of public administration in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 324–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-324-330>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Эволюционные изменения в современной российской политической системе, связанные с принятием поправок в Конституцию Российской

Федерации, на новом качественном уровне актуализировали вопросы модернизации системы государственного и муниципального управления.

Актуальность институционального анализа сформированной поправками политической повестки дня связана, с одной стороны, с существенными изменениями в распределении конституционных полномочий между ветвями власти, которые институционально и организационно переформируют взаимодействие между государственными и муниципальными органами управления в системе публичной власти, с другой стороны, потребностью политологического анализа опыта институционально-организационного транзита системы государственного и муниципального управления современной России и оценки вклада современных политических практик в развитие теории демократии.

Основополагающим элементом теоретической конструкции в теории демократии выступает политико-правовая модель механизма разделения властей, определяющая нормы, правила и процедуры процессов распределения и перераспределения публичных властных полномочий¹. Основы теории разделения властей были оформлены в эпоху Нового времени на основе европейских политических практик, которые выступили своеобразным подведением итогов сложным и противоречивым процессам реформации, династических войн и революций, изменений технологического уклада и социально-экономической структуры, формирующихся национальных государственных сообществ. Томасом Гоббсом, Джоном Локком, Шарлем Луи Монтескье, теоретически обосновывалось, что, с одной стороны, политический процесс разделения властей начинается с общественного договора, тем самым формулируя основополагающий принцип «договорной» теории происхождения демократического государства. С другой стороны, они по-разному видели итоги этого разделения. Например, Т. Гоббс, рассуждая о форме правления в государстве, определил в своем главном произведении «Левиафан», что «власть суверена в государстве должна быть абсолютной. Таким образом, как доводы разума, так и Священное писание ясно свидетельствуют, на мой взгляд, что верховная власть независимо от того, принадлежит ли она одному человеку, как в монархиях, или собранию людей, как в народных и аристократических государствах, так обширна, как только это можно себе представить»².

Другой известный английский мыслитель Джон Локк, размышляя о форме правления, высказывался о том, что «политическая власть – это та власть, которую каждый человек, обладая ею в естественном состоянии, передал в руки общества и тем самым правителям, которых общество поставило над собой с выраженным или молчаливым доверием, что эта власть будет употреблена на благо членов общества и на сохранение их собственности... И, следовательно, эта власть не может быть деспотической и абсолютной, распространяющейся на их жизнь и богатства, которые

насколько возможно, должны сохраняться; напротив, это должна быть власть, которая создавала бы законы и предусматривала бы за их нарушение такие наказания, которые способствовали бы сохранению целого, отсекая такие части, и только такие, которые настолько уже испорчены, что угрожают целому и здоровому, без чего никакая суровость не является законной. И эта власть проистекает лишь из договора и соглашения и из взаимного согласия тех, кто составляет сообщество»³.

Основоположником «договорной» теории происхождения демократического государства принято считать также и французского философа Шарля Луи Монтескье, «который развивал концепцию функциональной роли религии, необходимой для поддержания порядка в обществе и его нравственности». В главном сочинении «О духе законов», рассуждая о форме правления в государстве, пришел к выводу, что «республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое, – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица»⁴.

Подводя итог рассуждениям о творчестве ученых-основоположников теории договорного демократического государства, делаем первый вывод: Т. Гоббс – сторонник общественного договора о разделении власти в рамках абсолютной монархии, Дж. Локк – сторонник ограниченной общественным договором (конституционной) монархии, Ш. Л. Монтескье – сторонник республиканской формы правления как правового государства, парламентской демократии. Гоббс и Монтескье в основе общественного договора, наряду с разделением властей, видели также расширение политических, экономических и гражданских прав и свобод. Тем самым они фактически обосновывают возможность функционирования государства в демократическом режиме как в республиканской, так и конституционно-монархической формах правления.

Свой эксклюзивный политико-правовой опыт в «договорную» теорию демократического государства и разделения ветвей власти внесли американские государственные деятели, сыгравшие ключевую роль в основании и становлении американской государственности, – Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Александр Гамильтон, Джон Джей, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон и Джордж Вашингтон. Трое из них (Гамильтон, Мэдисон и Джей) являются авторами «Записок Федералиста» – 85 статей в поддержку ратификации Конституции США. Гамильтон, Мэдисон и Джей были уверены, что для дальнейшего процветания необходимо создание государственного органа власти – правительства: «...народ должен передать ему, как только оно

будет учреждено, часть своих естественных прав, с тем чтобы наделить его необходимой властью. Поэтому стоит подумать о том, что больше соответствует интересам американского народа – останется ли он единой нацией, с одним федеральным правительством или разделится на отдельные конфедерации, наделив руководство каждой из них теми же властными функциями, которые предлагается отдать единому национальному правительству»⁵.

Важный аргумент приводят Гамильтон, Мэдисон и Джей в поддержку ратификации Конституции США, рассуждая о том, что «для обеспечения мира чрезвычайно важно, чтобы Америка соблюдала международные нормы...»⁶. В целом систему органов власти они рассматривали следующим образом: «Когда будет сформировано эффективное общенациональное правительство, лучшие люди страны не только согласятся работать в нем, но и будут назначаться на руководящие посты в этом правительстве. Город, округ или какая-то влиятельная группа смогут послать представителей в законодательные собрания штатов, в сенаты или суды, или на какие-то исполнительные должности»⁷. Рассуждая о необходимости поддержки ратификации Конституции США, они исходили из эффективного и справедливого построения органов управления.

Резюмируя вклад политико-правового опыта Соединенных Штатов, мы можем сказать, что американцы начинают придавать новое звучание политике, суть которой сводится к тому, что политика – это не только управление делами государства, не только регулирование общественных отношений, но и целеполагание в управлении делами государства и регулировании общественных отношений. Американцы одними из первых демонстрируют достаточно интересный исторический опыт целеполагания в формировании политической системы, не деля власть, а делегируя полномочия централизованной власти. Результатом проводимой политики стало принятие 4 июля 1776 г. Декларации независимости, за которую единогласно проголосовали тринадцать Соединенных Штатов Америки, создание и принятие Конституции США в 1787–1789 гг. и принятие 10 поправок в 1791 г.⁸

В современной российской науке, несмотря на многочисленные исследования теории демократии и политического механизма разделения властей, политическая наука и правовые доктрины от определения ветви власти воздерживаются. Однако практически все соглашаются с тем, что основанием политического ресурса государственной власти служит конституционная исключительность (монополизм) в праве нормирования, регулирования отношений, управления ими⁹. Правило деления власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями является по своей сути основополагающим правилом

политической пропорциональности. А степень концентрации власти в той или иной из ветвей есть та несбалансированная пропорциональность (диспропорциональность), которая отражает специфику национально-государственного и культурно-исторического состояния нации¹⁰.

Отражением проявления феномена несбалансированной пропорциональности в современном политическом процессе является также наличие в политической системе независимых от трех ветвей власти государственных эмиссионных центров, в руках которых сосредоточено исключительное право денежной эмиссии и организации денежного обращения. Например, исключительность права Центрального банка России на осуществление денежной эмиссии закреплено конституционно¹¹. Всем известно, что никто кроме государства не имеет права печатать деньги, все остальные фальшивомонетчики. Сегодня совершенно очевидно, что политические механизмы государственного управления и регулирования основываются на монополизме применения силы исполнительной властью; нормирования отношений законодательной властью; разрешения конфликтов судебной властью; денежной эмиссии и организации денежного обращения центральным банком¹², назовем эту властную монополию регулятивно-финансовой.

Другим отражением проявления феномена несбалансированной пропорциональности является опыт соединения в реальном политическом процессе разделения властей политико-правовых принципов с «персонификацией» власти, преодоления ее авторитарного характера. Например, с одной стороны, это современные конституционные монархии (Великобритания, Дания, Швеция и т.д.), которые, функционируя в демократическом политическом режиме, демонстрируют всему миру возможность конституционного сочетания признаков и характерных черт авторитаризма и демократии. С другой стороны, республиканский опыт современной Российской Федерации как конституционное сочетание демократии с авторитарным характером президентской власти, политическому режиму которой зарубежными коллегами предъявляются обвинения в авторитарности, в связи с самостоятельными, наделенными в соответствии с Конституцией исключительными монопольными полномочиями главы государства. Да, если сравнивать с конституционными монархиями, которые авторитарны по своей природе, то президентская республика в современной России также авторитарна и персонифицирована. Но главное отличие государственного статуса президента от монарха заключается в том, что передача президентской власти (персонификация) происходит в результате прямых выборов, а не по наследству, как в конституционных монархиях, которые в авторитаризме никто не обвиняет, и

все считают их демократическими режимами. Российское конституционное сочетание авторитарного характера персонификации главы государства и демократии позволяет констатировать наличие в нашей политической системе самостоятельной президентской власти, наделенной исключительными полномочиями.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что самостоятельные роли президентской власти и Центробанка (регулятивно-финансовая власть) с исключительными и монопольными функциями в политическом механизме российской государственности позволяют констатировать об их равноправном месте в современной системе разделения властей наряду с классическими ветвями власти. А мы можем говорить о теоретической модели разделения власти на самостоятельные ветви, в которой основополагающим признаком ветви власти является конституционная, монопольная исключительность (независимость от других органов государственной власти) ее полномочий. Конституционная, монопольная исключительность как диспропорциональность, лежащая в основании системы взаимодействия ветвей государственной власти, выступает тем атрибутом политического механизма «сдержек и противовесов», который обеспечивает динамическую устойчивость политических систем, и, как ни парадоксально, эта самая диспропорциональность порождает уникальную, наполненную конкретным содержанием пропорциональность разделения полномочий между ветвями власти в национальных системах государственного управления.

Ряд политических практик¹³ утверждает, а многие современные исследователи¹⁴ вопросов государственного устройства сходятся во мнении, что в чистом виде классическая модель разделения властей на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную – не соответствует реальности. В действительности ветвей власти больше, на наш взгляд, на основании выделения признака конституционной исключительности (монополизма) целесообразно выделять помимо классической триады еще и президентскую, банковскую (эмиссионно-кредитную) и местную.

С принятием поправок в Конституцию Российской Федерации произошло институциональное и организационное переформатирование системы взаимодействия между государственными и муниципальными органами управления в системе публичной власти.

В организации исполнения полномочий президентской власти институционально увеличен функционал, с одной стороны, связанный с усилением влияния на исполнительную ветвь власти и введением прямого общего руководства Правительством Российской Федерации, а также с созданием нового органа государственной власти – Государственного совета, формируемого

непосредственно Президентом Российской Федерации¹⁵. По сути, Государственный совет выступает вспомогательным органом Президента, который призван объединить публичную власть в лице федеральных, региональных и местных органов власти в единую систему с целью эффективного социально-экономического развития страны в целом, в том числе и на международной арене. Представляется важным акцентировать внимание на том, что деятельность исполнительной ветви власти в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации» организуется по отраслевому принципу, а Государственный совет – по стратегическому и территориальному, с участием законодательной власти и субъектов Российской Федерации.

С другой стороны, вместе с созданием Госсовета произошло усиление институционального президентского влияния на организацию контрольно-надзорной деятельности в субъектах Федерации. В современной системе государственного управления президент наделяется правом назначения прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов Федерации¹⁶.

Стоит особо выделить важное нововведение в Конституции – появление такого института, как «публичная власть», который объединяет «органы местного самоуправления и органы государственной власти в единую систему»¹⁷ и позволяет сгладить существовавшее ранее конституционное противоречие. Не всегда было возможным разграничить полномочия органов государственной власти и полномочия органов местного самоуправления. «Публичная власть» призвана сконцентрировать совместные усилия органов власти всех уровней «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»¹⁸.

При этом наиболее важным представляется акцентировать внимание на развитии консультативного механизма взаимосвязи организации деятельности Президента и Совета Федерации в системе публичной власти. К таким выводам нас приводит анализ основных задач и функций Государственного совета. Через Государственный совет осуществляется, например, «подготовка предложений Президенту Российской Федерации по важнейшим вопросам государственного строительства, укрепления основ федерализма и местного самоуправления, а также по вопросам, касающимся взаимоотношений Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований»¹⁹.

В данной конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей в современной России главной новеллой является возрастание роли Конституционного Суда, который

становится «истиной в последней инстанции» при разрешении споров и разногласий между Федеральным собранием Российской Федерации и Президентом России. Конституционный Суд расширяет полномочия разрешения противоречий, которые могут возникать в случае если Федеральное собрание и президент не пришли к единому мнению по какому-либо вопросу. Введенный конституционный механизм позволяет мирным путем преодолевать возможные политические кризисы. Конституционный Суд Российской Федерации «по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания Президентом»²⁰.

На возрастание роли парламентаризма в современной российской политической системе существенное влияние оказывает и расширение полномочий Совета Федерации, связанных с тем, что если ранее Совет назначал на должность только судей Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, то сейчас вправе по представлению Президента Российской Федерации назначать на должность и участвовать в прекращении полномочий председателей, заместителей и судей «Высших судов», а также совместно с президентом решает вопрос о прекращении полномочий «председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов»²¹. В данном случае можно говорить об усилении влияния со стороны законодателей на формирование судебной власти.

Конституционный институционально-организационный транзит становится определенным итогом изменений, произошедших в целеполагании содержания деятельности Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации с начала XX в. Если изначально Совет Федерации формировался из глав и председателей законодательных собраний регионов, содержательно акцентируя в большей степени внимание в работе на сбалансированности процессов федерализации, то в настоящий момент значительно возрастает стратегическая, международная роль Совета. Существенным образом изменяется роль Федерального собрания Российской Федерации.

В первую очередь это касается институциональных полномочий и организации деятельности Совета Федерации. Изюм всех уровней современного русского языка, от бытового до научного, определение «член Совета Федерации» трансформируется в термин «сенатор»²², который отражает основные характеристики современного тренда в позиционировании и продвижении интересов Российского государства в сложных процессах современной глобализации.

Кроме двух представителей от каждого субъекта Российской Федерации, формируется квота для сенаторов, которые могут быть назначены из числа граждан, имеющих выдающиеся заслуги перед страной в сфере государственной и общественной деятельности, также введен институт пожизненного сенаторства для лиц, замещавших должность Президента Российской Федерации²³.

Другим важным нововведением в функционировании Федерального собрания является, с одной стороны, усиление полномочий Совета Федерации, которые имеют непосредственное отношение к исполнительной власти, это консультирование по кандидатурам руководителей «силовых» министерств, предложенным Президентом, «(включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности»²⁴.

С другой стороны, участие законодательного органа власти в формировании исполнительных органов не ограничивается только полномочиями Совета Федерации. Государственная Дума получает право на «утверждение по представлению Президента Российской Федерации кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации»²⁵. Это полномочие не новое, но получило новое звучание, так как ранее Государственная Дума давала согласие на назначение председателя Правительства. Полномочия Государственной Думы дополнены в части «утверждения по представлению Председателя Правительства РФ кандидатур его заместителей и федеральных министров, за исключением министров»²⁶, которые назначаются по предложению Президента после проведенных консультаций с Советом Федерации.

Еще одним значимым нововведением в полномочиях Государственной Думы является «заслушивание ежегодных отчетов Центрального Банка Российской Федерации»²⁷. Контрольные функции Государственной Думы становятся более весомыми по отношению к властной монополии регулятивно-финансовой деятельности Центробанка.

Рассуждая о том, как в данном случае работает механизм «сдержек и противовесов», напрашивается вывод не только об увеличении функционала и значения консультационных механизмов между законодательной и президентской властями на фоне возрастания роли судебной власти при разрешении споров и разногласий между Федеральным собранием Российской Федерации и Президентом России, но и о возрастании роли парламентаризма в современных политических процессах.

Подводя итог осуществленному институциональному анализу политического транзита

современной российской государственности, сделаем основные выводы, которые условно можно разделить на теоретические, практические и формулирующие «проблемное» поле для дальнейшей исследовательской работы.

Теоретическим базисом анализа конституционной эволюции системы государственного управления в современной России выступает политико-правовая модель механизма разделения властей, основанная на конституционной исключительности (монополизме) и независимости в качестве системообразующего признака ветви власти. Конституционная, монопольная исключительность в основании системы взаимодействия ветвей государственной власти представляет собой ту диспропорциональность, которая выступает атрибутом политического механизма «сдержек и противовесов», обеспечивающего не только динамическую устойчивость, но и политическое своеобразие национальных систем государственного управления.

Политический транзит конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей в современной России демонстрирует, с одной стороны, устойчивость основ конституционного строя и неизбежность прав и свобод человека, а также процедуры внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции. С другой стороны, мы фиксируем изменчивость политического механизма «сдержек и противовесов», основанного на перераспределении полномочий при взаимодействии органов государственного и муниципального управления в системе публичной власти в соответствии с теорией договорного государства.

В конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей в современной России в деятельности президентской власти как конституционного гаранта наряду со стратегическим функционалом целеполагания произошло возрастание как исполнительных полномочий, так и существенное изменение консультативного механизма взаимосвязи организации деятельности Президента и Совета Федерации в системе публичной власти.

Конституционный институционально-организационный транзит, существенно изменивший содержание деятельности обеих палат Федерального собрания Российской Федерации, сформировал тенденцию усиления роли парламентаризма в российской политической системе, с одной стороны. С другой, в конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей в современной России главной новеллой становится возрастание роли Конституционного Суда, который выступает «истиной в последней инстанции» при разрешении споров и разногласий между Федеральным собранием РФ и Президентом России.

«Проблемное» поле для дальнейшей исследовательской работы фокусируется вокруг ответов на вопросы, которые остались за рамками данной статьи:

– во-первых, это изучение и анализ российского политического процесса разделения власти между государственными органами власти и местным самоуправлением в единой системе публичной власти, с одной стороны, как одного из основополагающих элементов теоретической конструкции в теории демократии, с другой, как российской практики реализации конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей;

– во-вторых, это критическая оценка вклада российского эксклюзивного политико-правового опыта как в «договорную» теорию демократического государства и разделения ветвей власти, так и практику институционального нормирования правил и процедур процессов распределения и перераспределения публичных властных полномочий.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А., Кузнецов И. И.* Единая? Неделимая!... Опыт ретроспективного анализа теории разделения властей в России. Саратов : Изд-во Латанова, 2001.
- 2 *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 151 // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 01.12.2020).
- 3 *Локк Дж.* Два трактата о правлении. С. 102 // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lock_Traktaty_2.pdf (дата обращения: 01.12.2020).
- 4 *Монтескье Ш.* О духе законов. С. 10 // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 01.12.2020).
- 5 Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея : пер. с англ. / под общ. ред., с предисл. Н. Н. Яковлева ; коммент. О. Л. Степановой. М. : Изд. группа «Прогресс – Литера», 1994. С. 34.
- 6 Там же. С. 40.
- 7 Там же.
- 8 См.: *Масленников А. А., Липунова Л. В.* Основные проекты Конституции США // Теория и практика современной науки. 2017. № 4 (22). С. 591–594.
- 9 См.: *Санжаревский И. И.* Инверсионно-ресурсная модель власти : демократия как политический режим конвертации ресурсов во власть // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 4 (55). С. 6.
- 10 См.: *Санжаревский И. И.* Политическое управление и пропорциональность института власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 77.

- ¹¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 75 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.
- ¹² См.: *Санжаревский И. И.* Инверсионно-ресурсная модель власти : демократия как политический режим конвертации ресурсов во власть С.6.
- ¹³ См.: Конституция Никарагуа 1987 г. // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=52&attempt=1> дата обращения: 01.12.2020).
- ¹⁴ См.: *Цибулевская О. И., Милушева Т. В.* Конституционный принцип разделения властей : теория и практика реализации // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 5. С. 59. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-5-56-62>
- ¹⁵ О Государственном Совете Российской Федерации : федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. Ст. 3 // Российская газета. 2020. 11 дек.
- ¹⁶ См.: Конституция Российской Федерации. Ст. 102.
- ¹⁷ Там же. Ст. 132.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ О Государственном Совете Российской Федерации : федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. Ст. 5.
- ²⁰ Конституция Российской Федерации. Ст. 125.
- ²¹ Там же. Ст. 102.
- ²² Там же. Ст. 98.
- ²³ Там же. Ст. 95.
- ²⁴ Там же. Ст. 102.
- ²⁵ Там же. Ст. 103.
- ²⁶ Там же. Ст. 104.
- ²⁷ Там же. Ст. 103.

Поступила в редакцию 15.05.2021, после рецензирования 20.05.2021, принята к публикации 21.05.2021
Received 15.05.2021, revised 20.05.2021, accepted 21.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 331–334

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 331–334

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-331-334>

Научная статья
УДК 659.4

Специфика PR-деятельности российских органов местного самоуправления в условиях коронавирусной инфекции COVID-19

Э. М. Зиятдинова[✉], Д. Р. Фатыхова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Зиятдинова Эльмира Мансуровна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и прикладной политологии, EIMZiyatdinova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0243-5756>

Фатыхова Диана Рустэмовна, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии, d.fatikhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5336-4914>

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные черты PR-деятельности органов местного самоуправления в период режима самоизоляции, введенного в марте 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции. На основе контент-анализа сообщений, размещенных на официальных аккаунтах трех администраций российских городов-миллионников (Казань, Екатеринбург, Воронеж) в социальной сети Instagram, авторы определили специфику и приоритетные направления PR-деятельности органов местного самоуправления в кризисной ситуации, вызванной пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

Ключевые слова: PR, PR-деятельность, органы местного самоуправления, коронавирусная инфекция, COVID-19

Для цитирования: Зиятдинова Э. М., Фатыхова Д. Р. Специфика PR-деятельности российских органов местного самоуправления в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 331–334. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-331-334>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Specifics of PR activities of Russian municipal bodies in the context of the spread of COVID-19

E. M. Ziatdinova[✉], D. R. Fatikhova

Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Elmira M. Ziatdinova, EIMZiyatdinova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0243-5756>

Diana R. Fatikhova, d.fatikhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5336-4914>

Abstract. This article examines some features of PR activities of local governments during the self-isolation regime introduced in March 2020 in connection with the spread of coronavirus infection. Based on content analysis of messages posted on the official accounts of three administrations of Russian cities with millions of people (Kazan, Yekaterinburg, Voronezh) in the social network Instagram, the authors determine prior directions of PR activities of local governments in a crisis caused by the coronavirus pandemic.

Keywords: PR, PR activities, local governments, coronavirus infection

For citation: Ziatdinova E. M., Fatikhova D. R. Specifics of PR activities of Russian municipal bodies in the context of the spread of COVID-19. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 331–334 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-331-334>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Распространение коронавирусной инфекции в 2020 г. потребовало от властей принятия мер, ограничивающих взаимодействие людей в масштабах страны, региона, муниципальной территории. Вводимые в спешном режиме новшества кардинально изменили образ жизни людей: становится обязательным использование в общественных местах

средств индивидуальной защиты и соблюдение социальной дистанции, присутствуют ограничения в передвижении граждан, образование переводится на «дистант», работа – на удаленный режим. В сложившейся ситуации деятельность органов власти еще больше, чем прежде, становится зависимой от конструируемой ими коммуникационной

среды, которая является важной «площадкой» информирования, разъяснения, убеждения граждан в правильности принимаемых решений.

Введение режима самоизоляции на территории Российской Федерации 28 марта 2020 г. становится для муниципальных властей периодом полномасштабной кризисной ситуации. В этой ситуации основные функции PR заключаются в информационном обслуживании программы выхода из кризиса. Связи с общественностью становятся одним из важнейших рычагов преодоления кризиса¹. Анализ антикризисной коммуникации муниципалитетов в период пандемии позволяет обобщить уникальный опыт и выделить специфику реализации PR-деятельности в это сложное время.

В условиях распространения коронавирусной инфекции муниципалитетам принадлежит ключевая роль в организации противоэпидемиологических мер в границах локальной территории. Такая позиция продиктована природой муниципальной власти. Органы местного самоуправления в России являются наиболее социально ориентированной формой публичной власти, так как максимально приближены к населению, к среде, где аккумулируются общественные интересы, зреют гражданские инициативы, формируется общественное мнение². Муниципальную власть характеризует широкий спектр выполняемых задач по обеспечению вопросов городского хозяйства, деятельности социальной направленности, продуцирование большого потока значимой для общественности информации.

Вследствие этого, можно утверждать, связи с общественностью органов местного самоуправления – это коммуникативная, социальная ответственная деятельность, осуществляемая в рамках структуры органов местного самоуправления, направленная на установление отношений с общественностью, предполагающая совершенствование механизмов муниципального управления посредством институционализации двухсторонней коммуникации между органом местной власти и общественностью. При этом органы местного самоуправления являются официальным источником информации для субъектов медиaprостранства, обладающим «монополией» на владение и распространение сообщений, затрагивающих интересы физических лиц, малых и больших социальных групп, бизнес-структур, муниципального образования и населения в целом.

Новая медиасреда с ее многоканальностью, мультиавторством контента, повсеместной интерактивностью, высокой скоростью передачи данных перестраивает позиции субъектов политики в публичной сфере. Муниципальная власть становится менее зависимой от традиционных СМИ³. Сегодня муниципалитеты имеют возможность с помощью собственных интернет-ресурсов (сайты, аккаунты в социальных медиа и т.д.) конструировать вокруг себя коммуникативное пространство.

Это тем более актуально в ситуации, когда социальными медиа пользуются 67,8% населения России, или 99 млн чел. (+5,1% с начала 2020 г.). По данным исследования Global Digital 2021, российские пользователи зарегистрированы как минимум на двух разных платформах (социальных сетях). Соединение визуального и вербального контента наиболее успешно представлено в сети Instagram. Кроме того, рост популярности данной сети за последнее время обуславливает выбор именно этой площадки в качестве объекта исследования⁴. Поэтому авторы обращаются к сообщениям, размещенным на официальных аккаунтах органов местного самоуправления в Instagram трех городов-миллионников: Казани (kzn_official), Воронежа (admvrn_official), Екатеринбурга (ekburg_official), и посредством контент-анализа постов выделяют характерные черты коммуникационной деятельности органов местного самоуправления в период изоляции, введенной из-за вспышки COVID-19.

Антикризисный PR органов местного самоуправления в исследуемый период изоляции можно условно поделить на четыре основные фазы:

– первая фаза – коммуникация органов МСУ с появлением первой информации о распространении коронавирусной инфекции;

– вторая фаза связана с введением режима изоляции, сообщениями органов МСУ об ограничительных мерах;

– третья фаза характеризуется информированием органов МСУ общественности о принятых мерах, смягчающих кризисные явления, вызванные коронавирусной инфекцией;

– четвертая фаза ознаменована смягчением ограничительных мер, переносом внимания общественности на поддерживающие меры в отношении наиболее уязвимых социальных групп.

Первые сообщения о распространении коронавирусной инфекции появляются на страницах Instagram исследуемых аккаунтов в разное время: на странице ekburg_official 11 февраля 2020 г. опубликован пост о том, что профилактика коронавируса – под контролем городских властей и медработников. Также сообщается о создании наблюдательной зоны для прибывших в Екатеринбург граждан Китая⁵. 18 марта нападающий ФК «Урал» Андрей Панюков в режиме видеозаписи на ekburg_official призывает екатеринбуржцев с пониманием отнестись к принимаемым мерам по ограничению распространения коронавируса и соблюдать меры безопасности. На странице мэрии Воронежа в Instagram (admvrn_official) первое упоминание о коронавирусе появилось гораздо позже 18 марта; сообщалось о формировании штаба по координации мероприятий по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории Воронежа и отмены массовых мероприятий⁶. 20 марта зафиксировано первое сообщение с упоминани-

ем коровирусной инфекции на странице мэрии Казани в Instagram (kzn_official). Оно связано с проверкой мэра Казани И. Метшина профилактики распространения инфекции в детских садах⁷.

Переломным моментом в коммуникации исследуемых органов местного самоуправления становится введение режима изоляции в регионах страны 30 марта 2020 г. На официальных аккаунтах городских администраций Казани, Воронежа, Екатеринбурга в Instagram в этот день появились информационные посты, были размещены видеобращения от мэра Казани и главы Екатеринбурга. В посте на kzn_official обозначены условия, при которых горожане могут покинуть места самоизоляции, сформулированы принятые меры безопасности. Также в этот день на kzn_official размещено видеобращение мэра Казани И. Метшина с призывом к жителям ответственно подойти к режиму самоизоляции, которое набрало 29 600 просмотров. Такая форма взаимодействия с общественностью позволяет не только донести значимую информацию, но и сделать его более эмоциональным, персонализированным. На ekborg_official глава Екатеринбурга А. Высокинский также в формате видеозаписи обратился к гражданам: рисуя график, он разъяснил важность соблюдения ограничительных мер. На следующий день здесь же был размещен анонс программы «Прямая линия с Александром Высокинским», где отмечалось, что ее трансляция будет организована из кабинета градоначальника; вопросы принимаются в мессенджере WhatsApp, транслироваться программа также будет на YouTube-канале. На аккаунте городской администрации Воронежа сообщалось лишь о введении режима всеобщей самоизоляции.

Далее развитие кризисной ситуации характеризуется ростом количества заболевших коронавирусной инфекцией, принятием городскими администрациями Воронежа, Екатеринбурга, Казани пакета мер социальной поддержки отдельных групп общественности. В их аккаунтах в Instagram растет количество сообщений о принимаемых властями мерах:

– информируется о работе телефона «горячей линии» для помощи горожанам старше 65 лет (ekburg_official);

– на всех трех площадках в Instagram (kzn_official, admvtn_official, ekborg_official) появляются сообщения о санитарной обработке общественного транспорта, уборке и дезинфекции улиц города, остановок общественного транспорта;

– информируется о выделении бесплатных проездных для медицинских работников на общественном транспорте (kzn_official, admvtn_official, ekborg_official);

– разъясняется порядок использования нового цифрового сервиса, позволяющего получить пропуск для выхода из дома (kzn_official);

– информируется о принятом решении ввести

бесплатный проезд на муниципальном общественном транспорте для волонтеров (kzn_official, admvtn_official, ekborg_official);

– сообщается о поручении мэра Казани обеспечить 24,5 тыс. школьников из льготной категории бесплатными продуктовыми наборами (kzn_official);

– рассказывается о доставке продуктовых наборов нуждающимся казанским пенсионерам (kzn_official);

– информируется о переходе общеобразовательных учреждений Казани на дистанционное обучение и проведении мэром Казани И. Метшиным совещания с директорами казанских школ и лицеев по вопросам обучения в онлайн-режиме (kzn_official);

– информируется о реализации мер поддержки представителей бизнеса (kzn_official, ekborg_official);

– только городская администрация Екатеринбурга (ekburg_official) сообщает о том, что поступили дополнительные средства на оснащение больниц аппаратами искусственной вентиляции легких и о том, что из городского бюджета выделяются средства на обеспечение реанимационных коек кислородом, на реконструкцию реанимационных палат.

На этом этапе кризисной ситуации в своей PR-деятельности городская администрация Екатеринбурга использует приемы развлекательного характера, дополняя ими информационный контент своего ресурса. Проводит конкурс сетевого контента #Покадома среди горожан, связанный с размещением подписчиками роликов, фотографий идей полезного домашнего времяпрепровождения. Другая творческая инициатива городской администрации Екатеринбурга проходит под названием «Дома с детьми весело», которая предполагает также опубликование контента подписчиками.

В PR-практике этого периода городской администрацией Екатеринбурга используется и прием «мнение от эксперта»: в ходе видеозаписи, опубликованной на ekborg_official, заместитель главного врача детской городской больницы (ДГБ) № 15 Юлия Константинова призвала жителей уральской столицы соблюдать противоэпидемические правила и не поддаваться панике.

Прием «апеллирование к лидеру мнений» также присутствует в антикризисной коммуникации мэрии Екатеринбурга. На ekborg_official Екатеринбург, летчик гражданской авиации, Герой России Дамир Юсупов, который в августе 2019 г. спас со своим экипажем жизни 226 пассажиров, обратился к жителям Екатеринбурга и Свердловской области с просьбой оставаться дома.

С помощью приема «сторителлинг» городская администрация Екатеринбурга транслирует «ключевое сообщение»: «система здравоохранения города отлажена и готова к борьбе с инфекцией». Об этом сообщается в формате

истории тяжелобольного пациента, заразившегося коронавирусной инфекцией и вылечившегося в городской клинической больнице № 40. В посте дается цитата заведующего четвертым инфекционным отделением ГКБ № 40 Натальи Фатеевой: «...Ему 65 лет, болел он тяжело, было диагностировано полисегментарное воспаление легких. Температура держалась много дней. Но вместе мы справились!». Через другую историю, жительницы Екатеринбурга Веры Николаевны Зверевой, транслируется сообщение о том, что «вирус реален и опасен»: «...она, заболев коронавирусной инфекцией, провела 14 дней в реанимации, из них на аппарате ИВЛ восемь дней...». В видеоматериале Вера Зверьева по телефону рассказывает о болезни и выздоровлении.

В PR-практике изучаемых муниципалитетов также присутствовало присоединение к всемирному флешмобу «Оставайтесь дома ради нас». К этой акции присоединились сотрудники дезинфекционной станции Казани, врачи Воронежа.

С 30 апреля 2020 г. в коммуникации муниципалитетов можно наблюдать смену тем транслируемых сообщений. Переломный момент связан с введением послаблений карантина. Характер сообщений с этого момента связан с информированием общественности о постепенном снятии ограничений, о мерах поддержки бизнеса, на *kzn_official*, *ekburg_official* встречаются сообщения о работе городского штаба. В этот период специалисты мэрии Казани используют юмор в своих PR-сообщениях, намекая на необходимость ношения масок: в посте на *kzn_official* изображен памятник в маске с надписью «Против коронавируса: казанские памятники тоже в тренде сезона».

Проведенный анализ показал, что в кризисный период, в условиях пандемии, приоритетной задачей PR-деятельности органов местного самоуправления стало транслирование и закрепление в коммуникативном пространстве следующих основных тем:

- создание городского штаба по противодействию распространению инфекции;
- оказание помощи наиболее уязвимым группам общества;
- объяснение необходимости ввода ограничительных мер с целью обеспечения безопасности граждан на территории муниципального образования;

– дезинфекция мест общественного пользования;

– поддержка действий городских властей (через обращение к экспертам и лидерам мнений);

– оснащение медицинских учреждений необходимым оборудованием, медикаментами для лечения больных.

Таким образом, одной из важных составляющих антикризисной коммуникации является идентификация целевых аудиторий, определение тех групп общества, кому в период кризиса будут направляться «ключевые сообщения». В то же время специфика самой сети Instagram обуславливает разнообразие подаваемого контента: и по форме (сочетание визуальной и вербальной составляющих), и по содержанию (от информационного, справочного до развлекательного).

Примечания

- ¹ См.: Связи с общественностью : учебник / Г. В. Морозова, Т. Т. Сидельникова, А. И. Остроумов [и др.] ; науч. ред. Л. А. Бурганова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 378.
- ² См.: *Starshinov A. N., Ziiatdinova E. M. Self-government bodies in Russia by the example of Kazan city (Regulatory aspect) // Revista San Gregorio. 2019. № 34. P. 254–262. <http://dx.doi.org/10.36097/tsan.v0i34.1185>*
- ³ См.: *Зиятдинова Э. М. Возможности инструментов связей с общественностью в деятельности органов местного самоуправления // Медиа и власть : власть медиа? / сост. И. Д. Порфирьева ; под ред. Г. В. Морозовой ; материалы междунар. науч.-образ. конф. (Казань, 21–22 марта 2019 г.). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 10–16.*
- ⁴ См.: *Digital 2021 : главная статистика по России и всему миру. URL: <https://rusability.ru/articles/Digital-2021-glavnaya-statistika-po-Rossii-i-vsemumiru/60538dc8f408660019227adb> (дата обращения: 21.04.2021).*
- ⁵ См.: *Официальный аккаунт администрации г. Екатеринбурга в Instagram. URL: https://www.instagram.com/ekburg_official/ (дата обращения: 31.10.2020).*
- ⁶ См.: *Официальный аккаунт администрации г. Воронежа в Instagram. URL: https://www.instagram.com/admvrn_official/ (дата обращения: 31.10.2020).*
- ⁷ См.: *Официальный аккаунт мэрии г. Казани в Instagram. URL: https://www.instagram.com/kzn_official/ (дата обращения: 31.10.2020).*

Поступила в редакцию 27.04.2021, после рецензирования 10.05.2021, принята к публикации 15.05.2021
Received 27.04.2021, revised 10.05.2021, accepted 15.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 335–339

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 335–339

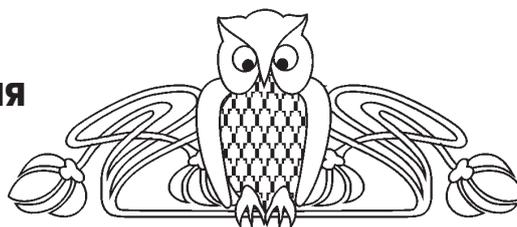
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-335-339>

Научная статья

УДК 32

Некоторые вопросы взаимодействия России и Китая в Арктике

Е. С. Новикова[✉], А. В. Крипак

Иркутский филиал ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» имени акад. С. Н. Федорова» Минздрава России, Россия, 664017, г. Иркутск, ул. Ломоносова, д. 337

Новикова Елена Сергеевна, специалист Научно-образовательного отдела, e.novikova@mntk.irkutsk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-8463>

Крипак Анна Валентиновна, переводчик Научно-образовательного отдела, anna_kripak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9117-828X>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению причин и ряда направлений сотрудничества России и Китая в Арктическом регионе. Проанализирована важность данного региона для России и Китая. Выявлены преимущества Арктики для двух стран с точки зрения территории, экономики, политики. Сделан вывод о взаимосвязи пандемии COVID-19 и усиления кризиса политических и экономических взаимоотношений Китая, России и США.

Ключевые слова: Арктика, Арктический регион, Россия, Китай, внешняя политика, международное сотрудничество

Для цитирования: Новикова Е. С., Крипак А. В. Некоторые вопросы взаимодействия России и Китая в Арктике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 335–339. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-335-339>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Some issues of cooperation between Russia and China in the Arctic

E. S. Novikova[✉], A. V. Kripak

Irkutsk Branch of S. N. Fyodorov Eye Microsurgery Federal State Institution, Ministry of Health of the Russian Federation, 337 Lermontov St., Irkutsk 664017, Russia

Elena S. Novikova, e.novikova@mntk.irkutsk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-8463>

Anna V. Kripak, anna_kripak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9117-828X>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the reasons and a number of areas of cooperation between Russia and China in the Arctic region. The importance of this region for Russia and China is analyzed. The advantages of the Arctic for the two countries in terms of territory, economy, and politics are revealed. The conclusion is made about the relationship between the COVID-19 pandemic and the exacerbation of the crisis of political and economic relations between China, Russia, and the United States.

Keywords: Arctic, Arctic region, Russia, China, foreign policy, international cooperation

For citation: Novikova E. S., Kripak A. V. Some issues of cooperation between Russia and China in the Arctic. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 335–339 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-335-339>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Азиатско-Тихоокеанский регион с его динамичной экономикой и богатым культурным разнообразием быстро приобретает все большее значение и будет играть решающую и важную роль в мире в XXI в. Ключевым фактором его успеха станет способность и готовность стран региона к сотрудничеству по широкому спектру направлений деятельности.

Несмотря на политическое, экономическое, социокультурное разнообразие данного региона,

наблюдается рост взаимозависимости его стран не только в области экономики, но также политики.

Арктика представляет собой регион международной политической и экономической важности, так как соединяет Азию, Европу и Северную Америку, где происходит около 90% международной торговли¹. В этом регионе сосредоточены огромные запасы неиспользованных ресурсов, в том числе значительная часть мировых запасов нефти.

В августе 2019 г. с помощью спутников по сканированию Полярного круга было замечено, что лед в Арктическом регионе отступил до такой степени, что стали видны острова, ранее погруженные под ледниками. Климатический кризис открыл новые для эксплуатации в политических и экономических целях земли. По данным Русского географического общества, в период с 2015 по 2018 г. в Арктике было открыто более 30 новых островов, мысов и заливов.

С началом глобального потепления и таянием льдов Северный морской путь стал перспективным судоходным маршрутом. Так, например, правительство Великобритании предположило, что изменение климата может в конечном итоге утроить продолжительность сезона судоходства². Климатические изменения также позволили начать эксплуатацию природных ресурсов, которые ранее были недоступны. Эти факторы в сочетании с географическим положением Арктики, соединяющей Тихий и Атлантический океаны, сделали данный регион местом высокого международного стратегического интереса в новом столетии.

Глобальное потепление в Арктическом регионе идет в два раза быстрее, чем в среднем по миру. Этот фактор обеспечивает доступность Северного морского пути в течение более длительного периода, сокращает расстояние между Европой и Азией на 25% и предлагает альтернативу опасным судоходным маршрутам (таким как Малаккский пролив и Суэцкий канал). Так, в августе 2018 г. датская компания по морской транспортировке грузов Maersk отправил первый контейнеровоз по Северному морскому пути России из Владивостока в Санкт-Петербург, пройдя Берингов пролив мимо Северного полюса, а не по существующему маршруту вокруг Китая и через Суэцкий канал, сократив таким образом расстояние своей перевозки на 40%³.

По оценкам Д. С. Чумакова, 13% неиспользованных мировых запасов нефти и 30% ресурсов природного газа находятся в Арктическом регионе; с таянием льдов они постепенно становятся технически и экономически пригодными для эксплуатации⁴. Обеспечение безопасности этого нового морского пути и природных ресурсов является центральной причиной милитаризации Арктики.

Россия как арктическая страна имеет определенные национальные интересы в Арктике на законных основаниях. Во-первых, российская арктическая береговая линия составляет 22 600 км, или 58% всей арктической береговой линии. А российская арктическая территория на 1,42 млн кв. км больше, чем территория четырех других арктических государств, вместе взятых⁵. Российские исследователи указывают на естественные преимущества Российской Арктики: «Регионы Севера России генерируют 20% ВВП России,

18% электроэнергии, 25% древесины и изделий из древесины, более 90% природного газа, 75% нефти, 45% угля, 80% золота, 90% меди и никеля, почти все алмазы, кобальт, платиноиды, апатитовый концентрат. Регионы Севера ... обеспечивают почти 60% ввода валюты в России»⁶. «Доля нефти из северных месторождений по сравнению с национальной добычей нефти составляет 82% в России, 31% в США, 26% в Норвегии, 1,2% в Канаде. Доля газа из северных месторождений по сравнению с национальной добычей газа составляет 97% в России, 18% в Норвегии, 1,1% в Канаде (в США добыча нефти только на Аляске)»⁷. Западные эксперты также считают, что российская Арктика богата природными ресурсами, потому что около 70% всех арктических нефтегазовых ресурсов сосредоточено там, и это делает Россию основным игроком в Арктическом регионе⁸.

Во-вторых, история российских исследований в Арктике насчитывает более восьми веков. Именно Россия начала экономическую деятельность на Аляске, и только после ее приобретения США стали арктическим государством. Во времена Советского Союза Россия начала активные перевозки по Северному морскому пути. Другими словами, Россия начала проявлять интерес к Арктике в то время, когда никто не говорил о ресурсах арктического шельфа или климатических изменениях⁹.

В-третьих, Российская Арктика более густонаселена по сравнению с арктическими территориями других государств. Она также характеризуется развитой инфраструктурой благодаря прямым государственным инвестициям в нефтегазовые объекты, трубопроводы, электростанции, шахты, железные дороги, а также морские и речные станции.

Россия также имеет доступ к самому большому и передовому флоту ледоколов, необходимых для безопасного пересечения вод. По мнению научного сотрудника Королевского института объединенных служб Сидхарта Каушала, страна рассматривает это как возможность для ведения бизнеса путем взимания платы за использование этого ледокольного флота другими государствами¹⁰.

Но при всех своих конкурентных преимуществах Россия не единственный игрок в Арктическом регионе. Нынешний период развития данной территории характеризуется как «арктический бум», когда государства уделяют гораздо больше внимания своим территориям в Арктике и их развитию. Россия играет значительную роль в этом диалоге, хотя существует некоторая двусмысленность в интерпретации российского подхода к арктической повестке дня, которая позволяет по-разному трактовать российскую арктическую стратегию. Например, размещение 2 августа 2007 г. на морском дне под Северным полюсом

российского флага рассматривается большинством западных исследователей как символ контроля над этой территорией. Эта акция в дополнение к российско-грузинскому конфликту 2008 г. привела к организации в Рейкьявике в январе 2009 г. встречи, в которой приняли участие как страны НАТО, так и страны, не входящие в блок. Однако Россия не была приглашена на эту встречу.

Несмотря на то что вопросы Арктического региона не занимают лидирующие позиции в повестке дня внешней политики Китая, страна в последние годы диверсифицировала свои интересы и расширила дипломатическую и экономическую деятельность в данном регионе с четким обозначением своей позиции как «арктической заинтересованной стороны»¹¹. Для Китая важность Арктики обусловлена рядом причин: 1) территориальная, подчеркивающая его близкое к Арктике местоположение с целью активного участия в арктических исследованиях; 2) экономическая, направленная на поиск новых источников природных ресурсов (нефти и природного газа), а также новых маршрутов перемещения грузов; 3) политическая, одним из векторов которой является поддержка России в соперничестве с США в Арктическом регионе.

Говоря о территориальной причине, стоит отметить, что Китай впервые выразил заинтересованность в получении статуса наблюдателя в Арктическом совете в 2007 г., но только в 2013 г. ему удалось его получить¹². До сих пор внимание и деятельность Китая в регионе были сосредоточены на научных интересах, особенно в связи с продвигаемым воздействием на Китай таяния льдов и изменения климата в Арктике, включая исследования в области географии, климатологии, геологии, гляциологии и океанографии¹³. Кроме того, китайская сторона также стремится установить более тесные научные партнерские отношения с Россией, в частности, для проведения совместных разведочных и исследовательских миссий в Арктике. В сентябре 2016 г. Российским Дальневосточным федеральным университетом и Китайским Харбинским политехническим университетом было объявлено о создании Российско-китайского полярного инженерингового и научно-исследовательского центра, целью которого обозначено формирование совместной исследовательской группы по реализации проектов, направленных на содействие промышленному освоению Арктики, включая разработку ледостойких платформ и морозостойкого бетона для использования в полярных регионах, а также изучение влияния ледовых нагрузок на суда и надежность различных инженерных сооружений на льду¹⁴.

Вторая причина растущей активности Китая в Арктическом регионе связана с экономическими интересами и озабоченностью по поводу

обеспечения и диверсификации поставок энергоносителей, а также поиска альтернативных маршрутов перемещения грузов. Прежде чем к 2030 г. население Китая достигнет 1,45 млрд чел.¹⁵, его правительству необходимо найти новые источники природных ископаемых. Более того, на сегодняшний день Северный Ледовитый океан является связующим звеном между Азией, Европой и Северной Америкой – континентами, на которые приходится 90% мировой торговли¹⁶. Однако в интересах Китая – сократить стоимость судоходства путем перевозки грузов через Арктику. Также к причинам поиска альтернативных путей грузоперевозок относится стремление Китая стать менее зависимым от Южно-Китайского моря ввиду напряженной политической обстановки вокруг него.

Что касается политической причины важности Арктического региона для Китая, то здесь следует отметить противостояние КНР и США за статус мировой державы. За последние десятилетия Китай добился необычайных успехов, и скорость и масштабы этой трансформации привели к заметному экономическому росту и политическому влиянию. Несмотря на сотрудничество двух стран по ряду вопросов (например, достигнутое на климатическом саммите ООН в Париже в декабре 2015 г. соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата; подписанное в январе 2020 г. соглашение по торговой сделке и т.д.), отношения двух стран на современном этапе претерпевают значительные трудности. Эскалация противоборства России и США на фоне украинского кризиса, а также смещение акцента американской дипломатии в Азиатско-Тихоокеанский регион стали фактором, способствующим активизации российско-китайского сотрудничества в Арктическом регионе: так, например, в сентябре 2015 г. пять китайских военных кораблей провели совместные учения с российским флотом у острова Танага в Алеутском архипелаге в соответствии с международным правом¹⁷. Кроме того, Китай меньше всего заинтересован в наращивании своего военного потенциала в Арктике, так как стабильная и мирная Арктика отвечает его интересам – она в первую очередь ориентирована на использование Северного морского пути в будущей диверсификации поставок топлива и других экономических возможностей. Сотрудничество Китая и России в Арктике не предполагает наращивания военной мощи в регионе; скорее, оно гарантирует взаимную выгоду от нейтрализации влияния США и оживления экономической активности в Арктике, которая резко упала после украинского кризиса.

Стоит также отметить ряд утверждений аналитиков, которые полагают, что пандемия COVID-19 поможет создать новый мировой порядок, в котором Китай будет лидировать в глобальном управлении¹⁸. Другие предсказывают, что

само воздействие этого вируса на человечество может создать новую эру глобального сотрудничества, расширить и углубить взаимосвязь между нациями и народами¹⁹. Напротив, некоторые предупреждают, что основными жертвами пандемии станут сотрудничество государств и в конечном счете сама глобализация²⁰.

Любое влияние пандемии на глобальные геостратегические события зависит от реакции великих держав, и США в частности. Важно также отметить, что политические факторы, которые предшествовали пандемии, скорее всего, будут теми же факторами, которые определяют ее будущие последствия. Логическое обоснование этого предположения заключается в том, что вспышка не была столь внезапным событием, как, например, теракты 11 сентября, и не была столь серьезной с точки зрения последствий, как Вторая мировая война. Стивен Уолт замечает: «... что не изменится, так это фундаментально конфликтная природа мировой политики»²¹. Предыдущие эпидемии, включая эпидемию гриппа 1918–1919 гг., не положили конец соперничеству великих держав и не открыли новую эру глобального сотрудничества. Соответственно, влияние COVID-19 на политические усилия по управлению кризисом не означает, что как только пандемия будет побеждена, кризис предотвратит повторение предыдущих политических конфликтов, таких как конкуренция между США и Китаем. До начала пандемии мировая политика изобилвала конфликтами, недоверием, политической и экономической напряженностью, растущим популизмом. Напряженность была очевидна из-за киберпреступности, вмешательства в выборы, терроризма, транснациональной организованной преступности, проблем безопасности человека и неопределенности в ЕС в результате Brexit. Волны мигрантов, ищущих убежища в Европе, оказывают все большее давление на проведение глобальной политики в напряженной и поляризованной обстановке. Совсем недавно главным событием в международной политике, предшествовавшим пандемии, стало то, что было названо торговой войной, когда США вступили в торговые споры с несколькими странами, главным образом с Китаем, что создало неопределенность и некоторую нестабильность рынка, поставило под сомнение глобальное торговое регулирование в соответствии с соглашениями. Учитывая нынешнее состояние глобальной политики, пандемия, вероятно, добавит больше неопределенности из-за все более уязвимой среды для конфликтов и появления новых измерений угроз человечеству и установившемуся глобальному порядку.

Подводя итог, можно сказать, что Россия и Китай заинтересованы в дальнейшем расширении стратегического партнерства в Арктике во имя устойчивого развития всего Арктического

региона. Направленность деятельности Китая заключается в прагматизме и обусловлена стремлением обеспечить себя доступом к природным и энергетическим ресурсам Арктического региона, участием в научно-исследовательских мероприятиях, затрагивающих глобальные проблемы (экологические и климатические изменения), освоением альтернативного Северного морского пути. Решение данных вопросов напрямую зависит от стабильности во взаимоотношениях с Россией.

Несмотря на то что Китай не является арктическим государством, сотрудничество двух стран продолжает набирать обороты и из-за политических взаимоотношений каждой из этих стран с США. Вместе с тем важным, прежде всего, является принятие во внимание того факта, что Арктика – это населенная территория, и решения, принимаемые всеми арктическими и неарктическими государствами, должны в той или иной степени учитывать данную действительность.

Примечания

- 1 См.: *Gudjonsson H., Nielsson Th. E. China's Belt and Road Enters the Arctic // The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2017/03/chinas-belt-and-road-enters-the-arctic/> (дата обращения: 14.05.2021).
- 2 См.: *Melia N. What opening Arctic sea routes mean for the UK // GOV.UK*. URL: <https://foresightprojects.blog.gov.uk/2017/08/03/what-opening-arctic-sea-routes-mean-for-the-uk/> (дата обращения: 12.05.2021).
- 3 См.: *What is the Northern Sea Route? // The Economist*. URL: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2018/09/24/what-is-the-northern-sea-route> (дата обращения: 12.05.2021).
- 4 См.: *Ytier M. China, Russia and Security Strategies in the Arctic // High North News*. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/china-russia-and-security-strategies-arctic> (дата обращения: 01.05.2021).
- 5 См.: *Воронков Л. Интересы России в Арктике // РСМД : Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesny-rossii-v-arktike/> (дата обращения: 02.05.2021).
- 6 *Лукин Ю. Ф. Становление новой модели местного самоуправления в северных территориях // Вестник национального комитета «Интеллектуальные ресурсы России»*. 2006. № 4. С. 112.
- 7 *Чумаков Д. С. Основные векторы международного сотрудничества в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 2. С. 45.
- 8 См.: *Kristofer B., Oldberg I. The New Arctic : Building Cooperation in the Face of Emerging Challenges*. SIPRI Conference Report, 2011.
- 9 См.: *Пойлов А. Н. Геополитические интересы и приоритеты России в Арктическом регионе // Русская политология*. 2017. № 2. С. 50–56.

- ¹⁰ См.: *Bedingfield W.* As the Arctic melts, China and Russia struggle for control // *Wired*. URL: <https://www.wired.co.uk/article/arctic-ice-melting-shipping-russia-china> (дата обращения: 02.05.2021).
- ¹¹ См.: *Sørensen C., Klimenko E.* Emerging Chinese-Russian Cooperation in the Arctic. SIPRI Conference Report, 2017.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: *Lanteigne M.* The role of China in emerging Arctic security discourses // *S&F Sicherheit und Frieden*. 2015. Vol. 33, № 3. P. 150–155.
- ¹⁴ См.: Совместный российско-китайский проект по промышленному освоению Арктики начали ДВФУ и Харбинский политех // *East Russia*. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/sovместnyu-rossiysko-kitayskiy-proekt-po-promyshlennomu-osvoeniuyu-arktiki-nachali-dvfu-i-kharbinskiy/> (дата обращения: 05.05.2021).
- ¹⁵ См.: Численность населения Китая к 2030 году достигнет своего максимума // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58c3c3029a794707db163625> (дата обращения: 06.05.2021).
- ¹⁶ См.: *World Trade Statistical Review*. World Trade Organization, 2017.
- ¹⁷ См.: *Beixi D.* Arctic Geopolitics : The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // *Russia in Global Affairs*. 2016. Vol. 14, № 2. P. 206–220. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/arctic-geopolitics/> (дата обращения: 08.05.2021).
- ¹⁸ См.: *Allen J. R.* How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic // *FP : Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 10.05.2021).
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ См.: *Bremmer I.* Why COVID-19 May be a Major Blow to Globalization // *Time*. URL: <https://time.com/5796707/coronavirus-global-economy/> (дата обращения: 10.05.2021).
- ²¹ *Allen J. R.* Op. cit.

Поступила в редакцию 16.05.2021, после рецензирования 20.05.2021, принята к публикации 22.05.2021
Received 16.05.2021, revised 20.05.2021, accepted 22.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 340–346

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 340–346

<https://soziopolit.sgu.ru>

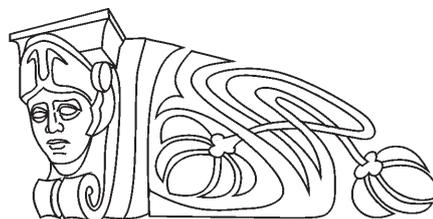
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>

Научная статья

УДК 327.8

Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации

П. И. Пашковский

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4

Пашковский Пётр Игоревич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук и международных отношений, petr.pash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>

Аннотация. В статье рассматривается проблема этапов эволюции и основных тенденций функционирования внешнеполитического механизма Российской Федерации. Охарактеризована степень субъектности конкретных элементов механизма формирования и реализации российской внешней политики с 1991 г. по настоящее время. Показано, что в период 2000–2008 гг. в системе государственного внешнеполитического механизма происходят определённые изменения, обусловленные спецификой стиля руководства действующего президента и его команды. К 2012 г. данная система эволюционирует, приобретает современные черты.

Ключевые слова: внешнеполитический механизм РФ, внешнеполитический процесс РФ, внешняя политика РФ, принятие внешнеполитических решений, государство, группы интересов

Для цитирования: Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 340–346. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the foreign policy mechanism of the Russian Federation

P. I. Pashkovsky

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia

Petr I. Pashkovsky, petr.pash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>

Abstract. The article considers the problem of the stages of evolution and the main trends in the functioning of the foreign policy mechanism of the Russian Federation. The degree of influence of specific elements of the mechanism of formation and implementation of Russian foreign policy from 1991 up to the present has been characterized. It was shown that in 2000–2008 certain changes took place in the system of the state foreign policy mechanism, which were due to the specifics of the leadership style of the incumbent President and his team. By 2012, the system evolves and acquires modern features.

Keywords: foreign policy mechanism of the Russian Federation, foreign policy process of the Russian Federation, foreign policy of the Russian Federation, foreign policy decision-making, state, interest groups

For citation: Pashkovsky P. I. Features of the foreign policy mechanism of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 340–346 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях увеличения международной напряжённости актуализируются дискуссии, связанные с поиском адекватного ответа на современные вызовы и угрозы национальной безопасности нашего государства, среди которых особое место занимают вопросы повышения эффективности внешней политики России¹. Эта проблематика соотносится со специфической сферой формирования и реализации российской внешней политики², которая в силу своей закрытости зачастую получала ситуативное освещение – с акцентом на изучении общетеоретических

вопросов при недостаточном внимании к существенным – в трудах как отечественных³, так и зарубежных⁴ исследователей. В связи с этим в данной статье осуществляется попытка рассмотрения этапов эволюции и основных тенденций функционирования внешнеполитического механизма РФ.

Разрушение Советского Союза поставило Российскую Федерацию в двойственное положение относительно функционирования внешнеполитического механизма. С одной стороны, республика не была связана с внешнеполитическим

механизмом СССР. Министерство иностранных дел РСФСР фактически являлось филиалом Протокольного отдела МИДа Советского Союза, занимаясь организацией поездок иностранных делегаций по республике. С другой стороны, Россия создавала собственный внешнеполитический механизм с учётом переходивших под её юрисдикцию союзных ведомств-исполнителей Министерства иностранных дел, внешней разведки, обороны и т. д., которые следовало объединить новыми линиями взаимодействия и межведомственной координации. Решению этой задачи способствовало то обстоятельство, что к указанному времени все внешнеполитические ведомства Российской Федерации были выведены непосредственно под Президента, давая возможность восстановить внешнеполитический механизм в аналогичном существовавшему ранее виде, заменив ЦК президентским аппаратом. Но справиться с этой задачей не позволили положение в самом аппарате, а также квалификация и методы работы первого Президента России. В свою очередь, работники внешнеполитических ведомств не стояли перед необходимостью делать выбор, переходя на службу новым государству и власти практически одновременно⁵.

Это происходило в условиях значительной автономии российской политической элиты. «Когда институциональная структура старого режима распалась, — отмечал Д. Г. Балуев, — политическая элита сосредоточила свои усилия на экономической реформе, которая вылилась в открытый грабёж, в то время как строительство государственных институтов во многих областях политики считалось второстепенным делом. Россия стала квазигосударством, формально обладающим государственным суверенитетом, но не имеющим политической воли, институциональной способности и организованной власти для защиты гражданских прав и обеспечения благосостояния населения»⁶.

Указанные обстоятельства важны с учётом того, что при разрушении СССР союзные министерства в Москве, в том числе и МИД, оказывались под контролем новой власти, от которой зависело, как будет использован их потенциал. Функционирование внешнеполитического механизма Российской Федерации в начале 1990-х гг. характеризовалось хаотичностью в звене Министерство иностранных дел — Президент и в целом бессистемным взаимодействием явно избыточного числа акторов. В этом отношении — на фоне общей неопределённости и негативных тенденций — государством предпринимались попытки создать органы по выработке внешнеполитической стратегии и координации деятельности различных ведомств во внешнеполитической сфере. Так, в конце 1992 г. была образована межведомственная внешнеполитическая комиссия Совета безопасности, которая периодически готовила доклады президенту по

отдельным вопросам. Вместе с тем они имели форму общих пожеланий, не оказывая реального воздействия на внешнеполитический курс⁷.

Стремясь усилить свое влияние на государственный механизм формирования и реализации внешней политики, Б. Н. Ельцин в феврале 1992 г. подписывает указ, согласно которому Президент Российской Федерации получает права непосредственно направлять деятельность Министерства иностранных дел, Министерства безопасности, Министерства внутренних дел и Министерства юстиции. Это означало, что глава государства располагает особыми полномочиями в области принятия внешнеполитических решений, осуществляя контроль над деятельностью профильных министерств⁸.

В ноябре 1992 г. Президент подписал распоряжение «Об обеспечении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в международных отношениях»⁹. В результате Министерство иностранных дел утверждалось в качестве аппарата, вырабатывающего предложения по важнейшим внешнеполитическим позициям, осуществляющего координацию внешней деятельности различных российских ведомств и обеспечивающего ее соответствие с официально принятыми установками и указами Президента. Таким образом, к началу 1993 г. формируется такая структура внешнеполитического механизма России, в рамках которой усиливаются позиции Президента, связанных с ним ведомств и Министерства иностранных дел в отношении возможностей влияния на процесс принятия и реализации внешнеполитических решений¹⁰.

Предваряя характеристику сложившегося внешнеполитического механизма, следует отметить, что на протяжении 1990-х гг. под воздействием положений принятой в декабре 1993 г. Конституции¹¹ российская государственность обретает чёткую форму президентской республики. В этом плане внешнеполитический процесс России в данный период отличался высокой степенью размытости и неопределённости, полностью замыкаясь на Президента. Подобное было обусловлено тем, что технология выработки и принятия внешнеполитических решений не была оформлена законодательно, а Министерство иностранных дел, являясь законным координатором внешнеполитической деятельности, было вынуждено неоднократно уточнять позицию после заявлений Президента или публично заявлять, что не имеет информации о подготовке важнейших внешнеполитических шагов¹².

Примечательно, что роль МИД как координатора внешней политики Российской Федерации подтверждалась несколькими указами Президента. В частности, эта задача снова поручалась внешнеполитическому ведомству в марте 1996 г.¹³. В целом, в годы президентства Б. Н. Ельцина указы, утверждающие роль

Министерства иностранных дел в качестве главного органа по координации внешней политики, подписывались им трижды: два раза при А. В. Козыреве и один раз при Е. М. Примакове в должности министров иностранных дел. Процесс принятия внешнеполитических решений в этот период отличался тремя особенностями: инкрементальным и инерционным характером в обычном режиме и импровизационным – в чрезвычайном; постоянными поисками «координирующего органа», что приводило к подтверждению в этом статусе Министерства иностранных дел; значительной зависимостью «стиля» внешней политики от личностных особенностей тех, кто занимал в это время ключевые в отношении внешнеполитического влияния государственные должности. «В эти годы, – писал А. М. Салмин, – таковыми были <...> в соответствии не с формальной “концепцией”, а с реальным влиянием на стиль внешней политики – посты министра иностранных дел (три человека), премьер-министра (семь человек, но при этом пять с половиной лет из десяти главой правительства был один человек – В. Черномырдин) и, в меньшей степени, секретаря Совета безопасности (десять человек), а также – в несравненно меньшей степени – того в окружении Президента (независимо от названия должности), кому поручались обязанности его личного внешнеполитического помощника или / и главы соответствующего подразделения Администрации Президента. Каждый новый министр иностранных дел как бы получал (или подтверждал) своеобразный “ярлык” на координирующую роль МИДа, и надо признать, что при явной предопределённости получения такого “ярлыка” на тех или иных условиях, прежде всего от личных качеств и распределения полномочий в тендеме “президент – министр иностранных дел” зависело, была эта координирующая роль в действительности конструктивной или деструктивной»¹⁴.

Важной особенностью российской действительности 1990-х гг., отражающейся на процессе принятия и реализации внешнеполитических решений, стало то, что государство порой выглядело совокупностью конкурирующих группировок, а вектор государственной политики, в том числе и внешней, во многом определялся существовавшими в конкретный момент отношениями между ними. В этом контексте исследователи акцентировали, с одной стороны, отсутствие единой государственной внешней политики, с другой стороны, наличие «политик» Газпрома, ЛУКОЙЛа, РАО ЕЭС, Министерства обороны и других структур. Высказывались мнения о том, что Россия в этот период имела «несколько внешних политик»: Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Минатома и т. д. В условиях политической и экономической анархии на первый план в выработке внешней

политики выходят крупнейшие российские корпорации, среди которых были Газпром, ЛУКОЙЛ и финансово-промышленные группы¹⁵.

В этом отношении значительное воздействие на внешнюю политику России в 1990-е гг. оказывали группы интересов, каждая из которых отстаивала определённую, наиболее приемлемую для себя внешнеполитическую линию. Так, к первой группе интересов исследователи относят армию, военно-промышленный комплекс (ВПК) и сопряжённые с ними бюрократические структуры, научно-исследовательские центры, высшие учебные заведения и др. Вторая совокупность групп интересов отражала позиции социальных и экономических групп, которые были вовлечены в интенсивные экономические связи со странами Запада, ориентируясь на развитие экспортных отраслей, сферы услуг, внешней торговли и финансов. Особую роль в этом плане играл топливно-энергетический комплекс (ТЭК), ведущим представителем которого являлся Газпром. Сложившиеся группы интересов придерживались различных внешнеполитических стратегий, расходясь по принципиальным вопросам: сотрудничество или противоборство с Западом; «нормальные» отношения с ближним зарубежьем или форсированная интеграция в рамках СНГ¹⁶.

Учитывая сказанное, справедливой представляется сентенция Д. Г. Балужева, что к важнейшим внутренним «движущим силам», влияющим на российскую внешнюю политику в 1990-е гг., относились «государство, ряд неформальных факторов, известных под собирательным названием “организованная преступность”, и так называемые финансово-промышленные группы. Первый из обозначенных факторов традиционно является ключевым при выработке и проведении внешней политики. Две другие группы, несмотря на до недавних пор почти полную сконцентрированность на политике внутренней, во все большей степени превращаются во внешнеполитических акторов»¹⁷.

С вступлением в силу Конституции Российской Федерации в конце 1993 г. начинает формироваться система принятия внешнеполитических решений, которая, учитывая имевшиеся (порой значительные) изменения, в общих чертах представляется функциональной по сегодняшний день. Тенденцией функционирования данной системы исследователи склонны считать то, что основные внешнеполитические решения принимаются, главным образом, внутри треугольника Президент – Администрация Президента – Министерство иностранных дел. Значение этих элементов в рамках треугольника менялось с течением времени. В частности, Министерство иностранных дел было ключевым центром, определявшим внешнюю политику страны в начале и середине 1990-х гг. (при министрах А. В. Козыреве и Е. М. Примакове). Представля-

ется, что внешнеполитический курс государства в указанный период испытывал значительное влияние личной позиции главы министерства¹⁸.

В контексте стремлений главы государства увеличить своё воздействие на внешнеполитический процесс в 1995 г. при Президенте был создан Совет по внешней политике, заменивший также находившуюся в рамках президентских структур Межведомственную комиссию Совета безопасности Российской Федерации, занимавшуюся координацией различных российских заграничных ведомств¹⁹. В 1996 г. на базе Совета по внешней политике при Президенте и отдела Администрации Президента по взаимодействию с органами СНГ создаётся Управление Президента по внешней политике, предназначенное для обеспечения содержательной части внешнеполитических акций главы государства и их информационного обеспечения. С этого момента исследователи отмечают увеличение влияния Администрации Президента на внешнеполитический процесс, что достигло максимума в период второго президентского срока В. В. Путина²⁰.

В российском механизме принятия и реализации внешнеполитических решений в той или иной степени задействованы три ветви государственной власти. Как уже отмечалось, в определении внешней политики ведущую роль играют Президент и Министерство иностранных дел. В этом отношении Администрация Президента занимается, прежде всего, «технической» координацией внешнеполитических аспектов. Министерство иностранных дел, являясь основным инструментом реализации государственной внешней политики, координирует подготовку внешнеполитических решений. Вопросы международной безопасности России входят в компетенцию Совета безопасности, Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки, Главного управления Генерального штаба Вооружённых сил (ГРУ), Федеральной пограничной службы, Федеральной миграционной службы, Министерства обороны и Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Значимую роль в контексте обеспечения юридического сопровождения, в том числе в законодательной работе Федерального собрания, играет Конституционный Суд. Координацию миграционной политики осуществляет Министерство внутренних дел. Ряд других министерств и ведомств координируют международное сотрудничество в экономической, научной и культурной сферах. Субъекты Российской Федерации и Полномочные представители Президента в федеральных округах участвуют во внешнеполитическом процессе в измерении регионального сотрудничества²¹.

Воздействие на внешнеполитический механизм (и внешнеполитический процесс в целом)

Российской Федерации оказывает встроенный в глобальную экономику российский бизнес. В частности, крупнейшие государственные корпорации (Газпром, Роснефть, Транснефть, Росатом, Рособоронэкспорт), государственные банки (ВТБ, Сбербанк) и частные компании (Альфа-групп, ЛУКОЙЛ и т. д.), которые активно вовлечены в мирохозяйственные связи и действуют на глобальном уровне²².

Что касается экспертного сообщества, оказывающего влияние на формирование государственной внешней политики, то такое включает, во-первых, академические и ведомственные институты, созданные в советский период: ведущие университеты России, в которых имеются профильные кафедры и специалисты. Во-вторых, многочисленные экспертно-аналитические структуры (так называемые мозговые центры), появившиеся в постсоветский период, которые специализируются на определённых направлениях прикладных исследований. При этом профессиональное сообщество объединено в рамках нескольких структур: Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) и Российский совет по международным делам (РСМД). Следует отметить, что бывшими дипломатами была основана Международная внешнеполитическая ассоциация. В 1990-е гг. особую активность проявлял СВОП, сумевший объединить внутри себя представителей разных политических сил, идеологических направлений и групп интересов. Эта структура внесла существенный вклад в формирование общенациональной платформы по ряду стратегических проблем внешней и оборонной политики²³.

Кроме того, взаимодействие экспертного сообщества и государства в контексте формирования и реализации внешней политики поддерживается научными советами, существующими при Министерстве иностранных дел и Совете безопасности, а также общественными советами при Министерстве обороны и других ведомствах. Определённое значение имеет и неформальное общение экспертов и практиков, деятельность которых связана с внешнеполитической сферой²⁴.

По оценкам исследователей, система управления внешней политикой действующего президента сложилась к 2004 г. В этом отношении существующий процесс формирования и реализации внешнеполитических решений характеризуется опорой на систему личных связей, находясь под влиянием слабо институционализированных личных и корпоративных интересов. Важной особенностью процесса принятия решений, связанных с внешней политикой, представляется необходимость поддержания равновесия между несколькими ведущими центрами, что проявляется в попытках главы государства найти согласованные позиции. При этом значительное влияние оказывает ближайшее окружение президента.

В целом, современный российский внешнеполитический процесс включает следующие уровни:

1) высший дивизион (стратегический уровень), в рамках которого происходит принятие внешнеполитических решений, либо действия, оказывающие на это наибольшее влияние;

2) средний дивизион (оперативный уровень): осуществляются подготовка, согласование и влияние на принятие решений по отдельным направлениям внешней политики;

3) исполнительный дивизион (тактический уровень): реализация внешнеполитических решений;

4) обслуживающий дивизион (вспомогательный уровень): научно-экспертное и пропагандистское сопровождение внешней политики.

Также выделяются следующие институциональные кластеры управления внешней политикой:

1) государственно-бюрократический (политико-дипломатические, военные, специальные и экономические органы государственной власти, а также связанные с ними системы обеспечения);

2) корпоративный (государственные и крупнейшие частные отечественные корпорации);

3) неформальный (двусторонние комиссии, международные и мировые клубы и форумы с участием ведущих лиц, принимающих решения, и экспертов)²⁵.

Первоначально создание Совета безопасности Российской Федерации подразумевало, что в рамках специального президентского органа будет осуществляться согласование позиций различных ведомств и координация их деятельности в области принятия внешнеполитических решений. В этом контексте ключевое значение должны были иметь следующие высшие государственные чиновники: Президент России, министр иностранных дел, секретарь Совета безопасности, министр обороны, начальник Генерального штаба Вооружённых сил, директор Федеральной службы безопасности, директор Службы внешней разведки²⁶.

Ситуация на стратегическом уровне государственного внешнеполитического процесса, связанная с принятием решений, эволюционировала со временем, приобретя современные характеристики к 2012 г. Так, основная роль в этом процессе, по утверждению аналитиков, принадлежит Президенту²⁷. Одной из ключевых во внешней политике является позиция главы Администрации Президента. В составе Администрации сконцентрированы важнейшие ведомства подготовки стратегических решений и ряд инструментов их реализации. К стратегическому уровню имеет отношение помощник Президента по внешнеполитическим вопросам и секретарь Совета безопасности. Последний, имея наибольшее (после Президента) возможности влияния на процесс формирования и реализации внешнепо-

литической стратегии, располагает функциями помощника главы государства по координации военных вопросов. Помощник Президента по внешней политике занимает следующую по степени влияния позицию, действуя в области политико-дипломатических и протокольных вопросов Президента. При этом полномочия секретаря Совета безопасности и помощника Президента по внешней политике в указанных сферах могут пересекаться. Руководствуясь административной логикой, над ними находится руководитель Администрации Президента, который теоретически может согласовывать позиции секретаря Совета безопасности и помощника главы государства по внешней политике. В то же время, как отмечают исследователи, в реальности это зависит от «аппаратного веса, политической воли и видения руководителя Администрации Президента»²⁸.

На стратегическом уровне исследователи располагают и руководителей ведущих государственных компаний и корпораций, имеющих персональные связи с руководством государства: Газпром, Ростехнологии (ныне – Ростех), Роснефть. Также к стратегическому уровню относят и руководителей наиболее влиятельных негосударственных компаний (Gunvor, Стройтрансгаз, Альфа-групп) и аффилированную с российским руководством инвестиционную группу «Сумма».

Представляется, что функция координации внешней политики – как и согласование позиций в рамках стратегической элиты – «по умолчанию» находится в руках Президента, устанавливающего в зависимости от ситуации порядок принятия стратегических решений. Однако в особых случаях, когда речь шла о вопросах войны и мира, такие решения, по-видимому, принимались в условиях активных обсуждений с участием стратегической элиты и тестированием общественного мнения²⁹.

Таким образом, внешнеполитический механизм Российской Федерации формировался на основе комплекса взаимосвязанных факторов, становящихся императивами и детерминантами особенностей его функционирования.

В 1991–1993 гг. ключевыми в системе внешнеполитического механизма России являлись позиции главы государства, связанных с ним ведомств (Администрации Президента и Совета безопасности) и Министерства иностранных дел. Этот период характеризуется неопределенностью переживающего становление процесса формирования и реализации внешней политики государства в условиях значительной автономии политической элиты, борьбы за влияние и ресурсы, появления финансово-промышленных групп и форсированного экономического реформирования, превалировавшего над строительством государственных институтов. Координирующая роль во внешнеполитическом механизме, вероятно, определялась спецификой личных качеств

и распределением полномочий на уровне Президент – министр иностранных дел. Увеличившиеся возможности парламента Российской Федерации влиять на внешнеполитический процесс не были в полной мере реализованы в условиях конфликта с исполнительной властью.

После принятия в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации механизм формирования и реализации внешней политики, отмечаясь наличием значительного числа акторов, характеризуется тенденцией увеличения влияния Президента и связанных с ним структур. В свою очередь, к середине 1990-х гг. государственная внешняя политика во многом зависела от позиций существующих групп интересов – придерживающихся определённых, подчас значительно отличающихся внешнеполитических ориентаций – и отношений между ними. Со второй половины 1990-х намечается тенденция усиления координирующей роли МИД во внешнеполитическом процессе. Основные внешнеполитические решения в этот период принимаются в рамках треугольника Президент – Администрация Президента – Министерство иностранных дел. При этом внешнеполитический механизм государства по-прежнему находится под воздействием со стороны групп интересов: встроенного в глобальную экономику российского бизнеса (представленного крупнейшими государственными корпорациями, государственными банками и частными компаниями), армии, военно-промышленного комплекса и сопряженных с ними структур.

В период 2000–2008 гг. в системе государственного внешнеполитического механизма происходят определённые изменения, обусловленные спецификой стиля руководства действующего президента и его команды. Своеобразной опорой складывающейся системы становятся личные связи и корпоративные интересы, а также представления о России как о великой державе. Одной из основных характеристик процесса принятия внешнеполитических решений является императив поддержания равновесия между несколькими влиятельными центрами внутри государства, что проявлялось в действиях президента по нахождению консенсуса.

Данная система эволюционирует, приобретая современные черты к 2012 г. Глава государства утверждается в роли ключевой фигуры в процессе принятия стратегических решений в плоскости государственной внешней политики. Секретарь Совета безопасности фактически реализует функции помощника Президента относительно координации военных вопросов. Следующим по степени влияния представляется помощник главы государства по внешней политике, занимающийся преимущественно вопросами политико-дипломатического характера. Теоретически согласовывать позиции этих высших чиновников должен руководитель Адми-

нистрации Президента. Однако на практике подобное во многом определяется его «аппаратным весом» и личностными особенностями.

На стратегическом уровне внешнеполитического процесса находятся руководители ведущих государственных компаний и корпораций, а также наиболее влиятельных негосударственных компаний. Таковые зачастую располагают персональными связями с руководством государства. При этом согласование позиций представителей стратегической элиты осуществляется Президентом, определяющим, ориентируясь по ситуации, порядок консультаций и принятия решений.

Кроме того, в рамках своих полномочий важными элементами внешнеполитического механизма РФ являются: Председатель Правительства, Министерство иностранных дел, Министерство финансов, Министерство обороны, МЧС России, Министерство внутренних дел, Федеральная миграционная служба, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, Главное управление Генерального штаба Вооружённых сил, Конституционный Суд. Особое значение в структуре государственного внешнеполитического механизма имеет Федеральное собрание Российской Федерации, палаты которого располагают рядом прямых и косвенных способов влияния на внешнюю политику.

Примечания

- 1 См.: Юрченко С. В. Мировые тенденции и современные внешнеполитические вызовы и угрозы России // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье : история, политика, география, культура / под ред. О. А. Шпырко, В. В. Хапаева, А. В. Мартынкина, С. В. Ушакова, С. И. Рубцовой (г. Севастополь, 2–4 октября 2019 г.). Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 27–29.
- 2 См.: Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм : проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 452–456. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-4-452-456> ; *Его же*. Внешнеполитическая традиция России : основные характеристики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. № 15 (236). Вып. 39. С. 188–192 ; *Его же*. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации : проблемы и противоречия в реализации полномочий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70), № 2. С. 94–106.
- 3 См.: Борков А. В. Процесс формирования внешней политики в РФ и российское общество // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Международные отношения. Политология. Регионове-

- дение. 2004. № 1. С. 40–44 ; Ковальчук А. Постсоветское пространство в российских внешнеполитических концепциях. М. : Аспект Пресс, 2015 ; Кортуннов С. В. Принятие внешнеполитических решений в России и США // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 2 (5). С. 59–70 ; Косачев К. И. Внешнеполитическая вертикаль. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnepoliticheskaya-vertikal/> (дата обращения: 15.05.2021) ; Неймарк М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. М. : Проспект, 2020.
- 4 См.: Blank S. J. Towards a New Russia Policy. Carlisle Barracks : SSI US Army War College, 2008 ; Donaldson R. H., Noguee J. L. The Foreign Policy of Russia : Changing Systems, Enduring Interests. New York : M. E. Sharpe, 2005 ; Kanet R. E. Russian Foreign Policy in the 21st Century. New York : Palgrave Macmillan, 2011 ; Legvold R. Russia's Unformed Foreign Policy // Foreign Affairs. September/October 2001. Vol. 80, № 5. P. 62–75 ; Roberts K. Understanding Putin : The Politics of identity and geopolitics in Russian foreign policy discourse // International Journal : Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2017. Vol. 72, № 1. P. 28–55. <https://doi.org/10.1177/0020702017692609>
- 5 См.: Косолапов Н. Становление субъекта российской внешней политики // Proet Contra. Зима–весна. 2001. Т. 6, № 1–2. С. 15.
- 6 Балувев Д. Г. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002) : хрестоматия : в 4 т. / ред.-сост. Т. А. Шаклеина. Исследования. М. : РОССПЭН, 2002. Т. I. С. 352.
- 7 См.: Салмин А. М. Изнанка внешней политики // Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / гл. ред. А. М. Салмин. М. : Летний сад, 2001. С. 139–140.
- 8 См.: Федоров Ю. Е. Движущие силы внешней политики Российской Федерации // Современные международные отношения : учебник / под ред. А. В. Торкунова. М. : РОССПЭН, 1999. С. 260.
- 9 См.: Распоряжение Президента Российской Федерации «Об обеспечении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в международных отношениях» // Российские вести. 1992. 19 нояб.
- 10 См.: Еременко В. И. Российский парламентаризм : политологические, правовые и социально-культурные аспекты. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2013. С. 104.
- 11 См.: Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).
- 12 См.: Косолапов Н. Указ. соч. С. 17.
- 13 См.: Федоров Ю. Е. Указ. соч.
- 14 Салмин А. М. Указ. соч. С. 142.
- 15 Там же. С. 143.
- 16 См.: Федоров Ю. Е. Указ. соч.
- 17 Балувев Д. Г. Указ. соч. С. 351.
- 18 См.: Процесс формирования внешней политики. Конспекты лекций. Нижний Новгород : [б. и.], 2009. С. 17.
- 19 См.: Федоров Ю. Е. Указ. соч.
- 20 См.: Процесс формирования внешней политики. С. 17.
- 21 См.: Покровский Д. С. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 20.
- 22 См.: Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. М. : Эксмо, 2015. С. 120–139.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 См.: Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 2 (29). С. 111–124.
- 26 См.: Кортуннов С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: <http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm> (дата обращения: 15.05.2021).
- 27 См.: Osipovich A. Putin, not Medvedev, Remains Master of Russian Foreign Policy. URL: <https://eurasianet.org/putin-notmedvedev-remains-master-of-russian-foreign-policy> (дата обращения: 15.05.2021).
- 28 Аверков В. Указ. соч. С. 120.
- 29 Там же. С. 121–123.

Поступила в редакцию 19.05.2021, после рецензирования 24.05.2021, принята к публикации 25.05.2021

Received 19.05.2021, revised 24.05.2021, accepted 25.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 347–353

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 347–353

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-347-353>

Научная статья
УДК 327.2

Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН: политико-правовая корреляция и подобие

П. В. Шамаров

¹Военная академия Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123060, г. Москва, ул. Народного Ополчения, д. 50

²Академия военных наук Российской Федерации, Россия, 119330, г. Москва, Университетский проспект, д.14

Шамаров Павел Вячеславович, кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры национальной безопасности¹; профессор², pvs291189@gmail.com

Аннотация. В статье идентифицированы и раскрыты объективные политико-правовые корреляционные связи между международной миротворческой деятельностью и международным уголовным правосудием, что позволяет позиционировать последнее в качестве завершающей фазы миротворческой практики ООН. Аргументируется необходимость учета такой корреляции в отечественном миротворчестве на основе лоббирования в мире восприятия указанной деятельности России под углом примирения конфликтующих сторон; геополитического препона для реализации любых форм геноцида; обеспечения международного мира и безопасности. Обосновывается потребность в повышении международной значимости нашего государства с использованием нешаблонных внешнеполитических подходов и технологий в интересах системного опережения геополитических конкурентов России в международной политико-правовой и миротворческой сфере.

Ключевые слова: международное миротворчество, международное уголовное правосудие, международный уголовный трибунал, национальные интересы

Для цитирования: Шамаров П. В. Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН: политико-правовая корреляция и подобие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 347–353. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-347-353>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

International peacekeeping and the UN criminal justice: Political and legal correlation and similarity

P. V. Shamarov

Military Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 50 Narodnogo Opolcheniya St., Moscow 123060, Russia

Academy of Military Sciences of the Russian Federation, 14 Universitetsky Prospect, Moscow 119330, Russia

Pavel V. Shamarov, pvs291189@gmail.com

Abstract. The article identifies and reveals objective political and legal correlations between international peacekeeping activities and international criminal justice, which allows positioning the latter as the final phase of the UN peacekeeping practice. The need to take into account such correlation in domestic peacekeeping is substantiated on the basis of lobbying in the world for the perception of such practice of Russia from the angle of reconciliation of the conflicting parties; geopolitical obstacle to the implementation of any form of genocide; ensuring international peace and security. The need is substantiated to increase the international significance of our country using unconventional foreign policy approaches and technologies in the interests of systematically getting ahead of Russia's geopolitical competitors in the international political, legal, and peacekeeping sphere.

Keywords: international peacekeeping, international criminal justice, international criminal tribunal, national interests

For citation: Shamarov P. V. International peacekeeping and UN criminal justice: Political and legal correlation and similarity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 347–353 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-347-353>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Увязка института миротворчества с практикой органов международного уголовного правосудия или созданных пострадавшими государствами со значительной помощью ООН смешанных

(гибридных) судов; оценка деятельности и политической роли таких учреждений в современном миротворческом процессе; идентификация политико-правовой корреляции между названными

геополитическими инструментариями международного сообщества до сих пор остаются белым пятном в мировой академической науке.

Во многом данную ситуацию можно объяснить традиционно-односторонним исследованием таких международных инструментов только в двух аспектах: а) либо с точки зрения политической сути миротворчества ООН; б) либо с позиции правового содержания уголовного правосудия последней. При этом эти два ключевых политико-правовых ресурса Организации Объединенных Наций совместно не сопоставляются и не рассматриваются, а напротив – изучаются обособленно и автономно. Между тем, по нашему мнению, как миротворчеству, так и уголовному правосудию ООН свойственно определенное подобие, объективированное их политико-правовой природой и содержанием, а также стратегическим и геополитическим значением для международного сообщества, заинтересованного в своей эволюции без угрозы глобальных войн, масштабных региональных конфликтов, других опасных вызовов и рисков для современной цивилизации. При этом подчеркнем, что не считаем идентично-подобными такие понятия, как «международное сообщество» и «консолидированный Запад»¹, даже с учетом временного геополитического засилья псевдоноваторских и так называемых прогрессивных цивилизаторских подходов США и стран НАТО в ООН, ОБСЕ, других наднациональных (международных, региональных и субрегиональных) организациях, в том числе в отношении практического миротворчества.

Вместе с тем именно судебная деятельность уголовных учреждений ООН наполняет новым содержанием международное право, регламентирующее процессуальные основы работы международных судов и трибуналов, обобщенная практика которых, в свою очередь, в обязательном порядке учитывается в миротворчестве под эгидой Организации Объединенных Наций или иных уполномоченных акторов, в том числе Российской Федерации.

С учетом изложенного целью данной статьи является вычленение и идентификация политико-правовой корреляции между миротворчеством ООН (одним из наиболее эффективных инструментов по оказанию действенной помощи постконфликтным странам, в том числе в политической области)² и международным уголовным правосудием – значимым геополитическим фактором по сдерживанию в мире роста уровня конфликтности и агрессивности.

Одновременно считаем, что к наиболее результативным формам исследовательской работы следует отнести междисциплинарный анализ на стыке ряда отраслей науки (в нашем случае – политологии и международного права), позволяющий наглядно, убедительно и адекватно оценить изучаемый предмет с различных фокусных пози-

ций, релевантных как для миротворчества, так и для международного права. Указанный научный подход, по нашему мнению, не только приемлем и допустим, но также разумен и целесообразен, поскольку позволяет обособить исследуемые связи уже на этапах их формирования, что не противоречит законам логики и дедукции.

Международное уголовное правосудие ООН

Под международным уголовным правосудием в системе современного международного права понимается одно из направлений межгосударственного сотрудничества по реализации судебными органами³ деятельности по расследованию, уголовному преследованию, рассмотрению и разрешению по существу дел в отношении международных, а также иных, отнесенных к юрисдикции данных органов, преступлений⁴.

По нашему мнению, несмотря на свою относительно непродолжительную профессионально-деятельностную и корпоративную историю, существующие органы международного уголовного правосудия не являются зарождающимися (их становление произошло еще в конце 1990-х гг.), хотя, бесспорно, многие вопросы практической деятельности последних, в том числе в политико-правовой области, до сих пор остаются открытыми и дискуссионными.

К настоящему времени большинство уголовных судебных учреждений ООН уже фактически завершили свою работу, вскоре будут расформированы, а их досудебная и процессуальная практика достаточно подробно исследована научно-экспертным сообществом, полагающим, что все они так или иначе обогатили международное право рядом значимых новаций.

Между тем именно международное уголовное правосудие порой объективно ставит «последнюю точку» как в ожесточенном и бескомпромиссном внутригосударственном вооруженном противостоянии, так и в самой практике миротворчества на затронутой конфликтом территории. При этом приходится констатировать, что такой «завершающий политико-правовой аккорд» Организации Объединенных Наций звучит, к сожалению, не всегда в пользу современных России, отвечает ее национальным интересам и внешнеполитическим приоритетам, процессу укрепления национальной безопасности и российской гражданской идентичности⁵.

Об этом, в частности, свидетельствует судебная практика Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ), демонизировавшего по политической указке «наших западных партнеров» югославских сербов – одних из крайне немногих исторических союзников России в Европе. Их стратегический проигрыш на Балканах во многом был предопределен прямой поддержкой США и НАТО воинственных

югославских сепаратистов в ходе развязанного ими масштабного и кровопролитного внутреннего вооруженного этнонационального конфликта, беспрецедентным военно-политическим давлением Вашингтона и Брюсселя на Белград, соглашательской, непоследовательной и хаотичной в то время политикой Москвы по поводу балканского кризисного урегулирования в рамках реализации американской «дорожной карты».

Все это позволило МТБЮ показательно, эффективно и системно игнорировать официальную позицию России и Сербии по данному вопросу, их справедливые возражения в отношении предвзятости, политизированности, ангажированности и необоснованной затянутости данного судебного процесса⁶, сфабрикованного новейшим международным правосудием типа «made in the USA».

Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН

Вместе с тем полагаем, что международное миротворчество, с одной стороны, и уголовное правосудие ООН, интегрирующее в своих рамках Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, а также гибридные уголовные учреждения с участием ООН (Специальный суд по Сьерра-Леоне, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи, Трибунал по Ливану), с другой, характеризуются рядом схожих политико-правовых черт.

В первую очередь, указанное подобие объективировано развалом Советского Союза в декабре 1991 г., что кардинальным образом изменило глобальную международную обстановку и спровоцировало ряд ожесточенных этнополитических конфликтов. Последнее актуализировало геополитическую востребованность не только в национальном миротворчестве членов ООН, в том числе и демократической России, но и воссоздание на мировой сцене (по подобию Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов) вышеперечисленных учреждений уголовного правосудия ООН.

Следует отметить, что в соответствии с Уставом ООН Совет Безопасности не имеет права учреждать международный суд по уголовным делам. По этой причине современные международные трибуналы были образованы как вспомогательные органы Совбеза со ссылкой на ст. 29 Устава ООН, в которой закреплено право Совета учреждать любые органы, какие он сочтет необходимыми для реализации своих полномочий в деле поддержания международного мира и глобальной безопасности. В указанной особенности и состоит, по нашей оценке, принципиальная разница между международным трибуналом ООН и классическим международным судом, создаваемым на основании международного договора (например, Международный Суд ООН или Европейский суд по правам человека).

Дальнейшее ухудшение международной стабильности и глобальной безопасности потребовало формирования в 1992 г. в рамках Секретариата ООН в качестве самостоятельной структуры такой политической структуры, как Департамент операций по поддержанию мира. Его целями в ходе выполнения мандатов (решений) Совбеза в настоящее время являются:

а) обеспечение политического и исполнительного руководства международными миротворческими операциями ООН;

б) поддержание контактов с Советом Безопасности, странами-членами ООН, предоставляющими национальные воинские контингенты и финансовые ресурсы,

в) взаимодействие с конфликтующими сторонами⁷.

Одновременно за реализацию миротворческих операций по мандату Совбеза стал непосредственно отвечать заместитель Генерального секретаря ООН по операциям по поддержанию мира.

Полагаем, что создание вышеуказанной структуры и Департамента полевой поддержки, а также глубокая реорганизация Департамента по политическим вопросам и наличие в Уставе ООН возможности для пересмотра функциональных полномочий вспомогательного органа Совбеза – Военно-штабного комитета (далее – ВШК) послужили официальным предлогом для Секретариата проигнорировать закрепленную в Уставе ООН роль ВШК. Вместе с тем именно последний уполномочен «давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению»⁸.

По мнению руководства ООН, динамика холодной войны и отказ на раннем этапе от формирования автономных постоянных войск Организации Объединенных Наций якобы не позволили ВШК «выполнять функции глобального оборонного ведомства»⁹. При этом была проигнорирована и ответственность Военно-штабного комитета «за стратегическое руководство любыми вооруженными силами, предоставленными в распоряжение Совета Безопасности ООН»¹⁰.

В результате у ВШК – де-юре вспомогательного органа Совбеза ООН – остались лишь консультативные и представительные функции военных советников при постоянных национальных представительствах в Организации Объединенных Наций. Это де-факто означает, по нашей оценке, полное исключение указанной структуры из миротворческой практики ООН и возможности использования в национальных интересах России геополитического ресурса ВШК, на должностях которого проходят международную службу ряд российских военнослужащих.

Такая ситуация способствовала упрочению в Секретариате ООН (ставшего, по сути, с начала 2000-х гг. органом геополитического воздействия Запада) трансатлантических позиций и установок; засилью в миротворчестве ООН национальных подходов евроатлантических акторов и их региональных объединений; расширению влияния эффекта политико-правой аберрации миротворческой семантики¹¹.

Все это прямо противоречит «духу и букве» непредвзятой миротворческой деятельности, заложенной в нормах Устава ООН, а также задачам обеспечения глобальной безопасности и сохранения международного мира. Последующее же активное использование с начала третьего тысячелетия миротворческого механизма в собственных эгоцентричных и политизированных национально-блоковых целях странами западной идентичности приобрело, по нашей оценке, черты условного правового обычая для многих членов международного сообщества.

Считаем, что вышеперечисленное оказало непосредственное влияние как на практику миротворчества ООН, так и на результаты ее уголовного правосудия, осуществляемого в период после завершения «горячей фазы» конфликта в интересах привлечения к ответственности лиц, виновных в рамках международного гуманитарного права в наиболее тяжких преступлениях, вызывающих озабоченность мирового сообщества; или в случае инициативного обращения национального правительства в Совет Безопасности ООН с просьбой организовать соответствующее расследование и судебное преследование.

К примеру, когда правительство Камбоджи в 1997 г. попросило помощи у Совбеза ООН в организации и осуществлении судебного процесса в отношении бывших руководителей Демократической Кампучии и их пособников¹², то последний предлагал сформировать международный уголовный судебный орган по формальному подобию МТБЮ. Однако данный вариант был категорически отклонен камбоджийским правительством вследствие серьезных опасений с его стороны в отношении возможности повторения прецедента политизированной и пристрастной расправы, организованной международным правосудием над балканскими сербами в Гааге по геополитическому заказу Запада¹³.

Во-вторых, международное миротворчество и международное уголовное правосудие (в рамках практической реализации закрепленных в Уставе ООН полномочий ее стран-участниц и Совета Безопасности) обусловлены общей первопричиной – острой кризисной ситуацией, связанной с вооруженными конфликтами, этническим насилием, отсутствием внутренней безопасности, военными преступлениями, преступлениями против мира и человечности, геноцидом, нарушениями международного гуманитарного права и прав человека¹⁴.

В этой связи практика миротворчества и уголовного правосудия ООН направлена на обеспечение, гарантирование и поощрение в постконфликтных условиях прав человека; реинтеграцию бывших комбатантов; содействие в восстановлении верховенства права¹⁵. При этом в состав многопрофильных миротворческих операций и миссий ООН включены специальные подразделения (группы) по актуализации проблематики прав человека во всех сферах жизнедеятельности¹⁶.

В-третьих, и миротворчество, и уголовное правосудие ООН совместно решают задачи по обеспечению физической защиты мирного населения, которые после трагического фиаско международных миротворцев в Руанде в 1994 г. и Сребренице (Босния) в 1995 г.¹⁷ в отношении выполнения такой защитной функции считаются приоритетными и основными.

В этой связи подчеркнем, что принципиальной новацией в мировой юридической практике явилась классификация Международным уголовным трибуналом по Руанде изнасилования в качестве преступления против человечности и элемента геноцида (изнасилование в целях совершения геноцида). Указанное определение получило широкое правовое использование.

В частности, в выданных Международным уголовным судом в 2007 г. ордерах на арест двух суданских подозреваемых были указаны случаи изнасилования, квалифицированные одновременно как военные преступления и преступления против человечности¹⁸. Все это обязательно учитывается в практике новейшего миротворчества ООН, ее стран-участниц и их региональных объединений *ad hoc*.

В-четвертых, Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, смешанные или гибридные суды (учрежденные с помощью Организации Объединенных Наций правительствами Камбоджи, Ливана и Сьерра-Леоне)¹⁹ организуются в соответствии с отдельной резолюцией Совета Безопасности ООН²⁰. На основании подобного решения Совбеза создаются и формируются любые миротворческие полевые и политические миссии ООН.

В-пятых, территория оперативной ответственности полевой миротворческой миссии (операции) является одновременно и областью территориальной юрисдикции соответствующего судебного органа ООН.

Так, территориальная юрисдикция МТБЮ распространялась на всю бывшую Социалистическую Федеративную Республику Югославия, включая ее сухопутную территорию, воздушное пространство и территориальные воды²¹. При этом указанное пространство является одновременно и зоной оперативной ответственности миссии ООН в Косово. В свою очередь, территориальная юрисдикция Международного трибунала по Руанде – национальные рамки данной

страны, включая ее сухопутную территорию и воздушное пространство, а также территорию соседних государств в отношении серьезных нарушений международного гуманитарного права, совершенных гражданами Руанды²². Все это по аналогии – зона оперативной ответственности миссии ООН по оказанию помощи Руанде.

В-шестых, как международные уголовные трибуналы ООН и гибридные судебные структуры с ее участием, так и международные операции по поддержанию мира, полевые и политические миротворческие миссии ООН являются вспомогательными органами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. При этом они одновременно являются де-юре и де-факто именно действующими, а не номинальными органами, как, например, ранее рассмотренный нами ВШК.

В-седьмых, наличествует тесное рабочее служебное взаимодействие и корпоративное сотрудничество соответствующего судебного органа ООН и международной миротворческой миссии.

Примером указанной взаимосвязи служит политическое, силовое, материально-техническое, специальное и другое обеспечение полевой миссией ООН оперативно-розыскных, информационных и иных мероприятий международных судебных учреждений в территориальных рамках своей оперативной ответственности, интенсивный двухсторонний служебный документооборот, обмен международным персоналом и всестороннее содействие в выполнении задач правосудия ООН на подконтрольной миссии территории, включая сопредельные страны. В частности, при каждом силовом задержании в Косово и последующем конвоировании в Гаагу обвиняемых МТБЮ в тяжких преступлениях лиц постюгославской идентичности (без учета их фактической национальной принадлежности) миротворческая группировка НАТО КФОР и полевая миротворческая миссия ООН в Косово одновременно переводились в степень готовности «повышенная» с выполнением комплекса необходимых оперативных мероприятий.

В-восьмых, как международное миротворчество, так и международное уголовное правосудие являются достаточно молодыми геополитическими феноменами или политико-правовыми ресурсами ООН, институализировавшими свой функционал практически одновременно – во второй половине XX столетия.

В-девятых, миротворческой деятельности ООН и международному уголовному правосудию свойственна такая общая черта, как организационно-структурная гибкость, адаптируемая под конкретную обстановку в конфликтном (постконфликтном) регионе.

К примеру, с конца 1990-х гг. развертывание и функционирование как международных миротворческих сил в ходе многопрофильных операций по поддержанию мира, так и органов

уголовного правосудия ООН осуществляется вариативно – в рамках различных конфигураций с учетом кризисной (посткризисной) внутренней обстановки и национальной специфики принимающего (пострадавшего) государства. Это, в частности, было учтено в организации деятельности Чрезвычайных палат в судах Камбоджи, политико-правовые условия для формирования которых появились, по нашей оценке, только спустя 27 лет после свержения в январе 1979 г. режима Пол Пота, внешнего силового прекращения связанного им масштабного геноцида, образования Народной Республики Кампучии.

И последнее. Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН уместно отнести к механизму «уникального глобального партнерства»²³, интегрирующего совместную деятельность Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи, Секретариата, стран-участниц ООН и их национальных правительств в интересах поддержания международного мира, безопасности и миропорядка на основе всеобъемлющей легитимности Устава ООН, соответствующей практики ее членов и донорского предоставления ими требуемых ресурсов.

Таким образом, идентифицированный выше ряд подобных черт и позволяет утверждать о наличии между миротворчеством и уголовным правосудием ООН объективной корреляционной связи, присутствие которой также подтверждается результатами контент-анализа действующих политических документов ООН.

Так, органы международного уголовного правосудия в настоящее время официально позиционируются руководством ООН как «способствующие восстановлению мира путем содействия примирению»²⁴, что и составляет принципиальное содержание миротворчества Организации Объединенных Наций, направленного на «создание условий для установления прочного мира»²⁵. Все это и позволяет считать международное уголовное правосудие завершающей фазой миротворческой практики ООН.

Использование идентифицированных политико-правовых корреляций в национальных интересах России

Думается, что идентифицированные выше политико-правовые корреляционные связи необходимо учитывать, прежде всего, в практике миротворчества России. При этом позиционирование на мировой сцене отечественных миротворческих операций целесообразно осуществлять через рационально-прагматичное культивирование, лоббирование и продвижение их восприятия в международном сообществе с позиции окончательного общенационального примирения враждующих сторон; надежного геополитического препона для осуществления любых форм геноцида; обеспечения международного мира, глобальной без-

опасности и стратегической стабильности. Этому способствуют, по нашему мнению, следующие геополитические детерминанты:

1) позитивные результаты и высокая эффективность новейшего российского миротворчества на ближневосточном и постсоветском пространстве, в том числе на территории Нагорного Карабаха²⁶. Только благодаря активной миротворческой практике России в Сирии, бывших республиках СССР и Югославии спасены от уничтожения миллионы мирных жителей, созданы необходимые условия для политического диалога и налаживания мирной жизни;

2) значительная практическая отдача отечественных миротворческих контингентов, действовавших порой даже в крайне неблагоприятной (а порой и враждебной) для них внешнеполитической и внутренней обстановке, например, в ходе балканского кризисного урегулирования. Этот факт официально признается и в ООН;

3) отсутствие всеобщего восприятия Российской Федерации в качестве угрозы международному миру и безопасности среди большинства государств-участников ООН, включая членов НАТО, вопреки дезинформационной, русофобской и антироссийской кампании, развязанной за рубежом в интересах «исторического ревизионизма»²⁷ рядом одиозных западных и отдельных постсоветских стран;

4) традиционное позиционирование многими странами мира нашего государства в двоякой ипостаси: а) достаточно успешной исторической альтернативы западной цивилизации, менталитету и образу жизни; б) значимого геополитического актора, сдерживающего на стратегическом уровне доминирование в мире агрессивной военной силы США и НАТО.

Системная пропаганда в ООН, ОБСЕ, СНГ, ОДКБ, АС и других наднациональных организациях позитивной политико-правовой оценки миротворчества России могла бы способствовать нивелированию накала политизированных обвинений Запада и его постсоветских сателлитов в отношении отечественных миротворческих операций, правильному восприятию за рубежом внешней политики нашего государства, укреплению его международного имиджа, геополитического значения и влияния.

Наряду с этим не следует сбрасывать со счетов и возможность новой организации (с учетом доминирующих евроатлантических позиций в Секретариате ООН и возможностей Запада «по геополитической инженерии», традиционного потребительски-агрессивного и лицемерно-двурушнического отношения к России) политизированно-ангажированной (по примеру МТБЮ) «новаторской» международной уголовной судебной практики. Последняя не станет отвечать национальным интересам и внешнеполитической линии России, нормам Устава ООН, принципами

международного права и миротворчества. Все это способно нанести ущерб процессу реализации за рубежом отечественных национальных интересов, негативно отразиться на геополитических возможностях и международном имидже нашей страны.

Военно-политическая картина мира меняется динамично²⁸. На современном этапе ей свойственны не только накопление конфликтного потенциала²⁹; нацеленность консолидированного Запада на сохранение своего глобального доминирования и всестороннее сдерживание России³⁰; но и разрушение сложившейся после Второй мировой войны архитектуры всеобщей безопасности; отказ от общепринятых норм международного права и универсальных подходов в межгосударственных отношениях; снижение фундаментальной значимости принципов национального суверенитета и нерушимости государственных границ³¹. Данные негативные факторы нельзя не учитывать во внешней политике России, повышение международного влияния которой невозможно без гарантированного нивелирования даже частичной материализации любых неблагоприятных сценариев и международно-правовых рецидивов как в мировой политике, так практике миротворчества и уголовного правосудия ООН.

В целом, указанная парадигма требует использования в целях исключения стратегического внешнеполитического поражения России, возникновения на ее территории войны и конфликтов³² новаторских и результативных технологий, надежно купирующих любые угрозы для реализации национальных интересов и национальной безопасности на основе системного и проактивного опережения наших геополитических конкурентов на международном политико-правовом и миротворческом поприще.

Абсолютным, всеобъемлющим и бесспорным стратегическим императивом и международным политико-правовым базисом для этого являются глобальная ответственность Российской Федерации за «поддержание международного мира и безопасности»³³, а также «обеспечение судебного преследования за совершение тяжких преступлений и других серьезных нарушений прав человека»³⁴, которую несет наше государство в триединой ипостаси – как ключевой участник мирового сообщества; Постоянный член Совета Безопасности ООН; легитимная и мощная ядерная держава.

Примечания

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента России 30.11.2016), п. 4 // Российская газета. 2016. 1 дек.

² См.: Что такое деятельность по поддержанию мира // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/what-is-peacekeeping> (дата обращения: 14.03.2021).

- ³ Такие органы учреждаются при непосредственном участии ООН на основании или во исполнение международных договоров.
- ⁴ См.: *Волеводз А. Г.* Современная система международной уголовной юстиции : понятие, правовые основы, структура и признаки // *Международное уголовное правосудие : современные проблемы* / под ред. Г. И. Богущ, Е. Н. Трикоз. М. : Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 303–323 ; *Правосудие в современном мире* / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2017. С. 194.
- ⁵ См.: О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // *Российская газета*. 2018. 9 мая.
- ⁶ См.: Дела Международного трибунала по бывшей Югославии. Досье // ТАСС : [сайт]. 2016. 23 марта. URL: <https://tass.ru/info/2903695> (дата обращения: 13.03.2021).
- ⁷ См.: Военно-штабной комитет ООН // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/subsidiary/msc> (дата обращения: 10.03.2021).
- ⁸ Устав ООН (полный текст). Ст. 47 (п. 1) // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.02.2021).
- ⁹ Военно-штабной комитет ООН.
- ¹⁰ Устав ООН (полный текст). Ст. 47 (п. 3).
- ¹¹ Подробнее см.: *Шамаров П. В.* Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества : причины, сущность и значение // *Представительная власть – XXI век*. 2020. № 4. С. 38–43.
- ¹² См.: Agreement between the United Nations and the Royal Government of Cambodia concerning the prosecution under Cambodian law of crimes committed during the period of Democratic Kampuchea / United Nations Audiovisual Library of International Law. URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/abunac/abunac_ph_e.pdf (дата обращения: 13.11.2020).
- ¹³ См.: Режим Пол Пота в Камбодже. URL: http://asialive.info/2016/01/rezhim_pol_pota_v_kambodzhe_18_472182.html (дата обращения: 22.10.2016).
- ¹⁴ См.: Международные трибуналы // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/international-tribunals> (дата обращения: 13.03.2021) ; Основные сведения об Организации Объединенных Наций : справочник. Нью-Йорк : Департамент общественной информации ООН, 2015. С. 63.
- ¹⁵ См.: Что такое деятельность по поддержанию мира ; Международные и смешанные уголовные суды и трибуналы // Организация Объединенных Наций и верховенство права. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/thematic-areas/international-law-courts-tribunals/international-hybrid-criminal-courts-tribunals/> (дата обращения: 13.03.2021).
- ¹⁶ См.: Поорщение прав человека // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/promoting-human-rights> (дата обращения: 14.03.2021).
- ¹⁷ См.: *Dewyn M.* Risk Distribution between UN Peacekeepers and Local Civilians : An Ethical Analysis // *Russian Journal of Philosophical Science*. 2021. Vol. 63, № 11. P. 128–144. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-11-128-144>
- ¹⁸ См.: *Шамаров П. В.* Международное правосудие в системе современной миротворческой деятельности. М. : Граница, 2017. С. 159–161.
- ¹⁹ См.: Основные сведения об Организации Объединённых Наций : справочник. С. 9.
- ²⁰ Там же. С. 9–12, 66–69.
- ²¹ См.: Международный трибунал по бывшей Югославии. Устав. Ст. 8. URL: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 13.03.2021).
- ²² См.: Международный трибунал по Руанде. Устав. Ст. 7. URL: <https://www.un.org/ru/law/ictc/charter.shtml> (дата обращения: 13.03.2021).
- ²³ Что такое деятельность по поддержанию мира.
- ²⁴ Международный трибунал по бывшей Югославии. URL: <http://www.un.org/ru/law/icty> (дата обращения: 12.03.2021).
- ²⁵ Что такое деятельность по поддержанию мира.
- ²⁶ См.: *Путин В. В.* Послание Президента России Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. // *Российская газета*. 2021. 21 апр.
- ²⁷ См.: *Путин В. В.* 75 лет Великой Победы : общая ответственность перед историей и будущим // *Российская газета*. 2020. 19 июня.
- ²⁸ Подробнее см.: *Белозеров В. К.* Особенности военно-политической картины современного мира // *Вооруженные силы Российской Федерации : модернизация и перспективы развития* / под ред. И. Ю. Коротченко. М. : ИД «Национальная оборона», 2012. С. 9–24.
- ²⁹ См.: *Путин В. В.* Послание Президента России Федеральному Собранию 15 января 2020 г. // *Российская газета*. 2020. 16 янв.
- ³⁰ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента России № 683 от 31.12.2015), п. 12–15 // *Российская газета*. 2015. 31 дек.
- ³¹ См.: Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. / Министерство обороны Российской Федерации. М. : Синхротел, 2019. С. 20–21, 219–220.
- ³² См.: *Белозеров В. К.* Пространство и граница России в условиях глобальной политической динамики // *О национально ориентированной теории международных отношений* (к 80-летию профессора П. А. Цыганкова) / под ред. Л. Э. Слуцкого, А. Ю. Шутова ; авт.-сост. А. Н. Иохим, И. Б. Мамедов, О. Е. Пучнина ; науч. ред. З. Н. Осадченко. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2021. С. 293–306.
- ³³ Устав ООН (полный текст). Преамбула; ст. 1, 39, 41.
- ³⁴ Международные и смешанные уголовные суды и трибуналы.

Поступила в редакцию 27.04.2021, после рецензирования 10.05.2021, принята к публикации 15.05.2021
 Received 27.04.2021, revised 10.05.2021, accepted 15.05.2021

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 354–361

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 354–361

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-354-361>

Научная статья

УДК 321.01+35.074

Административное регулирование регионального электорального цикла в России: основные тенденции выборов глав регионов 2019–2020 гг.

А. В. Самусевич

¹Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний просп. В.О., д. 57/43

²Администрация Ленинградской области, Россия, 191311, г. Санкт-Петербург, Суворовский просп., д. 67

Самусевич Андрей Владимирович, ¹аспирант кафедры государственного и муниципального управления; ²консультант, timudgin11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5559-5799>

Аннотация. В работе рассматриваются ход и результаты избирательного периода глав российских регионов в 2019 и 2020 гг. Предпринимается попытка рамочно сформулировать модель управляемой избирательной процедуры назначения губернаторов, реализованной в период губернаторских избирательных кампаний 2019 и 2020 гг. Методологическими рамками работы являются конструкция регионального электорального цикла и положение о состоятельности государственной администрации и административных элит как самостоятельной исследовательской категории политической науки. По результатам проведенного анализа делается вывод о нынешнем положении государственной администрации и административных элит в российской политической системе и степени их участия в политическом процессе.

Ключевые слова: выборы губернаторов, электоральный цикл, государственная администрация, политическая система

Для цитирования: Самусевич А. В. Административное регулирование регионального электорального цикла в России: основные тенденции выборов глав регионов 2019–2020 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 354–361. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-354-361>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Administrative regulation of the regional electoral cycle in Russia: The main trends of regional heads elections in 2019–2020

A. V. Samusevich

North-West Institute of Management – branch of RANEPA, 57/43 Sredny Prospect VO, St. Petersburg 199178, Russia

The Administration of the Leningrad Region, 67 Suvorovsky Ave., St. Petersburg 191311, Russia

Andrey V. Samusevich, timudgin11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5559-5799>

Abstract. This article elaborates the thesis the process and results of the regional heads elections in 2019 and 2020. An attempt is also made to frame the model of the manageable electoral procedure for the governors' appointments implemented during the period of the regional election campaigns of 2019 and 2020. The methodological framework includes the design of the regional electoral cycle and the concept of the viability of public administration and administrative elites as an independent research category of political science. Based on the results of the analysis, a conclusion is drawn about the current situation of the state administration and administrative elites in the Russian political system and the degree of their participation in the political process.

Keywords: election of governors, electoral cycle, public administration, political system

For citation: Samusevich A. V. Administrative regulation of the regional electoral cycle in Russia: The main trends of regional heads elections in 2019–2020. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 354–361 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-354-361>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Изучение процедур и методов назначения высших должностных лиц – неотъемлемая составляющая исследования государственного управления. С точки зрения элитологического аспекта политической науки проведение анализа реализуемой государственной кадровой политики необходимо для определения состояния механизмов циркуляции (обновления) правящих групп – основы гармоничного функционирования системы социального управления¹. Зависимые от характера циркуляции элит, эффективность и способность институтов политического и административного управления принимать своевременные качественные решения отмечаются ключевыми факторами развития всех сфер общественной жизни².

Анализ динамики жизненного цикла политических и административных элит, прежде всего, сводится к рассмотрению специфики назначений на высшие руководящие должностные позиции, представляющие основу политического и административного истеблишмента.

Особый исследовательский интерес представляет динамика трансформации процессов назначения губернаторов – высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. В условиях современной системы государственной службы и государственного управления в России губернаторский пост представляет собой особую руководящую позицию, находящуюся на стыке политического и административного блоков. Политический аспект должности предполагает легитимацию назначения через прохождение избирательной процедуры, однако административная составляющая должности губернатора, даже с учетом региональной специфики, является доминирующей.

Кроме того, представляется аксиоматичным отнесение региональных руководителей к числу представителей административной элиты.

Анализ лексико-семантического содержания терминов дихотомии политико-административных элит, специфики функционирования института государственной службы и отдельных аспектов реализации публичного управления в России, проведенный автором статьи ранее³, подтверждает состоятельность административных элит как аналитической категории политической науки. В свою очередь, это позволяет применять к исследованию системы государственной службы инструментарий институционального анализа субъектов политики. Опираясь на концепцию, предложенную Дж. Цебелисом⁴, положение о факте детерминирующего характера действий исполнительных органов власти на статус-кво (текущую политическую конфигурацию) переходит в определение государственной администрации как центра принятия системных политических решений. Таким образом, мы имеем все теоретические и практические основания утверждать, что на региональном уровне управления позиция высшего должностного лица есть позиция вето-игрока.

В данной работе динамика трансформации процесса формирования пула государственных руководителей рассматривается с точки зрения соотношения институтов политического управления, их места и значения как акторов современной российской политической системы.

Сформировать ясное представление об актуальном состоянии и дать оценку многим аспектам политического процесса в целом позволяет изучение электоральных циклов.

Из множества подходов к определению, делению и конкретизации электоральных циклов⁵ в своей работе мы используем конструкцию *регионального электорального цикла*⁶ – серию губернаторских выборов, объединенных общим характером их организации и проведения.

Ретроспектива изменения характера назначения руководителей российских регионов с 1991 по 2018 г. подробно рассмотрена в работе А. В. Кынева⁷. В исследовании отмечается, что процесс постоянной и последовательной ротации высших должностных лиц субъектов РФ существенно меняется с кампании губернаторских выборов 2016 г. Именно тогда произошла первая массовая ротация губернаторов по системе административного назначения федеральным центром, которая повлекла за собой «менеджеризацию» губернаторского корпуса, а также смещение акцента на функциональный, а не политический аспект деятельности губернатора. Была инициирована практика направления в регионы молодых управленцев с опытом административной работы в различных ведомствах, большинство из которых – губернаторы-«варяги», не имеющие личного, политического и/или административного отношения к региону.

Перечисленные отличительные особенности новой, «антирегиональной» методики организации и проведения губернаторских выборов, наблюдаемые и сегодня, позволяют определить 2016 год точкой отсчета современного электорального цикла губернаторских выборов.

В рамках развития изучения специфики губернаторских выборов отдельные работы российских политологов посвящены исследованиям пула рекрутирования и подготовки будущих руководителей⁸, карьерных траекторий и поискам усредненной модели продвижения по службе к губернаторскому креслу⁹.

Наличие необходимого профессионального опыта кандидатов на включение в губернаторский корпус, формальных и неформальных связей в различных кругах, специфика организации и проведения дополнительной подготовки и иные факторы влияния на назначения руководителем региона не затрагиваются в данной работе. Тем не менее, здесь нам интересны отдельные результаты упомянутых выше исследований. Так, В. М. Барсегян по итогам анализа карьерных траекторий руководителей российских регионов 2018 г. пришел к выводу, что основным источ-

ником назначенцев на ведущие политико-административные посты является именно исполнительная власть¹⁰.

Значительно возросшая степень участия представителей административных элит – федеральных и региональных чиновников главной и высшей групп должностей – сегодня имеет место не только в формировании пула потенциальных отраслевых и региональных руководителей (резерва ведущих управленческих кадров страны), но также и непосредственно в организации и управлении избирательных кампаний.

Следует учесть, что непосредственно процедура назначения руководителей субъектов Российской Федерации за последние два десятилетия претерпела значительные изменения: с 1999 (фактически с 1995) по 2004 г. главы регионов избирались путем прямого голосования населения на региональных выборах, с 2004 по 2012 г. – утверждались региональными органами представительной власти по представлению Президента РФ, с 2012 г. были возвращены прямые выборы губернаторов с использованием муниципальных фильтров. В настоящее время 75 из 85 регионов избирают руководителя на прямых выборах; в остальных 10 субъектах главы избираются местными парламентами из числа трех кандидатур, внесенных в региональный парламент Президентом РФ.

В настоящей работе предметом анализа являются последние две избирательные кампании – 2019 и 2020 гг., поскольку их специфика свидетельствует о наличии новых тенденций в динамике всей современной российской политической системы и, возможно, начале нового электорального цикла.

В избирательный период 2019 г. характерно проявился кризис института политических партий. Ни одной из них не удалось подготовить сильного кандидата и успешно пройти выборную гонку. Несмотря на то что во всех регионах, где проходили выборы нового главы, победителем стал кандидат, аффилированный с партией власти, «Единая Россия» также продемонстрировала неэффективность и инерционность прошедшего электорального сезона. В целом степень участия партии в предвыборных кампаниях будущих губернаторов была не столь высокой, а в случаях кандидатов-самовыдвиженцев носила, скорее, «догоняющий» характер. Серьезный удар по имиджу нанес массовый отказ кандидатов от партийного флага: шесть из 16 кандидатов приняли решение пойти на выборы самовыдвиженцами.

Несмотря на ухудшение позиций партий как игроков политической системы, наблюдаемое уже по результатам прошедших выборов, необходимо отметить, что акценты определения ведущего актора, ответственного за организацию всего процесса, изначально были смещены в сторону исполнительных органов государственной власти федерального и регионального уровней. Сам же

процесс губернаторских выборов 2019 г. носил четко выраженный *характер административного регулирования*.

Обозначенный выше тезис подтверждается следующими прецедентами: стремлением кандидатов – будущих победителей гонки минимизировать свои ассоциации с политическими организациями, позиционируя себя не как представителя конкретной политической силы, а как «кандидата от народа»; построением кампании в большей степени на имеющемся административном статусе и ресурсе: все победители занимали пост временно исполняющего обязанности (далее – врио) главы субъекта РФ, а многие предвыборные мероприятия проводились с организацией и непосредственным участием органов исполнительной власти этих субъектов. Общая характеристика победителей выборов высших должностных лиц субъектов Федерации в 2019 г. представлена в табл. 1.

Сама процедура предварительного наделения кандидата административным статусом путем назначения на должность врио руководителя региона с последующим выходом на выборы ориентирована на усиление политического веса кандидата и расширение его возможностей для ведения предвыборной кампании.

Позитивное влияние административного ресурса на политический вес и состоятельность будущих победителей губернаторских выборов-2019 прослеживается посредством оценки динамики позиций глав субъектов РФ в различных рейтингах¹¹.

В табл. 2 представлены данные рейтинга политической устойчивости губернаторов, составленного коммуникационным холдингом «Минченко Консалтинг»¹², за июль и сентябрь 2019 г. в части врио глав субъектов РФ, выходящих на Единый день голосования (далее – ЕДГ). В последнем столбце дополнительно рассчитана дельта – итоговое изменение позиций в рейтинге к сентябрю 2019 г. по отношению к июлю того же года.

В табл. 3 представлены данные рейтинга влияния глав субъектов РФ, рассчитываемого ежемесячно Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК)¹³, за три месяца, предшествующие ЕДГ. В последнем столбце дополнительно рассчитана дельта к ЕДГ – итоговое изменение позиций в рейтинге к августу 2019 г. по отношению к июню 2019-го.

Согласно данным, превалирующее большинство глав субъектов РФ, участвовавших в выборной кампании, значительно поднялись в рейтинге (со 2-й до 10-й позиций). Выбор трехмесячного периода оценки динамики позиций в рейтинге обусловлен следующими факторами. Во-первых, некоторые кандидаты были назначены на пост врио губернатора регионов не более чем за 6 месяцев, а в Астраханской области за 3 месяца до ЕДГ. Во-вторых, именно в этот период произошли ключевые события с точки зрения влияния на по-

Таблица 1

Характеристика победителей выборов высших должностных лиц субъектов РФ в 2019 г. (прямые выборы)

Регион	Победитель	Предыдущая основная занимаемая должность	Занимаемая должность в электоральный период	Длительность нахождения в должности до ЕДГ 2019
Астраханская область	Бабушкин И. Ю.	Зам. полномочного представителя Президента РФ в СКФО	ВРИО главы региона	3 мес.
Забайкальский край	Осипов А. М.	Первый зам. министра РФ по развитию Дальнего Востока		11 мес.
Курганская область	Шумков В. М.	Зам. губернатора Тюменской области		11 мес.
Сахалинская область	Лимаренко В. И.	Руководитель Группы компаний ASE		9 мес.
г.ф.з. Санкт-Петербург	Беглов А. Д.	Полномочный представитель Президента РФ в СЗФО		11 мес.
Челябинская область	Текслер А. Л.	Первый зам. министра энергетики РФ		6 мес.
Липецкая область	Артамонов И. Г.	Вице-президент Сбербанка России		11 мес.
Курская область	Старовойт Р. В.	Зам. министра транспорта РФ		11 мес.
Оренбургская область	Паслер Д. В.	Председатель правления ПАО «Т Плюс»		6 мес.
Мурманская область	Чибис А. В.	Зам. министра строительства и ЖКХ РФ		6 мес.
Республика Калмыкия	Хасиков Б. С.	Советник руководителя Федерального агентства по делам молодежи; лидер ООД «За спортивную страну»		6 мес.
Республика Алтай	Хорохордин О. Л.	Зам. руководителя секретариата Зам. Председателя Правительства РФ		6 мес.
Республика Башкортостан	Хабиров Р. Ф.	Глава городского округа Красногорск Московской области		6 мес.
Волгоградская область	Бочаров А. И.	Губернатор Волгоградской области		5 лет
Вологодская область	Кувшинников О. А.	Губернатор Вологодской области		8 лет
Ставропольский край	Владимиров В. В.	Губернатор Ставропольского края		5 лет

Таблица 2

Динамика позиций ВРИО глав субъектов РФ – участников выборов высших должностных лиц субъектов РФ 2019 г. в рейтинге политической устойчивости (по методике холдинга «Минченко Консалтинг»)

Регион	ВРИО	Позиция в рейтинге		
		июль 2019	сентябрь 2019	Дельта
Астраханская область	Бабушкин И. Ю.	11	16	+5
Забайкальский край	Осипов А. М.	16	19	+3
Курганская область	Шумков В. М.	13	17	+4
Сахалинская область	Лимаренко В. И.	12	15	+3
г.ф.з. Санкт-Петербург	Беглов А. Д.	11	14	+3
Челябинская область	Текслер А. Л.	12	15	+3
Липецкая область	Артамонов И. Г.	11	14	+3
Курская область	Старовойт Р. В.	13	17	+4
Оренбургская область	Паслер Д. В.	13	16	+3
Мурманская область	Чибис А. В.	12	16	+4
Республика Калмыкия	Хасиков Б. С.	10	14	+4
Республика Алтай	Хорохордин О. Л.	9	13	+4
Республика Башкортостан	Хабиров Р. Ф.	13	16	+3
Волгоградская область	Бочаров А. И.	9	12	+3
Вологодская область	Кувшинников О. А.	8	13	+5
Ставропольский край	Владимиров В. В.	8	14	+6

Таблица 3

Динамика позиций ВРИО глав субъектов РФ – участников выборов высших должностных лиц субъектов РФ 2019 г. в рейтинге АПЭК

Регион	ВРИО	Позиция в рейтинге			
		июнь 2019	июль 2019	август 2019	Дельта к ЕДГ
Астраханская область	Бабушкин И. Ю.	70	67	68	+2
Забайкальский край	Осипов А. М.	64	63	65	-1
Курганская область	Шумков В. М.	37	29	25	+13
Сахалинская область	Лимаренко В. И.	29	32	33	-4
г.ф.з. Санкт-Петербург	Беглов А. Д.	9	5	5	+4
Челябинская область	Текслер А. Л.	39	31	28	+9
Липецкая область	Артамонов И. Г.	31	26	26	+5
Курская область	Старовойт Р. В.	33	36	29	+4
Оренбургская область	Паслер Д. В.	54	46	44	+10
Мурманская область	Чибис А. В.	58	53	52	+6
Республика Калмыкия	Хасиков Б. С.	73	69	67	+6
Республика Алтай	Хорохордин О. Л.	56	55	57	-1
Республика Башкортостан	Хабиров Р. Ф.	26	19	16	+10
Волгоградская область	Бочаров А. И.	52	50	49	+3
Вологодская область	Кувшинников О. А.	32	34	34	-2
Ставропольский край	Владимиров В. В.	43	39	40	+3

ложение в рейтинге. К ним можно отнести встречи с первыми лицами государства, запуск инновационных и инфраструктурных проектов совместно с крупными корпорациями, повышенное внимание руководителей отраслевых федеральных ведомств к предложениям и просьбам «предвыборных» врио губернатора.

Так, например, Санкт-Петербургу Правительством РФ были согласованы льготные условия кредитования на приобретение спецтехники и развитие инфраструктуры, ускорение введения системы выдачи иностранным туристам электронных виз (соответствующий Указ Президента подписан в июле 2019 г., а сама система заработала с 1 октября), интенсифицирован вопрос передачи в федеральную собственность и надзор одной из самых проблемных экологических точек региона – полигона опасных отходов «Красный Бор» (окончательно передан в ведение РФ в декабре 2019 г.). Курганская область получила поддержку в качестве новых драйверов социально-экономического развития – согласование перевода части налогоплательщиков в категорию региональных, создание новых инвестиционных проектов с участием крупных федеральных компаний. Сахалинской области согласован перевод отдельных транспортных систем в категорию федеральных. Мурманской области направлены дополнительные дотации на реализацию в регионе мероприятий национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография», и т.д.¹⁴

Безусловно, публичность встреч с новыми назначенцами первого лица государства есть не

просто формальность или акт выражения значительного внимания гаранта к проблемам регионов и высоких ожиданий от их руководителей, но большого кредита политических очков новому врио губернатора для участия в выборной гонке. Назначенец приходит в регион не «с нуля», а с административным ресурсом в виде поддержки президента, что весьма облегчает участие в предвыборной кампании.

Таким образом, главной целью врио руководителя региона становится *закрепление своих политических позиций «на месте»* посредством выполнения ряда задач. В первую очередь, это урегулирование конфликтов местных элит и попытка выстроить здоровую коммуникацию со всеми региональными группами влияния. Затем – организация эффективного расходования выделенных финансово-экономических дотаций, умелое использование полученной административной лояльности для принятия и согласования тех или иных решений с федеральными ведомствами; стремление к публичности, корректности и последовательности в общении с гражданами, ориентирование административной команды на результат, видимый для потенциального избирателя.

Опираясь на вышеизложенное, представляется возможным описать избирательный период 2019 г. как реализованную *модель управляемой избирательной процедуры назначения губернаторов*, представленную следующим образом:

➤ наделение административным статусом врио, инициированное президентом →

➤ одобрение правительством и профильными министерствами запрашиваемой поддержки для решения проблем, включенных в региональную политическую повестку →

➤ анонсирование комплекса мероприятий по качественному улучшению жизни населения в максимально сжатые сроки →

➤ широкая огласка реализуемых мероприятий в СМИ для создания у населения устойчивых ассоциативных связей решения наболевших вопросов с новым врио и его командой →

➤ рост рейтинга и закрепление в регионе, успешный выход на предвыборную прямую.

В какой степени модель управляемой избирательной процедуры назначения губернаторов, выстроенная в 2019 г., характерна региональному электоральному циклу 2020 г.?

Здесь, прежде всего, стоит отметить, что 2020 год содержит множество дополнительных репутационных рисков и конъюнктурных особенностей, оказывающих влияние на региональный электоральный цикл как фактор «действия третьих сил».

Во-первых, кроме ЕДГ с выборами глав субъектов и дополнительными выборами в Государственную думу VII созыва осенью 2020 г. состоялось голосование на референдуме по вопросам анонсированного в послании президента изменения отдельных положений Конституции РФ. Данный прецедент, безусловно, является резонансным политическим событием, смещающим приоритет электорального внимания с выборов губернаторов в сторону изменения Конституции и обостряющим широкую общественную дискуссию о политических позициях и взглядах в целом.

Во-вторых, на характер избирательного периода в этом году значительно повлияла сложившаяся санитарно-эпидемиологическая обстановка в мире и стране. В данном случае речь идет, прежде всего, не о процедурных особенностях проведения выборной кампании, а о так называемых макрофакторах, влияющих на электоральное поведение в целом: экономической рецессии, кризисе глобального рынка энергоносителей, как следствие – снижении реальных доходов населения, изменении структуры рынка труда; социально-демографическом кризисе, выразившемся в ограничении социальных коммуникаций, мобильности граждан (режим изоляции), ухудшении морально-психологического состояния населения («социальная депрессия») и др. В условиях такой нестабильной повестки органы власти вынуждены балансировать между антикризисной повесткой в экономике (оптимизация, экономия, поиск дополнительных источников бюджетных поступлений и пр.) и широкой финансовой и социальной поддержкой всех слоев населения, что неизбежно ведет к принятию непопулярных политических решений.

Все перечисленное в совокупности обуславливает принятие решений, исключающих или минимизирующих возникновение дополнительного дестабилизирующего эффекта региональных

электоральных периодов: были согласованы проведение кампаний кандидатов, заблаговременно назначенных президентом врио руководителя региона (шесть субъектов РФ), и переизбрание значительной доли действующих представителей губернаторского пула (восемь субъектов РФ).

В четырех регионах, где наблюдалось влияние значительного количества негативных факторов, руководители субъектов были подвержены ротации за 5 месяцев до ЕДГ несмотря на общеконъюнктурные риски; им на смену были направлены либо представители правящей партии, либо выходцы из «силового блока». В негативном ключе прошли отставки главы Республики Коми С. А. Гапликова (множество конфликтов внутри правящей верхушки, неэффективность мер по разрешению социально-экономических проблем) и губернатора Архангельской области И. А. Орлова (прежде всего, низкие рейтинги в связи с протестными настроениями населения по вопросу строительства объекта размещения твердых коммунальных отходов на ж/с Шиес). Врио губернатора Архангельской области был назначен руководитель Ненецкого автономного округа А. В. Цыбульский, а на его место пришел его заместитель Ю. В. Бездудный. Низкие рейтинги также стали причиной отставки губернатора Камчатского края В. И. Илюхина.

Сводные результаты анализа прошедшего в 2020 г. процесса сменяемости руководителей российских регионов, представленные в табл. 4, свидетельствуют о пролонгации примененной в ходе электорального цикла 2019 г. модели управляемой избирательной процедуры назначения губернаторов. Детерминирующим ограничением проекта по обновлению губернаторского пула с применением указанной модели явились социально-политические и экономические факторы макросреды.

В целом, анализ региональных электоральных циклов 2019 и 2020 гг. позволяет сделать вывод о наблюдаемом в настоящее время смещении диспозиции акторов российской политической системы, заключающемся в усилении роли институтов государственной администрации в процессе принятия политических решений.

На практике это выразилось в построении модели административного регулирования электоральными процессами на местах: формирование пула кандидатов, выдвижение, организация и сопровождение предвыборных кампаний закрепляется за зоной ответственности действующих государственных гражданских служащих федеральных и региональных органов исполнительной власти.

Институту партии отводится роль сопровождения, обеспечения поддержки лояльным электоратом кандидатов и их программ, определенных федеральным центром. Местные элиты также не являются субъектами влияния на электоральный цикл: в подавляющем большинстве случаев уре-

Таблица 4

Характеристика сменяемости высших должностных лиц субъектов РФ в 2020 г.

Регион	Предыдущий глава региона			ВРИО			
	ФИО	Партийная принадлежность	Причина отставки	ФИО	Партийная принадлежность	Срок до ЕДГ 2020 г.	
г.ф.з. Севастополь	Овсянников Д. В.	ВПП «Единая Россия»	Конфликт с местными элитами	Развожаев М. В.	ВПП «Единая Россия»	14 мес.	
Еврейская АО	Левингаль А. Б.	Беспартийный	Ротация	Гольдштейн Р. Э.	ВПП «Единая Россия»	9 мес.	
Иркутская область	Левченко С. Г.	ЦК КПРФ	Конфликт с федеральным центром	Кобзев И. И.	Беспартийный	9 мес.	
Пермский край	Решетников М. Г.	ВПП «Единая Россия»	Повышение	Махонин Д. Н.	Беспартийный	8 мес.	
Республика Чувашия	Игнатьев М. В.	ВПП «Единая Россия»	Утрата доверия	Николаев О. А.	ПП «Справедливая Россия»	8 мес.	
Калужская область	Артамонов А. Д.	ВПП «Единая Россия»	Ротация	Шапша В. В.	ВПП «Единая Россия»	7 мес.	
Республика Коми	Гапликов С. А.	ВПП «Единая Россия»	Низкие рейтинги	Уйба В. В.	Беспартийный	5 мес.	
Архангельская область	Орлов И. А.	ВПП «Единая Россия»	Низкие рейтинги	Цыбульский А. В.	ВПП «Единая Россия»	5 мес.	
Камчатский край	Илюхин В. И.	ЦК КПРФ	Низкие рейтинги	Солодов В. В.	Беспартийный	5 мес.	
Ненецкий АО	Цыбульский А. В.	ВПП «Единая Россия»	Ротация	Безудный Ю. В.	Беспартийный	5 мес.	
Республика Татарстан	Минниханов Р. Н.	ВПП «Единая Россия»	Получение статуса врио главы региона для участия в выборах	Минниханов Р. Н.	ВПП «Единая Россия»	4 мес.	
Ростовская область	Голубев В. Ю.	ВПП «Единая Россия»		Голубев В. Ю.	ВПП «Единая Россия»	3 мес.	
Костромская область	Ситников С. К.	Беспартийный		Ситников С. К.	Беспартийный	3 мес.	
Смоленская область	Островский А. В.	ЛДПР		Островский А. В.	ЛДПР	3 мес.	
Краснодарский край	Кондратьев В. И.	Беспартийный		Кондратьев В. И.	Беспартийный	2 мес.	
Ленинградская область	Дрозденко А. Ю.	ВПП «Единая Россия»		Дрозденко А. Ю.	ВПП «Единая Россия»	2 мес.	
Пензенская область	Белозерцев И. А.	ВПП «Единая Россия»		Белозерцев И. А.	ВПП «Единая Россия»	2 мес.	
Брянская область	Богомаз А. В.	ВПП «Единая Россия»		Участвовал как действующий глава	Богомаз А. В.	ВПП «Единая Россия»	–

гулирование существующих и(или) потенциальных конфликтов региональной власти и высшего должностного лица субъекта с представителями местных элит формулировалось как задача уже вновь назначенному врио главы региона.

Задачи выстраивания успешной предвыборной кампании, в том числе решение вопросов развития территорий, удовлетворение запросов населения на изменения и снятие социальной напряженности, возлагались на органы исполнительной власти федерального и регионального уровней. Именно региональные правительства вместе с федеральными ведомствами являлись центрами принятия конечных политических решений.

Усиление интеграции чиновников в систему политического управления подтверждает прошедший в ноябре 2019 г. XIX съезд ВПП «Единая Россия». В обращении Президента РФ к участникам съезда обозначен приоритет работы в непосредственном контакте с людьми, а также реализации всех национальных проектов и достижения видимых результатов для всего населения¹⁵, что в большей степени относится к компетенции исполнительных органов государственной власти, непосредственно отвечающих за достижение всех целевых показателей. По сути, в качестве одного из ключевых составляющих успеха на грядущих парламентских выборах 2021 г. установлен результат работы государственной администрации как на федеральном, так и на региональном уровне.

Все вышеизложенное свидетельствует о значительном усилении роли государственной администрации и административных элит в российской политической системе и трансформации большинства политических процессов в России в формат административного регулирования.

Затрагиваемая в настоящей работе проблематика, по мнению автора, является перспективным направлением для проведения дальнейших исследований в сфере определения актуального состояния действующих политических процессов современной России. Анализ последующих региональных электоральных циклов 2021–2024 гг. будет способствовать системному и объективному пониманию характера развития российской политической системы и модели принятия ключевых политических решений.

Примечания

- ¹ См.: Колесников В. Н., Самусевич А. В. Аналитическая матрица характеристики жизненного цикла политико-административных элит // Управленческое консультирование. 2016. № 9 (93). С. 38.
- ² См.: Сеньюшкина Т. А. Административная элита как фактор инновационного развития // Азимут научных

исследований : экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 48–49. <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0801-000>

- ³ См.: Самусевич А. В. Соотношение политической и административной элиты : к вопросу о содержании понятий // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 3. С. 122–129. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-3-122-129>
- ⁴ См.: Tsebelis G. Veto Players : How Political Institutions Work. Princeton University Press, 2003.
- ⁵ См.: Ашихмина Я. Г. Электоральные циклы в России : изменение типологических характеристик выборов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2009. Вып. 9. С. 303–316.
- ⁶ См.: Туровский Р. Итоги и уроки губернаторских выборов // Политика в регионах : губернаторы и группы влияния / отв. ред. Р. Туровский. М. : Центр полит. технологий, 2002. С. 8–11.
- ⁷ См.: Кынев А. В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации. Опыт 1991–2018 гг. // Политика. 2019. № 2 (93). С. 125–150. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-93-2-125-150>.
- ⁸ См.: Быстрова А. С. Отставки и выборы 2018 г. : обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // Власть и элиты : альманах / гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 331–359. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.12>
- ⁹ См.: Барсегян В. М. Модели карьерных траекторий глав российских регионов // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 132–148. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.10>
- ¹⁰ Там же. С. 141.
- ¹¹ См.: Лобойко Д. А. Роль рейтингов политических элит в условиях «гибридной демократии» // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, вып. 8 (48). С. 1689–1696.
- ¹² См.: Рейтинг политической устойчивости губернаторов коммуникационного холдинга «Минченко Консалтинг» // Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг» : [сайт]. URL: <http://www.minchenko.ru/analitika/> (дата обращения: 14.01.2021).
- ¹³ См.: Рейтинг влияния глав субъектов РФ // Агентство политических и экономических коммуникаций : [сайт]. URL: http://www.apecom.ru/projects/list.php?SECTION_ID=101 (дата обращения: 14.01.2021).
- ¹⁴ См.: Рабочая встреча с врио губернатора Курганской области Вадимом Шумковым // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61316> (дата обращения: 14.01.2020) ; Встреча с врио губернатора Сахалинской области Валерием Лимаренко // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61189> (дата обращения: 14.01.2020).
- ¹⁵ См.: Съезд партии «Единая Россия» : Владимир Путин выступил на пленарном заседании XIX съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62105> (дата обращения: 16.01.2020).

Поступила в редакцию 27.04.2021, после рецензирования 10.05.2021, принята к публикации 15.05.2021
Received 27.04.2021, revised 10.05.2021, accepted 15.05.2021

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 362–368

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 362–368

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-362-368>

Научный отчет

Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика (отчет о конференции)

Я. А. Никифоров✉, Е. Е. Немерюк, Д. В. Покатов,
О. А. Романовская, Т. В. Темаев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5572-647X>

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, evgeniya_nemeryuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>

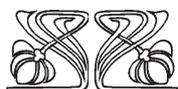
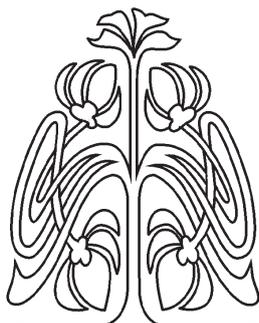
Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, dvpokатов@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной информатики, romanovska.ol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>

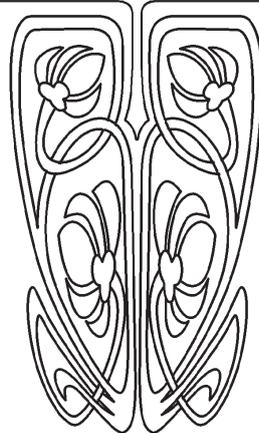
Темаев Тимур Вадудович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, timur_temaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8689-9330>

Аннотация. Статья посвящена обзору докладов прошедшей на социологическом факультете СГУ им. Н. Г. Чернышевского в феврале 2021 г. традиционной конференции «Дыльновские чтения. Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика». В рамках пяти дискуссионных площадок обсуждались наиболее актуальные и значимые проблемы современного общества. В рамках дискуссионной площадки «Общество, институты, личность: трансформационный дизайн» обсуждался целый спектр вопросов – от потенциальной академической мобильности студентов, особенностей участия молодежи в общественной жизни страны, правовой культуры молодежи до смены поколений политической элиты в условиях социальной неопределенности, специфики межэтнических отношений в Саратовском приграничье и особенностей трансформации российских моногородов. Дискуссия, развернувшаяся на площадке «Цифровая трансформация: сингулярность, повседневность, новая социальность» по ширине охвата авторских размышлений вписалась в проблемное поле исторической неизбежности информационного общества. В работе дискуссионной площадки: «Поколение COVID: новые формы развития и поддержки молодежи в период пандемии» выступления докладчиков были посвящены актуальным вопросам. Всестороннее влияние пандемии на человека связано не только с потенциальными рисками инфицирования. Карантин, который был объявлен из-за распространения COVID-19, негативно отразился на всех сферах – от экономики до области культуры и бизнеса. На площадке «Специфика социетальных процессов в условиях социальной неопределенности на региональном уровне» развернулась дискуссия об актуальных особенностях современных общественных явлений в российских регионах, преимущественно в Саратовской области. Среди участников дискуссионной площадки «Дискурс возраста и пола в современных социологических исследованиях» было большое количество представителей различных городов, республик и профессиональных групп, что подтвердило актуальность и востребованность подобной формы работы научных форумов.

Ключевые слова: современное общество, социальная неопределенность, Дыльновские чтения, дискуссионные площадки

ПРИЛОЖЕНИЯ

Для цитирования: Никифоров Я. А., Немерюк Е. Е., Покатов Д. В., Романовская О. А., Темаев Т. В. Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика (отчет о конференции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 362–368. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-362-368>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Scientific report

Modern society in conditions of social uncertainty: Theory and practice (Conference report)

Ya. A. Nikiforov[✉], E. E. Nemeryuk, D. V. Pokatov, O. A. Romanovskaia, T. V. Temaev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yaroslav A. Nikiforov, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5572-647X>

Evgeniya E. Nemeryuk, evgeniya_nemeryuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>

Dmitry V. Pokatov, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Olga A. Romanovskaia, romanovska.ol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>

Timur V. Temaev, timur_temaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8689-9330>

Abstract. The article is devoted to the review of the reports of the traditional conference “Dylnovsky Readings” held at the Faculty of Sociology in February 2021. “The Modern Society in the Conditions of Social Uncertainty: Theory and Practice”. Within the framework of five discussion platforms, the most relevant and significant problems of modern society were discussed. The discussion platform “Society, Institutions, Personality: Transformational Design” considered a whole range of issues – from the potential academic mobility of students, the peculiarities of youth participation in the public life of the country, the legal culture of youth, to the change of generations of the political elite in the conditions of social uncertainty, the specifics of interethnic relations in Saratov border region and the characteristics of the transformation of Russian single-industry towns. The discussion that unfolded on the platform “Digital Transformation: Singularity, Everyday Life, New Sociality” in terms of the breadth of copyright reflections, fit into the problematic field of historical inevitability of the information society. In the discussion platform: “COVID Generation: New Forms of Youth Development and Support during the Pandemic”, the speakers’ reports were devoted to topical issues. The full impact of the pandemic on humans is not only related to the potential risks of infection. Quarantine, which was announced due to the spread of COVID-19, negatively affected all areas – from the economy to the field of culture and business. The site “Specifics of Social Processes in Conditions of Social Uncertainty at the regional level” unfolded the discussion on the current characteristic of modern social phenomena in Russian regions, mainly in Saratov region. A large number of representatives of various cities, republics and professional groups participated in the discussion platform “Discourse of Age and Gender in Modern Sociological Research,” confirming the relevance and demand for such a form of work of scientific forums.

Keywords: modern society, social uncertainty, Dilnovskie readings, discussion platforms

For citation: Nikiforov Ya. A., Nemeryuk E. E., Pokatov D. V., Romanovskaia O. A., Temaev T. V. Modern society in conditions of social uncertainty: Theory and practice (Conference report). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 362–368 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-362-368>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Международная научно-практическая конференция «VIII Дыльновские чтения. Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика» прошла 12 февраля 2021 г. на базе социологического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (далее – СГУ имени Н. Г. Чернышевского). Участие в работе пяти дискуссионных площадок приняли представители практически всех вузов и других образовательных и научно-исследовательских учреждений Саратова, других городов России: Волгограда, Казани, Пензы, Саранска, Екатеринбурга, а также из-за рубежа: Белоруссии, Германии, Казахстана.

В рамках дискуссионной площадки «Общество, институты, личность: трансформационный дизайн» обсуждался целый спектр вопросов – от потенциальной академической мобильности студентов, особенностей участия молодежи в общественной жизни страны, правовой культуры молодежи до смены поколений политической

элиты в условиях социальной неопределенности, специфики межэтнических отношений в Саратовском приграничье и особенностей трансформации российских моногородов.

Особое внимание было уделено двум докладам – заведующего кафедрой корпоративной экономики Поволжского института управления имени П. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ в г. Саратове (далее – ПИУ имени П. А. Столыпина) *Вадима Игоревича Малого* и кандидата экономических наук доцента кафедры корпоративной экономики того же вуза *Владимира Владимировича Гусева*, а также доктора социологических наук профессора кафедры истории, теории и прикладной социологии, директора Центра региональных социологических исследований (ЦРСИ, СГУ имени Н. Г. Чернышевского) *Надежды Владимировны Шахматовой*.

В докладе В. И. Малого и В. В. Гусева был представлен анализ современной трансформации российских монопрофильных образований (моногородов), в которых осуществляется производство

важных для экономики видов продукции. В начале доклада авторы рассматривают понятие трансформационной экономической системы. Отмечается, что трансформационный период – это период времени, в течение которого общество осуществляет коренные экономические, политические и социальные преобразования, а экономика страны переходит в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами хозяйственной системы.

Авторы доклада отмечают, что в условиях происходящих сегодня социально-экономических трансформаций Россия старается сохранить свой экономический суверенитет не во всех, но в отдельных отраслях, важных с точки зрения государства и правящего класса. Например, капитал развитых стран допускается в собственность российских металлургических и энергетических компаний, но очень неохотно власти страны его допускают в нефтегазовый сектор, который во многом формирует доходную часть бюджета и находится под контролем российских элит. Для того чтобы подобный подход был осуществлен эффективно, Российская Федерация, по их мнению, функционирует как «государство-гарнизон» (или гарнизонное государство) при активном экспорте на мировой рынок нефти, газа и других видов сырья. Термин «гарнизонное государство» ввел в оборот американский социолог Гарольд Лассуэлл в 1940-е гг. для характеристики формы государства и общества, в которых огромные военные расходы и менталитет военного захвата сочетаются с ограничением гражданских свобод.

Возвращаясь к заявленной теме, авторы отмечают, что монопрофильное территориальное образование (моногород) представляет собой особенное поселение, в котором общая социально-экономическая ситуация зависит от уровня развития, финансового благополучия и социальной деятельности некоего главного – градообразующего – предприятия или нескольких подобных организаций. Авторы задаются вопросом, в чем заключается трансформация моногородской модели в настоящее время? В условиях общероссийской политики деиндустриализации и упадка многих отраслей промышленности моногорода превратились в негативное социальное явление, в тяжелое наследие плановой системы. Из моногородов наблюдается исход жителей, социальная и инженерная инфраструктура поселений обветшала и пришла в упадок. Проводимая неолиберальная экономическая политика и общая деиндустриализация российской экономики не оставляют места для будущего развития моногородов, сводят моногорода как муниципальные поселения к функционированию собственно градообразующих предприятий.

В докладе профессора Н. В. Шахматовой представлены результаты социологического исследования населения приграничных районов

Саратовской области, посвященного измерению уровня толерантности межэтнических взаимоотношений, характеру потребности в приобретении знаний о своей национальной культуре, отношению к соблюдению национальных традиций, наличию барьеров межэтнического взаимодействия, его рискогенного потенциала. Автор справедливо говорит, что сфера межнациональных отношений является чувствительной к происходящим политическим и экономическим изменениям. По мнению Питирима Сорокина, национальный вопрос необходимо трактовать как важный социально-политический, ибо в многонациональном государстве любая проблема жизнедеятельности может приобрести национальную окраску и рассматриваться с точки зрения национальных интересов и потребностей. С другой стороны, состояние данной сферы во многом является индикатором благополучия/неблагополучия конкретного субъекта Российской Федерации.

В докладе отмечается, что проведенный анализ показал высокий уровень толерантности населения приграничья. Большинство молодежи не испытывают потребности в приобретении и умножении знаний в области своей национальной культуры и истории, что, видимо, будет способствовать усилению тенденции к ассимиляции населения. Чем старше население, тем больше оно испытывает тягу к знаниям о своей национальной культуре. Меньше других эту потребность проявляли курды, мордва, русские, армяне и чуваша, что заставляет предположить, что представители этих народов больше заинтересованы в адаптации и ассимиляции, чем в сохранении своей этнической самобытности. Выявлены две тенденции межэтнического взаимодействия – модальное стремление сохранить свою национальную идентичность (азербайджанцы, русские, казахи, корейцы, евреи, курды) и появление вектора ассимиляции некоторых этносов (украинцы, мордва, немцы, марийцы, чуваша, белорусы), что проявляется в одобрении межэтнических браков и снижении интереса к национальной культуре в молодежной среде. В целом констатируется высокий уровень толерантности межэтнического взаимодействия жителей приграничья и значительный потенциал возможностей для роста популярности национально-культурных центров, более активного участия населения в проводимых ими мероприятиях.

Дискуссия, развернувшаяся на площадке «Цифровая трансформация: сингулярность, повседневность, новая социальность» по ширине охвата авторских размышлений вписалась в проблемное поле исторической неизбежности информационного общества. Стендовый доклад «Цифровая трансформация в действии», представленный доктором социологических наук профессором кафедры социальной информа-

тики социологического факультета СГУ имени Н. Г. Чернышевского *Ниной Ивановной Мельниковой*, содержал авторские размышления об основных аспектах цифровой трансформации в мире и России. Была дана характеристика текущим перспективным проектам цифровой трансформации. В фокусе интереса оказались ресурсы, содержащие индекс цифровой зрелости регионов России, методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием, рейтинг цифровой трансформации федеральных министерств, ресурсы «Стоп ковид» и инициатива «Челябинск, дыши!».

Общим убеждением для всех участников дискуссии стало утверждение неизбежного вторжения «цифровой трансформации» в функционирование базовых гуманистических сфер жизнедеятельности общества. Доктор философских наук профессор кафедры социальных коммуникаций ПИУ имени П. А. Столыпина *Александр Владимирович Рязанов* отметил, что несмотря на то что обыденным сознанием цифровизация воспринимается как современность, направленность в сторону прогресса, развития и даже некоторая гарантия движения социума и каждого гражданина к лучшему «для всех» будущему в новом «оцифрованном» мире, современные стратегии языковой манипуляции снижают возможность адекватного понимания процесса «цифровизации». Какой может быть цель использования словосочетания «цифровизация бедности»? Профессор убедительно доказывает, что слово «цифровизация» в связке со словом «бедность» маскирует явную негативную коннотацию, связанную с серьезной социальной проблемой.

Доктор социологических наук профессор *Ольга Алексеевна Романовская* и доктор философских наук профессор *Евгения Викторовна Листвина* (СГУ имени Н. Г. Чернышевского) были солидарны в размышлениях о «новой» социальности как свойстве социального, «общежительного» – по словарю Владимира Даля – взаимных отношениях и обязанностях гражданского быта, отмечая, что «старая» социальность не вытесняется новой при условии сохранения чувства общности. В широкое проблемное поле попадают особенности цифровой трансформации в различных аспектах жизнедеятельности, таких как: деловая жизнь; социальная стратификация; безопасность людей; демократизация; образование; гендерные особенности; научная жизнь; социальные изменения; идентичность, частная жизнь. *Елена Загемюллер* (University of Applied Sciences, Ludwigsburg, Германия), кандидат культурологии, магистр менеджмента) поддержала дискуссию, представив позитивные и негативные кейсы восприятия цифровой трансформации европейским сообществом.

Размышления о современной виртуальной реальности как результате развития информаци-

онных технологий в цифровом социокультурном обществе предложила доктор социологических наук доцент *Татьяна Николаевна Иванова* (Тольяттинский государственный университет). Социальный портрет сельских пользователей сети Интернет представила кандидат экономических наук *Светлана Геннадиевна Былина* (Институт аграрных проблем РАН, г. Саратов), проследив изменения основных социально-демографических характеристик, а также величины и динамики сельской интернет-аудитории за последние пять лет. Особенности цифровой трансформации в сфере образования обсуждались через поиск ответов на исследовательские вопросы: насколько компьютерные системы могут обеспечить учащимся интеллектуальные и мотивационные преимущества в обучении?; насколько экономически оправданы эти компьютерные системы?; какова должна быть обратная связь при расширении использования информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе? Кандидат социологических наук *Анна Александровна Вяльшина* (Институт аграрных проблем РАН, г. Саратов), исследуя новые риски, возможности и ограничения для сельских детей под влиянием цифровизации, отметила, что важнейшим негативным проявлением глобализации и связанных с ней процессов является возрастающее социальное неравенство.

Кандидаты социологических наук *Наталья Петровна Касаткина* и *Наталья Викторовна Шумкова* (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Научный центр социально-экономического мониторинга, г. Саранск, далее – НЦСЭМ, г. Саранск) на примере комплексного социологического исследования, проведенного в 2019 г. среди молодежи Республики Мордовия, раскрыли индикативный потенциал самозанятости в анализе трендов и тенденций «Индустрии 4.0». По мнению исследователей, изучение масштабов, факторов, структуры самозанятости позволит отслеживать тенденции на рынке труда и в сфере занятости, а также оценивать готовность субъектов рынка труда к «Индустрии 4.0». Темы занятости, развития профессиональных компетенций будущих специалистов сельского хозяйства, самозанятости, трудоустройства, рост прекариата в условиях цифровой трансформации были представлены *Евгением Дмитриевичем Леонтьевым* (СГУ имени Н. Г. Чернышевского), кандидатами социологических наук *Анной Владимировной Растегаевой* (ИП Глава К(Ф)Х Головачев В. В.) и *Еленой Викторовной Бочаровой* (Институт аграрных проблем РАН, г. Саратов). Дискуссию вызвали вопросы снижения эффективности трудоустройства при переходе на режим удаленной работы; основные тенденции цифровой трансформации на рынке труда в условиях кризиса и причины роста прекарного труда; особенности формирования профессиональных навыков и компетенций буду-

щих работников аграрной отрасли под влиянием цифровизации в условиях распространения новой коронавирусной инфекции.

Дискуссия завершилась общим убеждением в необходимости широкой научной рефлексии соответствия декларируемых целей и преимуществ цифровой трансформации социальным изменениям.

Среди участников дискуссионной площадки «Дисккурс возраста и пола в современных социологических исследованиях» можно отметить представителей различных профессий (педагог-психолог, учитель-логопед, директор учреждений социального обслуживания, директор рекреационной городской зоны) и представителей разных уровней академической науки – аспиранты, доценты, профессора.

Первым в работе секции было предоставлено слово доктору социологических наук *Светлане Викторовне Ситниковой* (СГУ им. Н. Г. Чернышевского), которая выступила с докладом на тему: «Историческая память саратовцев: поколенческие и гендерные особенности». В докладе прозвучали результаты проведенного количественного социологического исследования, посвященного оценке информированности саратовцев о значимых событиях жизни нашей страны. Доклад вызвал бурную дискуссию, так как никого из присутствующих такие темы, как «события ВОВ», «распад Советского Союза» и многие другие, не оставили равнодушными. Было задано огромное количество вопросов, многие участники выступили с личными комментариями. Среди особенно запомнившихся мнений можно выделить интересные идеи профессора СГУ имени Н. Г. Чернышевского *Марины Эдуардовны Елютиной* и оригинальные данные, представленные профессором ПИУ имени П. А. Столыпина *Ириной Юрьевной Сурковой*, имеющей в качестве научных интересов схожее направление.

Большой интерес вызвал доклад профессора *Юлдуз Ракибовны Хайруллиной* и доцента *Регины Рафисовны Гариповой* из Казанского (Приволжского) федерального университета, Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, на тему «Гендерный потенциал предпринимательства в Республике Татарстан: взгляд социолога». Докладчиками были освещены вопросы женской самозанятости в республике, описаны особенности женского предпринимательства и охарактеризовано взаимодействие с бизнесменами-мужчинами.

Также региональный взгляд на гендерные проблемы был представлен докладом *Оксаны Николаевны Курмышкиной*, старшим научным сотрудником НЦСЭМ, г. Саранск, выступившей на тему «Возрастные и гендерные особенности региональной миграции (на примере Республики Мордовия)». Были показаны современные

тенденции в передвижении населения, межпоколенческие различия в жизненных траекториях и гендерный анализ современной миграции региона. Докладчику были заданы вопросы об особенностях миграционных процессов, участники секции выступали со своими комментариями относительно собственных региональных отличий.

Доклад учителя-логопеда из МДОУ «Детский сад комбинированного вида № 214» Заводского района г. Саратова *Татьяны Владимировны Бутузовой* был посвящен патриотическому воспитанию дошкольников. Докладчик отметила, что по ФГОС предполагается формирование нравственно-духовных особенностей личности, формирование чувства гордости за свою нацию, почтительного отношения к национальным и культурным традициям своего народа. Воспитание подрастающего поколения в рамках уважения и любви к Родине формирует нравственно здоровое, жизнеспособное население. Именно в дошкольном возрасте происходит процесс формирования личностных ориентиров. Особенности аффективной сферы детей дошкольного возраста, способствующие проявлению эмпатии, позволяют формироваться нравственным ориентирам, поэтому целесообразно проводить работу, необходимую для воспитания ответственного отношения к окружающей природе и людям, становления устойчивой связи поколений, формирования либеральной позиции по отношению к ровесникам, взрослым, людям других национальностей. Т. Бутузова отметила, что в их дошкольном учреждении сложилась определенная практика по формированию патриотических чувств детей – беседы и презентации деятельности Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы». Таким образом дошкольники узнают, что «Волонтеры Победы» – это объединение людей, которые добровольно, по зову сердца, заботятся о ветеранах, помогают в благоустройстве памятных мест, восстанавливают историю семьи, хранят память о войне. Приобщиться к помощи ветеранам, почувствовать себя будущими волонтерами позволяет изготовление подарков для ветеранов, которые почувствуют тепло и заботу о них.

Оригинальным оказался доклад профессора *Ирины Юрьевны Сурковой* (ПИУ имени П. А. Столыпина) на тему «Межпоколенческие социально-трудовые конфликты в пожарно-спасательных частях: социальные риски и возможности их преодоления». И. Ю. Суркова в своем выступлении сконцентрировалась на вопросах готовности частей противопожарной охраны к выполнению задач обеспечения безопасности государства от угроз и пожарных рисков. Она подчеркнула, что среди факторов, влияющих на качество и скорость выполнения поставленных сотрудникам пожарной охраны задач, особое место занимают служебные конфликты, связанные,

в первую очередь, с характером сотрудников (некоторые излишне вспыльчивы, обидчивы, раздражительны, агрессивны), во вторую, с межпоколенческими различиями восприятия профессии, повседневными практиками взаимодействия в караулах, максимализмом молодых сотрудников; в третью, с уровнем профессионализма руководящего состава. В качестве проектных мероприятий по оптимизации системы управления социально-трудовыми конфликтами в пожарно-спасательных частях И. Ю. Сурковой предлагается проводить мониторинг, выявляющий уровень травматизма и экстренных, чрезвычайных ситуаций, связанных с угрозой жизни сотрудников, в зависимости от возраста и стажа службы начальников смен, что можно использовать при корректировке кадровой политики в данных организациях. Доклад вызвал бурную дискуссию о характере, особенностях и роли пожарно-спасательной службы в стабилизации общественного порядка в современной России.

В заключительном слове профессор М. Э. Елютина поблагодарила всех участников за интересные доклады и работу на дискуссионной площадке и подчеркнула, что традиционно на конференции вообще и на нашей секции в частности выступает большое количество представителей различных городов, республик и профессиональных групп, что подтверждает актуальность и востребованность данной формы взаимодействия.

На дискуссионной площадке были намечены дальнейшие направления исследований в рамках представленных докладов, сформулированы рекомендации научному сообществу и представителям местных администраций, чьи регионы были представлены докладами.

В работе дискуссионной площадки: «Поколение COVID: новые формы развития и поддержки молодежи в период пандемии» выступления докладчиков были посвящены актуальным вопросам. Всестороннее влияние пандемии на человека связано не только с потенциальными рисками инфицирования. Карантин, который был объявлен из-за распространения COVID-19, негативно отразился на всех сферах – от экономики до области культуры и бизнеса.

Вспышка коронавируса принесла большое количество летальных исходов, изменила жизнь обычных людей: нарушила планы, отдала от друзей и близких, заставила в ускоренном темпе обучиться новому. Пандемия COVID-19 оказала и продолжает оказывать свое влияние на все сферы жизни общества во всех странах мира: политику, экономику, образование, науку, здравоохранение, культуру.

Сейчас формируется новое поколение молодежи, пережившей пандемию, которое уже называют Covidgeneration. Ему пришлось столкнуться с онлайн-образованием, стрессом из-за изоляции, потерей доходов и массой других проблем.

В рамках данной дискуссионной площадки были затронуты актуальные проблемы, нашедшие отражение в докладах: «Зарубежный опыт поддержки молодежи в период пандемии», «Освоение интернет-пространства молодежью в период пандемии», «Роль самообразования и самостоятельной работы студентов в период дистанционного обучения», «Уроки пандемии: новый формат деятельности педагога», «Содействие занятости молодежи в условиях пандемии: опыт ЕС», «Школа в период пандемии», «Новые формы коммуникации преподавателей в период пандемии», «Современная молодежь в период пандемии коронавируса», «Приемы, применимые в рамках воспитательной работы с учащимися в период дистанционного обучения», «Социальное самочувствие молодежи: через “пандемические” страхи к социальному благополучию», «Активное включение молодежи в волонтерскую деятельность в период пандемии COVID-19», «Ковид-нигилизм молодежи», «Социальные практики COVID-19: новая культура общения».

С докладом на тему «Роль самообразования и самостоятельной работы студентов в период дистанционного обучения» выступила доцент кафедры физической культуры и спорта, ответственный за работу со студентами специальной медицинской группы Саратовской государственной юридической академии Ирина Анатольевна Лавричева. В ходе выступления она отметила, что Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11.11.2020 № 1402 «О мерах по снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции в образовательных организациях высшего образования» рекомендован переход на осуществление образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), обеспечивая при этом надлежащее качество подготовки обучающихся.

В рамках своего доклада «Приемы, применимые в рамках воспитательной работы с учащимися в период дистанционного обучения» специалист по работе с молодежью Управления по воспитательной работе Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. Александр Александрович Шиленко указал на то, что в социально-экономических условиях периода 2020–2021 гг., основанных на таких событиях, как введение «специальных режимов» для поведения граждан в частности и взаимодействия социума в целом, особое место занимают процессы, связанные с системой образования и воспитания молодежи. В заключение своего выступления, отразив негативные моменты современного образовательного процесса, связанные с введением «специальных условий»

осуществления воспитательной работы, докладчиком было отмечено, что внедрение и проведение перечисленных комплексных приемов, а также обмен практическим опытом среди других организаций, ведущих воспитательную деятельность, смогут сгладить проблемные моменты, вызванные введением «специальных режимов» в настоящее время, и позволят прогнозировать и планировать воспитательную деятельность в случае продления и/или возобновления ухудшения эпидемиологической ситуации.

Доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) *Софья Борисовна Абрамова* представила свой доклад на тему «Социальное самочувствие молодежи: через “пандемические” страхи к социальному благополучию». Она отметила, что наряду с ростом достаточно традиционных страхов, репертуар тревог молодежи изменился за счет появления новых «пандемических» страхов, которые отсутствовали (или были очень слабо выражены) до периода пандемии. Закономерно, что самые активно сформировавшиеся страхи связаны со сферой здоровья: 60% опрошенных опасаются неэффективности системы здравоохранения, 54% боятся заболеть и долго ждать лечения / скорой помощи / результатов обследования, 36% не доверяют врачам в силу потенциальной возможности попасть к некавалифицированному специалисту, 31% боятся назначений новых лекарств или непроверенных методов лечения, 22% видят риски в вакцинации.

На площадке «Специфика социетальных процессов в условиях социальной неопределенности на региональном уровне» развернулась дискуссия об актуальных особенностях современных общественных явлений в российских регионах, преимущественно в Саратовской области. Несколько докладов вызвали особенный интерес.

Доцент СГУ имени Н. Г. Чернышевского *Татьяна Леонидовна Коновалова* в своем докладе «Приоритеты государственной миграционной политики» рассмотрела проблему использования труда мигрантов в России – его положительные и отрицательные аспекты, а также меры государственной миграционной политики, направленной на упорядочение использования труда мигрантов; выделены изменения миграционной политики в 2020–2021 гг. и перспективные задачи в данной сфере.

Профессор СГУ имени Н. Г. Чернышевского *Ирина Александровна Бегина* вместе с магистрантом 2-го курса *Андреем Андреевичем Кузнецовым* доложили о реализации проведения молодежной политики в условиях социальной неопределенности в региональном аспекте. Проанализированы проблемы молодежной политики, проводимой в России и регионе; подчеркивается важность формирования у подрастающего по-

коления социально-положительных ориентиров, способствующих благополучному развитию общества и государства в целом.

Совместный доклад профессора *Марины Викторовны Калининской*, доцента *Светланы Владимировны Кургановой* и магистранта 2-го курса *Ярослава Александровича Головки* (СГУ имени Н. Г. Чернышевского) «Роль поликлиник в сохранении здоровья населения г. Саратова» был посвящен формам организации медицинской помощи в поликлиниках города Саратова (по материалам авторского социологического исследования). Особое внимание уделено оценке и эффективности работы государственных медицинских учреждений, удовлетворенности полученными медицинскими услугами, а также распространением теневого рынка медицинских услуг в государственных поликлиниках.

В своем выступлении доцент *Татьяна Валентиновна Хуторянская* (СГУ имени Н. Г. Чернышевского) изложила результаты исследования стратегий преодоления стрессовых ситуаций у государственных и муниципальных служащих Саратовской области. Она установила, что существуют значимые различия в особенностях стратегий преодоления стрессовых ситуаций у государственных и муниципальных служащих. Прикладной аспект данной проблемы состоит в возможности использования результатов исследования при практической работе по созданию условий для успешного преодоления стресса у работников, находящихся на государственной и муниципальной службе.

Ирина Владимировна Нечаева, кандидат социологических наук (Институт аграрных проблем РАН, г. Саратов), в докладе «Возможности малых форм хозяйствования в условиях социальной неопределенности» резюмировала, что сформировавшаяся в результате пандемии новая социально-экономико-биологическая реальность с присутствующей в ней неопределенностью уже сейчас является тем мощным фактором, который заставляет обратить пристальное внимание на развитие индивидуальных и относительно автономных форм экономической сельскохозяйственной деятельности. В период пандемии у представителей данных групп появился особый шанс – сохранив себя как товаропроизводителей, их представители могут упрочить свои статусные и экономические позиции. Поэтому развитие малого фермерского сегмента приобретает сейчас особую стратегическую направленность в перспективе социально-экономических отношений будущего.

В целом прошедшая конференция дала возможность в условиях ограничений для проведения научных форумов ученым и практикам обменяться мнениями и результатами проведенных исследований по наиболее актуальным проблемам общественной жизни в области социологии и смежных наук.